

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛМ

МОСКОВСКОЕ
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ.

ВЪ пользу заведенныхъ въ Санктпетер-
бургъ Екатерининскаго и Александровскаго
Училищъ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ
ВЪ СЕБЪ

Собраніе разныхъ лучшихъ статей, касаю-
щихся до Нравоученія, Политической и
ученой Исторіи, до Философическихъ и
словесныхъ наукъ и другихъ полезныхъ
знаній,

СЛУЖАЩЕЕ
ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
УТРЕННЯГО СВѢТА.

ЧАСТЬ III.

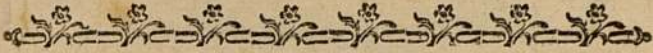
ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова 1781 года.

О Д О Б Р Е Н І Е .

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ *Московское Мѣсячное Изданіе часть III.* и ничего въ ней не нашелъ прошивнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ книгъ; почему она и напечатана бысть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчій Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

- I. Похвальное Слово покойному Прусскому Принцу Генриху, читанное въ чрезвычайномъ собраніи Королевской Академіи наукъ Декабря 30 дня, 1767 года. - 1
- II. Примѣчаніе на священное писаніе, выбранныя изъ сочиненій славнаго Нѣмецкаго Писателя Господина Геллерта. - - - - 26
- III. Почему не хорошо предузнавать судьбу свою. - - - - 47
- IV. Письмо Харитеса къ Аристодемону. - - - - 70
-

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

*Похвальное Слово покойному Прусскому
Принцу Генриху, читанное пѣ чрезпы-
чайномъ собраніи Королецкой Акаде-
міи наукъ Декабря 30 дня, 1767 года.
Перепедено съ Французскаго языка.*

Почтенные Господа!

Естли скорбѣть дозволено разумному
человѣку, то безъ сомнѣнія тогда,
когда онѣ съ своимъ отечествомъ и съ
многочисленнымъ народомъ имѣетъ уча-
стіе въ печали о невозвратимой потерѣ.
Философія ни мало не учитъ погашать въ
насъ природу; но ея должность есть
только управлять и воздерживать излише-
ства страстей. Она ограждая сердце пре-
мудраго довольною постоянностію къ по-
несенію нещастія великодушно, укорила

Часть III. мѣс. Сент. А бы

бы его, ежели бы онъ яко изумленной
 смотрѣлъ нечувствующими глазами на
 пагубу и влочленіе своихъ согражданъ.
 Слѣдовательно мнѣ ли дозволено едино-
 му находиться нечувствительнымъ при
 печальномъ приключеніи, помрачающемъ
 свѣтлыя ваши дни, при плачевномъ по-
 зорищѣ, васъ ужасающемъ, при семъ
 смерти торжествованіи, когда она изъ
 похищенныхъ у насъ добычь ставитъ
 себѣ побѣдоносные знаки, и со воскли-
 даніемъ радуется о вознесеніи ей на жер-
 тву нашихъ свѣтлѣйшихъ особъ? Ни-
 какъ, господа! мое молчаніе было бы
 осудительно: пускай мнѣ лучше будетъ
 дозволено совокупить свой голосъ съ го-
 лосомъ поль многихъ добродѣтельныхъ
 гражданъ, оплакивающихъ судьбину мо-
 лодаго Принца, котораго боги произве-
 ли будто на показъ только свѣту? На
 которую сторону взоръ я свой ни обра-
 щаю, вездѣ усматриваю глаза потуплен-
 ныя, помраченныя лица, изображеніе
 печали, токи слезъ; вездѣ слышу воз-
 дыханія и рыданіемъ угнѣтаемыя собо-
 лѣзованія. Сіе приводитъ мнѣ на па-
 мять слезами обливающуюся Королев-
 скую Фамилію, назадъ пребующую, но
 ахъ! тщетно, любезнаго Принца, кото-
 раго она на всегда потеряла.

Причиною сея всеобщія печали не была высокая Принца Генриха порода, копорая его такъ близко къ шрону приближала: величештво, знатность, могущество влагающѣ токмо боязнь, принужденную покорность, и почтенія также тщетныя, какъ и самой попѣ кумирѣ, въ копоромѣ оныя вселяются. Падаешѣ ли оной кумирѣ? Все почтеніе перешаешѣ и злоба его сокрушаешѣ. Нѣшѣ, господа! не отѣ Фортуны по происходило, что въ Принцѣ Генрихѣ было почтенія достойно, но отѣ напуры, но отѣ душевныхъ дарованій, но отѣ качештвѣ сердечныхъ, но отѣ достоинства самого человѣка. Ежели бы онѣ имѣлѣ обыкновенную токмо душу, по для благоприсшойности можешѣ быть истощены бы на него были холодныя сожалѣнія, самымѣ общенароднымѣ неуваженіемѣ изобличенныя, многотрудныя похвалы, со скукою слушанныя, пустыя доказательства чувствительности, копорыя бы ни самыхъ глупцовѣ не обольстили; и имя бы его на вѣчное было осуждено забвеніе.

Ахѣ, какъ мы отдалены отѣ сего случая! Хотя бы Принцѣ Генрихѣ простымѣ только былѣ человѣкомѣ, по и тогда склонилѣ бы къ себѣ сердца всѣхъ къ нему приближенныхъ. Воис-

пинну, кто бы могъ оплучить себя отъ его ласковаго виду, отъ свободнаго доступа, отъ тихаго нрава, безоплучно съ нимъ пребывшаго, отъ сего нѣжнаго и жалостливаго сердца, отъ сего благороднаго и высокаго ума, отъ сего созрѣлаго разума въ возрастѣ еще непостоянномъ, отъ сея знаній и добродѣтелей любви въ той живой младости, когда большая часть людей склонны покло къ увеселенію и шалостямъ, отъ сего наконецъ удивленія достойнаго дарованій и добродѣтелей совокупленія, примѣчаемаго такъ рѣдко въ приватныхъ, но гораздо рѣже въ Высокородныхъ особахъ, потому что ихъ меньшее число?

Найдется ли кто въ семъ собраніи столь злобный и довольно насмѣшливый человѣкъ; столь жестокой и немилосердой хулитель, которой бы опважился похвальную справедливой нашей стуги причину осмѣять и вопреки сказать, что мы предпріяли севодни похвалить такого юношу, которой опошелъ отъ насъ скоропоспижно и не оставилъ по себѣ никакого слѣду своего бытія? Никакъ, господа! я имѣю очень высокое понятіе объ опличіи сего народа, такъ, что ни мало думать не могу, чтобы нашлись въ немъ люди нечувствіемъ одича-

одичалые, и изъ охоты къ прекословію безчеловѣчные: можно не знать нашей потери, но не можно ее познать безъ сожалѣнія. Впрочемъ, хотя бы нашлись такіе недоспойные похулители, по чего бы не могли мы имъ дать въ отвѣтъ?

Воображаютъ ли они себѣ, что весь народъ обманывается, когда при смерти молодого Принца являетъ знаки наиглубочайшей печали? Думаютъ ли они, что можно у общества быть любимымъ и привести его въ нѣкопкой видъ восторга безъ заслугъ? Помышляютъ ли они, что человѣческой родъ поль мало къ поданію своего согласія склонной, подаетъ оное легко, хотя и добродѣтелью къ тому не понужденъ? И такъ пускай они согласятся, что сей юноша, копкой не оставилъ никакого слѣду своего быпія, достоинъ былъ нашего сожалѣнія, какъ для того, что мы на него надѣялись, такъ и для не многихъ Принцовъ на потеряніе у насъ оставшихся.

Да оправдаемъ слезы Королевской Фамиліи, соболѣзнованія истинныхъ гражданъ, правительству усердныхъ, и всенародной ужасъ при извѣстіи о столь важномъ уронѣ.

Что составляет, господа, крепость государств? Обширные ли границы, которыми нужны защитники? Богатства ли купечеством и рачением собранные, которые полезны только чрез доброе их употребление? Многочисленные ли народы, которые бы сами себя разорили, если бы не имѣли предводителей? Нѣтъ, господа! сии предметы суть грубые матеріалы, которые пополюку цѣны и почтенія достойны бываютъ, пополюку мудрость и искусство употребить. Крепость государств состоитъ въ великихъ особахъ, натурою въ нихъ въ пристойное время произведенныхъ. Пробѣгите всего свѣта лѣтописи; вы увидите, что возвышенныхъ и прославленныхъ государствъ тѣ были времена, въ которые блистали высокіе умы, добродѣтельные души, и превосходною заслугою одаренные мужи, поддерживая тяжесть правительства великодушнымъ своимъ стараніемъ. Сей то темной помыслъ есть причиною, что общество при смерти значной породы людей бываетъ чувствительнымъ, для того, что оно важныхъ заслугъ отъ нихъ ожидало. Какъ о пагубѣ молодаго деревца, готоваго уже къ принесенію плодовъ, но въ жестокою зиму завязшаго, болѣе сожалѣемъ, нежели о погибели ста-

старого дерева, отъ иссохновенія пита-
 тельнаго соку вѣтви свои засушившаго :
 такъ , господа ! и общество бываетъ го-
 раздо чувствительнѣе при опнятїи у
 него такихъ надеждъ , которыми было
 ему только наслаждаться время приспѣ-
 вало , нежели о потерянїи такихъ , отъ
 которыхъ оно ради ихъ недолговѣчно-
 сти не могло ожидать тѣхъ же заслугъ ,
 какія они ему въ своей юности оказа-
 ли.

На кого могли бы мы иногда воз-
 ложить твердѣйшія упованія , какъ не на
 такого Принца , котораго и малѣйшія
 дѣйствія открывали намъ преудиви-
 тельную откровену , и предъявляли , къ
 чему бы онъ иногда былъ способенъ ?
 Ахъ ! мы видѣли на единомъ полѣ воз-
 растающую и поспѣвающую дарованій
 и добродѣтелей опрасль , которая намъ
 богатую обѣщавала жатву.

Просвѣщеннѣйшіе люди , большее обра-
 щеніе въ свѣтъ имѣющіе , и при томъ глуб-
 же въ сердца человѣческія проникающіе ,
 которые знаютъ изъ самаго внутрення-
 го состоянія качествъ , догадываются о
 дѣянїяхъ отпуда ожидаемыхъ , чего бы
 не нашли въ характерѣ сего молодаго
 Принца ? Во истинну нашли бы они ду-
 шу , гдѣ живо добродѣтель была изо-
 бражена , сердце благородными мысля-

ми исполненное, духъ охотной къ ученію, превосходную остроуму и разумъ мужественной и рано созрѣвшей. Хопите ли примѣровъ о томъ, сколько разумъ его въ семь толь нѣжномъ возрастѣ надъ нимъ властвовалъ? Приведите себѣ на память безпокойные оныя дни, шолкими бѣдствіями примѣтные, когда Европа сговорилася на испроверженіе сея Монархіи: когда мы число нашихъ непріятелей знать, но пріятелей по надежнымъ признакамъ трудно различить могли. Въ то время Прусской наслѣдной Принцъ оставилъ Магдебургъ, сію послѣднимъ Королевскому дому убѣжищемъ бывшую крѣпость, дабы при Королѣ находиться въ походѣ 1762 году.

Принцъ Генрихъ пылая охотою вступить въ тотъ же путь, куда Принцъ его братъ отправлялся, но спознавъ, что не только младость отдаляла его отъ военныхъ трудовъ, но и что еще Король, его дядюшка, не могъ всѣхъ особъ, на которыхъ общество надежду полагало, вдругъ безъ предусмотрѣнія подвергнуть очевиднымъ опасностямъ, за благо разсудилъ обратиться все свое стараніе къ ученію, сказавъ: „я всѣ минушны моего отъ дѣлъ празнаго времени, которыя не могъ я посвятить славы, учиню

„учиню полезными.“ Сему предпріятію соотвѣпствовали его успѣхи. Онѣ не упражнялся въ ученіи такѣ, какѣ по непопребное и испорченное юношество, которое бояся своихъ наставниковѣ, спѣшитѣ пропивающуюся себѣ должность скорѣе исполнить для того, чпобы попомѣ отдаться въ праздность, или еще распускное житіе и развращеніе, къ чему примѣры, да и весьма часто, путь ему показывають.

Нашѣ гораздо разумнѣйшій Принцѣ зналъ, что онѣ также, какѣ всѣ люди, при рожденіи получилѣ только способность къ наученію, что онѣ долженѣ былѣ тому учиться, чего не зналъ, и свою память (сіе драгоцѣнное влагалище) наполнить знаніями въ печеніи житія ему благопопребными. Онѣ былѣ увѣренѣ, что просвѣщеніе, ученіемѣ снисканное, дѣлаетѣ опытѣ ранѣе созрѣлымѣ, и что теорія, хорошо выразумленная, ведетѣ къ удобной практикѣ Хотите ли вы вѣдать, коль широкое поле знаній онѣ было обнялѣ? Съ самой древней исторіи даже до нынѣшней все онѣ читалѣ: наипаче же старался изобразить въ своей памяти качества великихъ мужей, главные и знапнѣйшія приключенія, и то, что болѣе способствовало къ возвышенію или паденію Имперій.

рїи. Сей изящной и драгоцѣнной выборѣ учинилъ онѣ себѣ довольно извѣстнымъ.

Не было ни единого нѣскольکو знаменитаго сочиненїа о военномъ искусствѣ, котораго бы онѣ не читалъ съ прилѣжанїемъ, и о которомъ бы не вывѣдалъ мнѣнїа у искусныхъ въ томъ людей. Хотите ли вы еще меньше сомнительныхъ свидѣтельствѣ о ревностимъ показанной къ основательному познанїю вещей? Такъ послушайте, господа! что онѣ прошедши различныя системы о укрѣпленїи мѣстъ, и почувствуя, что не столько, сколько ему хотѣлось, успѣлъ онѣ въ сей наукѣ; для того шесть мѣсяцовъ цѣлыхъ обучался у Капитана Рико, ни кѣмъ къ тому не побужденъ и безвѣдома самихъ своихъ родственниковъ. О юноша! какой примѣръ можетъ быть лучшей какъ твоей, для малодушнаго и неприлѣжнаго юношества, требующаго понужденїа къ ученїю? И чего не должно было ожидать отъ твоихъ удачныхъ способностей? Хотите ли вы опмѣнныхъ знаковъ основательнаго его разума? Объявимъ всенародно истинну: отважимся передъ симъ знаменитымъ собранїемъ смѣло сказать то, что по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ его членовъ извѣстно

стно быть должно. Принцъ Генрихъ будучи осьмнадцати лѣтъ, умѣлъ уже рассказывать системы Карпезіевы, Лейбниціевы, Малекраншевы и Локковы: не токмо память его твердо содержала всѣ сіи отвлеченные предметы, но и разсужденіе его всѣ оныя на чисто передумало. Онъ весьма дивился, что въ изобрѣшеніяхъ сихъ великихъ мужей нашелъ меньше истиннѣ, нежели остроумныхъ догадокъ: и чрезъ сіе доведенъ былъ до того, что началъ думать, какъ Аристотель, что сомнѣніе есть начало премудрости.

Здравой разсудокъ, которой былъ ему предводителемъ во всѣхъ его начинаніяхъ, присовѣщивалъ ему въ ученіи Геометрическомъ держаться болѣе началъ Евклидовыхъ. О вышней Геометриіи сказалъ онъ, что оставляетъ ее для праздныхъ головъ, которыя могутъ въ ней упражняться отъ избытка своего разума. Будетъ ли въроятно потомству, что сей любезной Принцъ едва перешелъ за порогъ святилища наукъ, а уже долженъ былъ постыдиться толкое число ученыхъ, подъ лапами побѣдѣвшихъ, которые наполняя память, разума своего никогда не просвѣтили?

Удачной умъ подаетъ ко всему, что ни хочетъ предпринимать, способность:

бность: онъ яко Протей измѣняетъ свой видъ безъ труда, однако всегда тѣмъ дѣйствительно кажется предметомъ, котораго онъ представляетъ. Нашъ Принцъ будучи рожденъ съ симъ счастливымъ дарованіемъ, не опустилъ и военной науки безъ опыта по мѣрѣ своихъ знаній. Что онъ ни дѣлалъ, ко всему рожденъ казался. Ревность его и склонность открылася наипаче въ ежегодныхъ его походахъ, гдѣ находяся при Королевской свитѣ, проходилъ провинціи, познавалъ войско, и войско его: съ самыхъ малѣйшихъ подробностей даже до вышнихъ частей сея опасная науки, ни что не ушло отъ его проворности; при всемъ томъ былъ онъ всегда одинакаго нраву, умѣренъ въ своихъ поступкахъ, поворопливъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ предпріятіяхъ постояненъ, неутомимъ въ трудахъ, и ко всему, что полезнымъ и достохвальнымъ быть можетъ, по превосходству склоненъ.

Толь многіе, удивленія достойные, таланты, отъ природы Принцу Генриху дарованные, не составили бы всеконечно совершенной похвалы, естли бы съ ними качества сердечныя, всѣмъ людямъ, но особливо великимъ, свойственныя, не были совокуплены, и дѣла бы не вѣнчали.

Про-

Пространнѣйшее поле представляется моему взору, предлагая мнѣ обильную жатву добродѣтелей. Отрокъ въ такомъ возрастѣ, гдѣ душа едва только обнаруживаться начинаетъ, подаетъ мнѣ множество примѣровъ совершенствъ. Я не предложу ничего, господа, чтобы не основано было на самомъ опытѣ; и коль бы велико ни было мое усердіе къ сему Принцу, токмо не ослѣпитъ оно меня такъ, чтобы я для него свидѣтелей подкупить захотѣлъ. Но кто назоветъ меня лжецомъ, если я скажу, что Принцъ Генрихъ родясь съ весьма горячимъ темпераментомъ, зналъ умѣрять свою горячность пособіемъ благоразумія? Имѣвшіе честь быть къ нему приближенными, вѣдаютъ совершенно, что можно было смѣло ему открытъ свое сердце, не опасаясь, чтобы онъ пересказалъ кому тайны, ему повѣренныя. Сердце его наипаче было какъ благороднѣйшая, такъ и самая лучшая его часть: къ приходившимъ къ нему былъ благопріятенъ, соболезнователенъ къ злосчастнымъ, къ спраждающимъ жалосливъ, человеколюбивъ ко всѣмъ: онъ казался, яко бы имѣлъ участіе въ жребіи оскорбленныхъ, уполялъ плачь несчастливыхъ, на нищихъ испощалъ обильно свою щедроту: ничего не имѣлъ у себя толь драгова, чего бы онъ

онъ не употребилъ на вспомошествованіе нужнаго лишенныхъ. Я ссылаюсь на васъ, злосчастныя Фамиліи, которыми онъ, сколько возможно было, помогалъ; на васъ, посрамленные бѣдняки, всегда находившіе въ немъ надежное прибѣжище, на васъ, всякаго рода безчастные, которые потеряли въ немъ вашего благодѣтеля, вашего отца. Сіи превосходныя склонности были ему такъ естественны: и толь мало силился онъ ихъ на свѣшлой полдень выставить, что явно и ясно видѣшь можно было, что они изъ чистаго и неизчерпаемаго источника происекали: подобало ли непріязненной судьбинѣ его иссушить такъ скоро? Забуду ли я оныя немногіе дни, которые онъ въ своемъ полку препроводилъ? Вы, его военачальники, и вы храбрые всадники, славные пѣмъ, что подъ его предводительствомъ служили, естли хотя единъ изъ васъ, которой бы меня въ неправдѣ изобличилъ, когда я скажу, что вы познали его токмо чрезъ благодѣянія, и что сей молодой Принцъ могъ вамъ служить путеводителемъ и образцомъ?

Вы знаете, господа! что безкорыстное любіе совершенное есть такой источникъ, изъ котораго вся добродѣтель происекаетъ: въ комъ оное водворяется, толь честное

етное имя предпочитаетъ богатству, правосудіе желанію необузданныхъ роскошей, общую и государственную пользу своей собственной и своего семейства пользѣ цѣлости и сохраненіе опечиства своему собственному сохраненію, имѣнію, здоровью и своей жизни: однимъ словомъ, оно возноситъ человѣка выше человѣка, и дѣлаетъ его почти небеснымъ жителемъ. Сіи благородныя и достохвальныя мысли примѣчаемы были во всѣхъ дѣяніяхъ нашего Принца: сколько кратъ желалъ онъ, чтобы супружество Прусскаго Принца, его брата, было плодородно, и хотя не можно было ему не знать, что безплодіе сего сочетанія приближило бы его къ прону: однако увѣдомясь о облегченіи отъ бремени Принцессы, своей невѣстки, всѣмъ сердцемъ обрадовался, и сожалѣлъ только, что она не Принца на свѣтъ произвела. Не обинулся бы я вамъ сказать еще подобныхъ сему случаевъ, которые бы васъ болѣе къ любленію его склонили и возбудили бы даже до удивленія; но понесите великодушно, господа! что я здѣсь останавливаюся, и не открою завѣсы закрывающей отъ простыхъ очей то, что до внутренности Королевскаго дому касается.

Сверхъ всего, что вы теперь о Принцѣ Генрихѣ слышали, кто бы не возъ.

возѣмѣмъ опасенія, чтобъ та крайняя спрасть, которую всѣ люди имѣютъ, хвалятъ самихъ себя, чтобы сіе удовольствіе, съ которымъ они превозносятся наималѣйшія свои дѣла, чтобы сія ласкательная склонность, принимаютъ отъ другихъ похвалы, не надмила сердца молодого человека суебною всегда ненавистною, хотя она и не была совѣмъ безъ основанія? Что скорѣе можетъ поразить о камень самолюбія, какъ столько талантовъ и столько еще добродѣтелей? Но къ счастью нашему не имѣли мы для него ничего опасаться: превосходной разумъ предохранилъ его отъ сего пагубнаго пораженія. Я въ семъ посылаюсь на весь дворъ Королевской, на сей градъ, на войско, на провинціи и на васъ самихъ, господа! вы вѣдаете, что благодѣтельная его душа всегда была сама собою не довольна. Онъ не доволенъ будучи находящимися въ себѣ качествами, имѣлъ гораздо вышшее понятіе о шѣхъ, которыя пріобрѣсти надѣялся: сія причина возбудила въ немъ ревность къ снисканію шѣхъ знаній, которыя ему еще не доставали, дабы во всякомъ родѣ наукъ столь близко подойти къ совершенству, сколько слабости человеческой до того достигъ позволено.

Но

Но хотя суетность казалась ему смѣха достойною слабостію, однако не непобудителенъ онъ былъ и прелестію славы. Да и которой добродѣтельной чело-вѣкѣ ею иногда возгнушался? Сія есть послѣдняя страсть премудраго; самыя строжайшіе Философы не могли ее искоренить. Пускай мы, господа, лучше признаемся добровольно, что желаніе твердаго и долговѣчнаго имени есть наимо-щнѣйшее побужденіе, главнѣйшая при-мана душъ, источникъ и вѣчное основа-ніе понуждающее людей къ добродѣте-ли, и производящее на свѣтѣ такія дѣ-ла, чрезъ которыя дѣлаютъ они себя безсмертными. Принцъ Генрихъ не хотѣлъ бытъ одолженъ своимъ прослав-леніемъ подлomu угожденію просполю-диновъ, сихъ презрительныхъ почита-телей счастливыхъ, которымъ они изъ подлoduшія жертвуютъ, хотя сіи сами ни чѣмъ того не заслужили: но желалъ свойственной своему лицу славы, и ко-торую бы зависть не могла сдѣлать со-мнительною; не славы, говорю, у дру-гихъ занятой, но подлиннаго имени, утвержденнаго на основаніи неизмѣнимой породы.

Чего не предвѣщали бы мы себѣ отъ поль многихъ удивительныхъ качествъ сопряженныхъ съ такою учтивостію?

Съ какимъ удовольствіемъ не описали бы мы вѣ передъ того житія, котораго мы отъ сего Принца ожидали? Мы видѣли его входящаго вѣ міръ: путь къ славѣ для него открывался: и показывался онѣ намъ яко боецъ приуготовившейся учинить свое печеніе знаменитымъ: цвѣтущая его младость возбуждала вѣ насъ надежды: ужѣ за ранѣе гоповились мы наслаждаться всею его заслугою; но, ахъ какъ жалко! не знали мы того, что проливной рокъ судьбины долженствовалъ его у насъ отнять такъ скоро.

Коль я несчастливъ! Долженъ ли опять возобновить вашу печаль? Надлежитъ ли мнѣ паки отверсть источникъ вашихъ слезъ? На то ли опредѣлена моя рука, чтобы вновь обратишь кинжалъ вѣ язву вашихъ сердецъ, еще кровію обливающуюся? Тщетно, господа, напрегль бы я мои силы, чтобъ укрыть отъ васъ всеобщую нашу потерю; ахъ! она весьма дѣйствительна! слабосильные Орапоры, чѣмъ можете вы утолить полъ чувствительную печаль? Сожкупите наипаче ваши слезы съ попокомъ изливаемыхъ? Вы вѣдаете, что по несчастію внезапно напала на Принца Генриха какъ любая такъ и страшная болѣзнь. Онѣ не знавъ ощущенія стра-

страха, не опасался оспы, хотя она въ прошедшую зиму ужасно многихъ поплѣнила, и хотя весь почти свѣтъ обще ея боялся. Удивляйтесь его чело-вѣколюбію: какъ только объявили ему лекари, чѣмъ онъ занемогъ, то заказалъ онъ къ себѣ приходять всѣмъ своимъ домашнимъ, которые той же болѣзни еще не имѣли: одинъ изъ его камердинеровъ бывшій въ семъ состояніи не смѣлъ у него служить; онъ сказалъ: естли хотятъ, чтобъ я былъ спокоенъ, то пускай позволятъ мнѣ одному проекаать собственную мою опасность, а не доводитъ меня до того, чтобы я другимъ ее сообщилъ. Одинъ изъ Королевскихъ Адъютантовъ, не имѣвшей еще никогда оспы, назвался было стоять у него на караулѣ; но Принцъ не захотѣлъ, чтобъ онъ подвергнулъ себя бѣдствію: и такъ опасаясь, чтобы не повредить жизни тѣхъ, которые около его находились, одинъ преодолевалъ свои опасности. Сія доброта, сія благородная мысль, сей великодушной помыслъ, сіе чело-вѣколюбіе, первѣйшая изъ добродѣтелей, отличали его до самой смерти; онъ пострадалъ терпѣливо, возвелъ взоръ свой на смерть неустрашимо, и предалъ себя ей геройски.

Какой громкой ударъ для Королевскаго дому была сія какъ нечаянная такъ и злосчастная вѣдомость! Ахъ! мы всѣ себя ласкали, каждой спарался представить себѣ сонное нѣкое привидѣніе, мы отдаляли отъ своихъ душъ плачевные виды, коихъ прискорбное воображеніе вредило нѣжности нашихъ чувствованій. Люди ограниченнымъ ихъ искусствомъ до того доведенные, чтобы быть только свидѣтелями болѣзней, забавляли насъ сею обманчивою безопасностью до пѣхъ поръ, пока вдругъ плачевнаго голоса звукъ уничтожилъ нашу надежду, и повергъ насъ въ глубочайшее сѣпованіе.

Вспомяните, господа, оной прискорбной день, въ которой все повсюду разглашающей слухъ внезапно распустилъ сія печальныя слова: „Принцъ Генрихъ преставился.“ Какой ужасъ! сколько бесполезныхъ, однако усердныхъ сожалѣній! сколько изліянныхъ слезъ! не выдуманное ощущеніе припворной печали сіе было, но сердечное оскорбленіе просвѣщеннаго общества, знающаго величину своего урона. Молодые люди говорили: какъ? умеръ потъ, на котораго мы столько надеждъ полагали? Старые гласили: ему было надлежало жить, а намъ умереть. Всякой представлялъ себѣ, что потерялъ въ немъ сродника,
друга,

друга, примѣръ, благодѣтеля. Маркеллъ похищенной въ весеннемъ своемъ цвѣтѣ меньше былъ сожалѣемъ; Германикъ умирая, меньшихъ Римлянамъ стоилъ слезъ; но потеряніе одного молодаго человѣка учинилось всеобщимъ бѣдствіемъ.

О злосчастная погребенія помпа! твоя походъ былъ орошенъ рѣками слезъ, и достигла ты до гроба не иначе, какъ съ тяжкимъ стонаніемъ, плачемъ, народнымъ воплемъ и съ окружающими тебя знаками отчаянія.

Такое, господа, есть преимущество добродѣтели, когда она во всей своей чистотѣ сіяетъ; люди, какъ бы ни вдали сами въ порокъ, однако для своей собственной прибыли принуждены ее любить и отдавать ей справедливость. Искреннее согласованіе всего народа, главное опъ общества засвидѣтельствованіе почтенія, сіи Принца Генриха похвалы послѣ смерти, и слѣдовательно въ всякаго ласкательства, не суть ли въ такомъ случаѣ всеобщихъ сихъ восклицаній, гдѣ гласъ Божій является чрезъ гласъ всего народа? И такъ пускай мы не измѣряемъ людскаго житія по большому или меньшему его продолженію, но потому, какъ они время своего бытія употребили; о любезной Принцъ!

твоя премудрость внушила тебѣ довольно сію истинну! Твое печеніе было сокращено, но дни твои исполнились. Ты самъ, говорю, нѣтъ, не сожалѣлъ бы о краткомъ продолженіи предписанной тебѣ натурою границы, естли бы ты могъ знать, сколько тебя любили, сколько сердець были тебѣ искренно обовязаны, и какую повѣренность возлагало общество на твои заслуги. Чтобы болѣе сего должайшая жизнь могла тебѣ промыслишь?

Ахъ! господа, сіи печальныя размышленія не только не уполяютъ нашей скорби, но еще стячайшею дѣлаютъ, напоминая намъ всѣ тѣ выгоды, которыми бы мы наслаждались, естли бы они такъ скоро не исчезли: одно злополучное мгновеніе ока принуждаетъ насъ отрещися на всегда того чаянія, чтобъ видѣть блистаніе поль многихъ добродѣтелей въ пользу отечества. Злосчастной день лишившей насъ сея сладчайшія надежды! лютая болѣзнь прекратившая поль хорошіе дни! немилосердой рокъ похищившей упѣху народа! для чего оставилъ ты намъ свѣтъ, по отнятіи его у него? - - - Но что я говорю? - - - Куда меня завела моя пуга? - - - Нѣтъ, господа, уничтожимъ лучше какъ порочныя такъ и бесполезныя роппанія, почтемъ

чтемъ изреченіе судьбины, вспомнимъ, что состояніе человѣческое подвергается насъ терпѣнію, что малодушные только въ немъ ослабѣваютъ, а храбрые и великодушные сносятъ его постоянно. Самъ сей полъ любезной и такъ любимой Принцъ если бы могъ слышать наши прискорбныя сожалѣнія и жалостной крикъ полъ многихъ плачевныхъ голосовъ, всенепремѣнно не похвалилъ бы онъ сихъ смутныхъ засвидѣтельствъ нашей безсильной и безплодной печали: онъ подумалъ бы, что если онъ въ семъ краткомъ продолженіи своего житія не могъ быть намъ полезнымъ чрезъ свои превосходныя намѣренія; то по крайней мѣрѣ долженствовали мы только взять себѣ отъ его смерти какое нѣсть наставленіе.

О вы, благородные юноши, живущіе токмо для славы, и посвящающіе свои труды оружію, приближитесь къ сему гробу, отдайте послѣднюю должность сему Принцу, вашему ревнителю и вашему образцу: возрите на то, что намъ отъ него осталось; безобразной только трупъ, пепелъ, кости, прахъ: сія общая судьбина пожатыхъ смертнымъ сепомъ. Но въ сіежь самое время возьмите въ разсудокъ и то, что послѣ его еще живетъ, и не умретъ ни-

когда, т. е. воспоминаніе изящныхъ его качествъ, примѣръ его житія, образъ его добродѣтелей. Мнѣ кажется, что я вижу его, угасшей свой пепелъ паки разогрѣвающаго, и изъ гроба, гдѣ холодныя его мощи лежатъ, выходящаго, чтобы вамъ сказать: ваша жизнь коль бы долговременна ни была, будетъ имѣть конецъ; придетъ день, въ которой вы всѣ оставите сію мершвенную кожу; пользуйтесь заблаговременно вашею живностію: смотрите, какъ скоро мои дни исчезли! если вы хотите, чтобы память по васъ осталась, то памятайте, что благія шокмо дѣла и одни добродѣтели могутъ предохранить ваше имя отъ разрушенія вѣковъ и отъ забвенія временъ.

И вы, храбрые защитники государства, которые невѣроятными подвигами удержали его противу возстанія всея Европы! и вы Министры, которые въ различныхъ званіяхъ находясь, промышляете о благополучіи общемъ, приступите также къ сему гробу; дабы сей молодой человекъ, сожалѣемой ради своихъ талантовъ и рѣдкихъ добродѣтелей, утвердилъ васъ въ вашемъ мнѣніи, что ни высокія званія, ни суешныя убранства, ни самая порода, какова бы она знатна ни была, не дѣлаютъ почтенія

нія достойными главныхъ народа предсѣдателей; но что едина ихъ заслуга, едина ревность, едины подвиги, едино усердіе къ опечесству могутъ имъ исходатайствовать благосклонность у общества, у премудрыхъ и у попомства.

Но приведши васъ ко гробу, могу ли и самъ я удержаться, чтобы не приблизиться къ оному? О Принцъ, ты зналъ, сколько я тебя любилъ, сколько твоя особа была мнѣ дорога; еслили голосъ живущихъ можетъ быть услышанъ мертвыми, то внемли сему голосу, коимъ тебѣ былъ не знакомъ: позволь, чтобы я сей плѣнной монументъ, сей, ахъ! единъ, которой я въ твое воспоминаніе соорудить могу, тебѣ воздвигнулъ: не презри раченія обовязаннаго тебѣ сердца, которое изъ опломковъ твоего кораблекрушенія то, что можетъ, спасая, шшится повѣсить во храмъ безсмертія. Ахъ! тебѣ ли надлежало меня учить, съ какою бережливостію я долженъ употреблять не многіе на житіе мнѣ опредѣленные дни? Отъ тебя ли подобало мнѣ научиться, великодушно ожидать приближенія смерти, мнѣ, которому и возрастъ и слабости ежедневно напоминаютъ, что уже приближаюсь я къ границѣ, имѣющей прекра-

пить печеніе моя жизни? Твоя удивительная природа не изгладится никогда изъ моей памяти; образъ твоихъ добродѣтелей безпрестанно пребудетъ предъ моими очами; ты всегда живъ будешь въ моемъ сердцѣ; твое имя будетъ вмѣшано во всѣхъ нашихъ разговорахъ; и твое воспоминаніе не погибнетъ во мнѣ прежде, какъ только съ угашеніемъ сего меня одушевляющаго дыханія. Я предвижу уже конецъ моего печенія, и по мгновеніе ока, любимый Принцъ! въ которое существо существъ соединишь мою персть съ твоею на всегда.

Смерть, господа, есть кончина всѣхъ людей: благополучны тѣ, которые умирая, имѣютъ утѣху въдашь, что остающіеся послѣ ихъ въ жизни по достоинству объ нихъ плачутъ.

II.

Примѣчанія на спященное писаніе, выбранныя изъ сочиненій слапнаго Нѣмецкаго Писателя Господина Геллерта.

Много такихъ, которые пренебрегаютъ законъ, не понимая его, а еще болѣе такихъ, которые почитаютъ не зная

зная его. Я не знаю, которые болѣе безчестяшѣ оный, первые ли своимъ пренебреженіемъ, или послѣдніе внѣшнимъ своимъ почитаніемъ? Но ежели спросятъ, которые болѣе вреда оному причиняютъ, смѣло отвѣчать буду, что послѣдніе. Явный презритель ученія, содѣлывающаго насъ мудрыми, добродѣтельными, и счастливыми, ничего не похищаетъ изъ его величества своими безстыдными хуленіями, ядовитымъ ругательствомъ, и рѣдко лишаетъ онаго благоразумныхъ его истинныхъ почитателей. Возненавидятъ всѣ дерзость таковаго хульника и почтутъ его врагомъ человѣческаго рода, противоборствующимъ съ дерзновенною гордостію всеобщему гласу разсудка и чувствія; и мерзая имъ, будутъ взирать на него съ сожалѣніемъ и со справеданіемъ. Ощущенія позволеннаго и непозволеннаго, добра и зла, отъ Всемогущаго въ человѣчскія сердца впечатлѣныя, сколь ни ослабли отъ поврежденія естественнаго и грѣхопаденія нашего, но еще столь сильны, что не могутъ быть изпоргнуты распутствомъ и дерзостію видимою нами въ безстыдномъ челобкѣ. Хотя примѣры безпутства и много властвуютъ надъ нами, однакожь до совершеннаго изтребленія совѣсти довести никакъ не могутъ. Дурной чело-

вбкб

вѣкъ можетъ нечаянно напасть на доброе и невинное сердце, и зашмишь въ немъ на нѣкоторое время истинну ложными своими правилами, но и самый хитрый со всѣми своими лукавствами не можетъ загладишь въ насъ черты совѣсти, и изторгнушь изъ глубины сердечныя сѣмя истинны и добродѣтели. Ибо обитающій въ насъ сильнѣе, нежели въ нихъ живущій. Развѣ не укрѣпилъ Господь нищихъ духомъ и наукою, никаковымъ щипомъ внутренняго чувствованія, которыми бы они могли укрываться отъ ударовъ невѣрующихъ имени его? Пускай утверждаютъ великіе умы, или по словамъ писанія безумные, что нѣтъ Бога, нѣтъ закона, нѣтъ существеннаго различія между добродѣтелію и порокомъ. Пускай съ дерзновеніемъ попираютъ они всесвятейшее, и дерзкими устами хулятъ вѣчныя законы правосудія и порядка; законъ Божій пребудетъ въ своемъ блистаніи, добродѣтель сохранитъ прелести свои, только бы мы правильнымъ образомъ оную познали. Не только живой на небесѣхъ посмѣется остроумнымъ симъ безумцамъ, не только Господь поругается имъ; нѣтъ, видитъ онъ въ сотворенныхъ его рукою, тысячу прославляющихъ его духомъ своимъ, въ коемъ усматриваютъ они

они достопочтеннѣйшіе слѣды божества его, а старающагося его обезчестить, одного только безумца. Господи! не довольно ли единого возрѣнія на дѣла всемогущества твоего къ низложенію глубочайшихъ доказательствъ вольнодумца хотящаго насъ лишити Тебя, Тебя, Бога? Нѣтъ! нѣтъ, не могу себѣ представить ни себя ни вещей окружающихъ меня, не помысливъ въ то же самое время о вѣчной причинѣ премудрости, всемогущества, порядка, велѣнія и красоты во мнѣ и въ окружающемъ меня господствующихъ? Тебя Бога? нѣтъ! тьмы тѣмъ вижу доказательствъ бытія Твоего. Стараюсь представить себѣ міръ безъ сотворшей его причины, но чувствую непринужденное опроверженіе онаго въ душѣ моей. Но ежели ты самъ чудотворная причина бытія челоуковъ и всѣхъ міровъ, ежели я твореніе твое, ежели все то, что я имѣю, имѣю отъ тебя: то ужѣ ли оставилъ ты меня и употребленіе моихъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, мнѣ самому и моей колоопратности? Я могу употреблять силы оныя на то и на другое; ужѣ ли все равно, какъ бы я ихъ ни употреблялъ? Все ли то равно, что я ихъ обращаю на погибель собратіи моей или на пользу; къ спокойствію моему

моему или къ мученію? При успокоеніи спрасней моихъ слышу гласъ, вопіющій ко мнѣ: то добро, а это зло. Откуда голосъ сей? Ему хочу послѣдовать. Если я заблуждаю, такъ заблуждаю съ разсужденіемъ. Но нѣтъ, божественный сей гласъ не есть гласъ заблужденія; онъ вѣщаетъ ко мнѣ, что я долженъ Всемогущаго Создателя моего всему предпочитать. Въ ономъ состоитъ и должность и щастіе мое. Вопрошаю опкровенный законъ; онъ утверждаетъ рѣшеніе сіе, и слабый свѣтъ разсудка премѣняетъ въ полуденное сіяніе. Вѣра сколько лучей отъ величества Безконечнаго ниспосылаетъ, сколько слабыя мои очи снести могутъ. Здѣсь усматриваю я, кто есть Богъ, и что я. Онъ есть любовь, милосердіе, великодушіе, порядокъ, святыня, правосудіе, премудрость, сила; онъ все. Но что есть человекъ? Дѣло рукъ его, долженствующее стараться, столько заимствовать отъ пресвятыхъ свойствъ его, сколько чувствуетъ въ себѣ способности и быть чрезъ то самое, сколько пварь можетъ, благополучнымъ; во святѣйшихъ свойствахъ состоитъ и самаго Творца блаженство: устремивъ, смертный, взоръ свой въ сіе зеркало божества. Увидишь въ ономъ столько, сколько нужно къ твоему благополучію;

раз.

разсматривай припомѣ съ примѣчаніемъ: ты сотворенъ для вѣчности; жизнь сія есть оной преддверіе. Міръ сей есть страна опытовъ. Лѣты твои суть дни повинненія, долженствующіе тобою принесены бытъ въ даръ Творцу твоему; да удостоишься славы отъ него тебѣ угошованныя, чрезъ искупленіе совершившееся заслугами, правосудіемъ, и кровію божественнаго избавителя твоего, единороднаго его Сына. Ты видишь облакъ носящійся надъ божественною пайною откровенія сего. Но не спрашися, и не дерзай хотѣніемъ открыть полнаго свѣта. Чѣмъ ты думаешь совершить сіе? Не своимъ ли разумомъ? Оставь испытывать неизслѣдимые и вѣчные совѣты безконечнаго! Воспомни, кто ты? Не позабывай ничтожества твоего, и смиренно созерцай намѣреніе твоего искупленія! Святыя Таинства наша вѣры выше пѣнїя нашего. Ты долженъ имъ не для того вѣрить, что ты ихъ понимаешь, но для того, что ты доказательства оныхъ понимать можешь, и для того, что они гласятъ тебѣ, что они божественны. Содрагайся и трепещи, помышляя о божественномъ искупителѣ, бывшемъ подобнымъ тебѣ человекомъ, развѣ грѣха; чувствовавшемъ столько же, сколько и ты чувствуешь, слабо-

слабости и нужды естественныя; подверженномъ шолкимомъ же злымъ искушеніямъ; ходившемъ съ прочими людьми по землѣ и благодѣпельствовавшемъ, и при всемъ томъ не имѣвшемъ, гдѣ главы приклонити; къ посмѣянію и гоненію его соединились мудрые и глупые, сильные и слабые; вспомяни наконецъ о претерпѣвшемъ заушенія и оплеванія отъ злыхъ тварей и вмѣстѣ отъ братій его; о поносимомъ отъ шѣхъ устъ, которыя онъ создалъ, и отъ того дыханія, которое онъ вдохнулъ и которое соблюдаетъ; о игралищѣ мучителей, и наконецъ, судя по наказанію, яко о совершенномъ злодѣѣ; о лишенномъ и того счастья, которымъ наслаждаются и величайшіе законопреступники; того плачевнаго счастья получаемаго отъ соболѣзнованія о мученіяхъ; о возопившемъ на крестѣ: Боже, Боже мой, почто мя оставилъ еси? Трепещи, о челобѣкѣ, помышля о всемъ ономъ, и начинай сомнѣваться о Божественномъ его посланіи. Но теперь воззри на невинность житія его, на превосходство ученія его, на Божественную твердость, съ которою сносилъ онъ всѣ ругательства, всѣ страданія; внемли великодушію, превышающему челобѣчество, которымъ объемлетъ онъ терзающихъ его

его злодѣевъ: Отче, остави имъ; невѣ-
дѣяшъ бо, что шворяшъ! Не видишь ли пы-
шамъ болѣе, нежели каковъ есть смер-
пный? Обращи взоры швои на чудеса,
копорыми онъ въ жизни своей при са-
мой смерти, и послѣ смерти утвер-
ждалъ ученіе свое и вѣру нашу, и скажи
мнѣ, развѣ нѣшъ шамъ ничего Боже-
спвеннаго? Ежели ты посмотришь на
крестъ его, то онъ умираетъ какъ
человѣкъ. Но для чегожъ солнце въ то
время перяетъ свое сіяніе? Для че-
го земля трясется? и мертвые изъ гро-
бовъ воспали? Не свыше ли смерпнаго,
Спаситель въ претій день отъ гроба
воспалъ, какъ онъ еще въ жизни своей
прорекъ? По чепыредесяти дняхъ, до-
казавши жизнь свою, и во облакъ предъ
глазами брашїи своей оставя землю, съ
побѣдою овладѣлъ небесами? Низпослав-
ши въ день пшдешапнищы обѣщаннаго
духа чудодѣйствїя своимъ ученикамъ и
Апостоламъ, снабдилъ ихъ посредствомъ
онаго чрезѣспеспвенными дарованїями;
и вскорѣ пошомъ при Дамаскѣ, боже-
спвеннымъ свѣшомъ окруженный паки
явившїйся, ревнительнаго гонителя усер-
днымъ своимъ проповѣдателемъ сошво-
рилъ? Исполненіе шолїкихъ о немъ про-
рочествъ, ознаменовавшихъ за нѣсколь-
ко сошъ лѣшъ прежде все, даже и осо-
Частя III. мѣс. Септ. В бливья

бливыя обстоятельство жизни его, не понятно ли для тебя и не довольно ли убѣдительно подвигнуть тебя къ увѣрованію таинству искупленія? Собственные его предсказанія о разореніи града, въ которомъ онъ убиенъ, о несчастномъ разсѣяннiи народа, жизни его лишившаго, божественнымъ своимъ исполненіемъ не довольно ли заставить тебя вѣрить таинству искупленія? Чудеса, съ которыми горестъ бѣдныхъ и презрѣнныхъ людей, повсюду пропивоборствія встрѣчала, и ученіе о распятомъ искупителѣ, во всѣ концы земли изшедшее, ученіе по чистотѣ своей естественнымъ склонностямъ толико противное, и предразсужденіямъ языческимъ и Іудейскимъ, введенному идолослуженію, премудрости Философовъ и естественной гордости толико непріятное, ученіе безъ оружія краснорѣчія и силы проповѣданное, безъ надежды къ земнымъ выгодамъ, славы, богатству, и роскоши провозвѣстивающее, при ожиданіи и предсказаніи ругательствъ, гоненія и смерти, великія тысячи исповѣдниковъ пріобрѣтшее, и прочіе многіе доводы не довольно ли преклонить умъ и сердце твое къ увѣрованію таинству искупленія? и не довольно ли понятны и убѣдительно заставить тебя вѣрить таинству, котораго и тогда бы ты не уразу-

зумѣлѣ, когда бы и Серафимскій имѣлѣ разумѣ? Естли ты вѣвѣрѣ находишь прошивурѣчїе, что искупитель и человекѣ и Богѣ былѣ: то не смѣйся сему; но останови разсужденїе твое на время. Ибо Богѣ не принуждаетѣ тебя насильно вѣришь тому, что прошивно разуму, данному тебѣ отѣ него руководителемѣ. Но естли ты находишь только соединенїе сіе непостижимымѣ: то вспомни, что ты человекѣ, и что ты и того понимаешь не можешь, какимѣ образомѣ духѣ твой обитаетѣ можетѣ вѣ шѣлѣ твоемѣ, хотя ты и чувствуешь, что онѣ вѣ немѣ обитаетѣ. И по сему кольми паче соединенїе божества и человекѣства должно пребыть вѣчною тебѣ тайною! Ежели найдешь ты нравоученїе согласнѣйшее съ совершенствомѣ твоея природы, съ спокойствїемѣ вѣ мїрѣ, съ неугасимымѣ желанїемѣ безпрестаннаго покоя, нежели ученїе Христова; ежели найдешь, говорю, ученїе, сильнѣйшее къ снабдѣнїю тебя умѣренностїю вѣ щастїи, утѣшенїемѣ вѣ бѣдности, удобнѣйшее успокоить совѣсть твою, изтребить ужасность пороковѣ, укротить страхѣ смертный, страхѣ суда, и боязнь вѣчности; тогда вольно тебѣ не принимать сей священный законѣ. Ежели ты найдешь лучшее средство къ освобожденїю тебя отѣ безумныхѣ твоихѣ вообра-

женій, отъ погибельной ласкательства
 гордости и нещаснаго самолюбія, отъ
 пиранства чувствъ своихъ, средство,
 вѣрнѣйшимъ образомъ избавляющее тебя
 отъ предразсужденія безумныхъ и дерз-
 кихъ, могущее тебя съ меньшимъ тру-
 домъ и надежнѣйшимъ слѣдствиемъ
 содѣлать мудрымъ, добродѣтельнымъ,
 спокойнымъ, мирнымъ здѣсь и въ вѣч-
 ности; ежели найдешь сіе средство, по
 пренебрегай Религію. Она конечно не отъ
 Бога, ежели находится лучшее въ гла-
 захъ средство привести насъ къ блажен-
 ству. Но ежели ты не обрѣтаешь дру-
 гаго поль благополучнаго способа, а
 пренебрегаешь сей, имѣющій всѣ знаки
 Божественнаго произхожденія, то ты
 и попому уже недостойнъ считаться
 въ числѣ разумныхъ, что столь мало
 знаешь собственную твою пользу и не
 радишь объ оной. Ежели тебя трудъ,
 требуемый исповѣданіемъ и исполне-
 ніемъ святыя вѣры, понуждаетъ прене-
 брегать законъ священный; то пренебре-
 гай же и всѣ человѣческія науки и худо-
 жества; ибо и въ нихъ никто безъ тру-
 да не обращается. Можетъ быть ты
 думаешь, что былъ бы ты счастливѣе,
 еслибъ Богъ далъ тебѣ законъ сход-
 ный съ твоими склонностями, и сему
 бы во всемъ противурѣчилъ. Не ужѣ
 ли

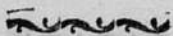

ли сіе есть 'прямое швое желаніе? Можно ли жить вѣ мірѣ, исполненномѣ разбойниковѣ, прелюбодѣевѣ, безстыдныхѣ, убійцѣ, пїяницѣ, клеветниковѣ и сребролюбцовѣ? Не ужѣ ли ты думаешь быть спокойнымѣ и благополучнымѣ вѣ обществѣ такихѣ людей? Послужитѣ ли кѣ спокойствію своему, ежелибѣ ты зналъ, что нѣтъ другой жизни? Ежели бы ты, по окончаніи трудовѣ и исполненной бѣдствія жизни, обрадованѣ былѣ тѣмѣ, какѣ ты жилѣ, то не проклиналѣ ли бы ты часѣ рожденія своего? Когда ты о всемѣ прилѣжно размыслишь, то увидишь, что С. законѣ долженѣ быть средствомѣ содѣлать людей спокойными и благополучными вѣ сей и будущей жизни, и что онѣ намѣ нуженѣ и кѣ возведенію насѣ на путь вѣры, благочестія и любви. Естлижѣ и теперѣ зриаешь ты на С. законѣ съ пренебреженіемѣ, то ты ни его, ни себя не знаешь.

Не знать и пренебрегать вещь есть смѣшно и стыдно; не знать и почитать вещь не столь же ли безумно? Есть люди, оказывающіе закону всякую наружную честь, почитающіе и защищающіе его своими устами и поступками; есть люди, которыхѣ едва ли и мученіемѣ можно довести, чтобѣ они утверждали, что законѣ не есть Божественный, но

кои не меньше однако же сердцемъ и
 живіемъ своимъ въ ревности своей на-
 носятъ ему стыда. Ежели можно лю-
 дямъ симъ знать вѣру, то можно въ од-
 но время видѣть и быть слѣпу. Намѣ-
 реніе вѣры въ томъ состоитъ, чтобъ
 она исправляла ложныя наши понятія,
 истребляла худыя сердечныя склонности,
 приводила бы ихъ въ порядокъ и пока-
 ряла ихъ и дѣянія наши законамъ раз-
 судка и добродѣтели, дѣлала насъ себѣ
 и Богу подобными, и чрезъ то насъ са-
 михъ спокойными. Кто сего намѣренія
 вѣры не видитъ, тотъ конечно ее не
 знаетъ, такъ какъ знаетъ ее надлежитъ;
 хотя заповѣди и уставы ея содержитъ
 въ памяти. Но сколь много такихъ!
 естли посмотрѣть на дѣла ихъ, копо-
 рые Религію единымъ только утѣше-
 ніемъ почитаютъ, находя за нужное
 иногда припамятовать о ней и пещися,
 да не восхититъ діаволъ; а впрочемъ
 ни во что оную вмѣняютъ; но можно
 ли о сихъ людяхъ сказать, что они зна-
 ютъ вѣру? Ежелибъ то такъ было, то
 ничего бы легче не было вѣры, и ничего
 бы не было смѣшнѣе труда, имѣть оную.
 Ибо не трудно мыслишь, что Богъ хо-
 датайствомъ искупителя меня спасетъ,
 хотя бы я былъ и оставался всегда не-
 годнымъ человѣкомъ; и всѣбѣ люди мо-
 гли

гли надѣяшся получитьъ блаженство, естли бы къ тому нужно было единое сіе убѣжденіе. Не великое требуется познаніе о людяхъ и о сердцѣ ихъ къ удостовѣренію въ томъ, сколь много порочное сіе къ вѣрѣ почтеніе вредитъ приращенію истинны и благочестія.

Но для чего весьма не многіе знаютъ вѣру? Столько къ тому есть препятствій, сколько есть людей на свѣтѣ. Одна изъ первыхъ тому причинъ есть, безъ всякаго прекословія, томъ малый трудъ, каковый мы прилагаемъ, въ совершенномъ возрастѣ, къ закону. Наука нашего блаженства имѣетъ то съ прочими науками и художествами общее, что она обѣщаетъ должна быть разумомъ прежде, нежели сдѣлается чрезъ употребленіе истиннымъ нашимъ стяжаніемъ. Но кто и когда самую легкую науку безъ прилѣжанія и продолжительнаго труда умомъ своимъ постигнулъ? или кто опять оную не забываетъ, естли безпрестанно и снова части оную составляющія въ умѣ своемъ не представляетъ, и паки не наполняетъ пустоту, произшедшую отъ разсѣянія мыслей? Для чего хочешь ты лишитъ вѣру сего права: развѣ она того не достойна, или развѣ Богъ обѣщалъ тебѣ вліять ученіе ея непосредственнымъ

своимъ глаголаніемъ, и содержащъ тебѣя, безъ всякаго швоего о томъ попеченія, въ увѣреніи о ея истиннахъ? Развѣ довольно и того, что въ дѣлствѣ съ словами только ея ты познакомился? Возможно ли при всемъ ученіи чпобѣ въ старости, когда мы почти ничего кромѣ употребленія пустаго напамятованія, и невоздѣланнаго воображенія, не имѣемъ, возможно ли, говорю, чпобѣ мы тогда только высокость вѣры зрѣть могли? но пусть бы и возможно то было, но не погибнетъ ли вскорѣ въ душѣ нашей сокровищница божественныя премудрости подѣ тягостію житейскихъ суетъ? . . Не заглядывая ли мало по малу впечатлѣнія ученій ея тьмою постороннихъ представлений? Пребудетъ ли удостовѣреніе о красотѣ, святости и о божественности сея вѣры всегда живо въ духѣ, обуреваемомъ разными попеченіями, разными намѣреніями, разными желаніями, и хотѣніями устремленными на вещи прошивныя мудрости и добродѣтели? Какое бы кто ни снискалъ богатое сокровище познанія и премудрости; но духъ нашъ; пока соединенъ съ тѣломъ, пребудетъ духомъ подверженнымъ возмущенію прелестей воображенія, силъ чувствъ нашихъ, пріятностямъ сладострастія, шуму свѣтскому; останется

поко-

покореннымъ понятію о чести и безславїи, о богатствѣ и бѣдности, о работѣ и праздности, о веселїи и огорченїи, обо всемъ до насъ касающемся; однимъ словомъ, самое ничто незначащее можетъ превозить духъ нашъ въ увѣренїяхъ его о невидимыхъ вещахъ, и спаранїяхъ его о добродѣтели; сему научаетъ насъ писанїе, благочестивыхъ мужей примѣры, и собственный нашъ ежедневный опытъ. Для чегожъ мы не поступаемъ сообразно сему опыту, и не упражняемся безпрестанно въ познанїи вѣры, но затмѣваемъ сіянія ея дѣлами нашими? Сколь ощутительна и достовѣрна истинна сія: споль должно мнѣ сохранять съ великимъ попеченїемъ то благо, коего я легко лишиться могу, и которое необходимо нужно къ моему спокойствїю; сколь уменьшается цѣна сего блага, ежели я не спараюсь умножать его: споль обязанъ я усугублять сіе благо, ежели хочу поступать благоразумно и быть благополучнымъ, владѣя симъ сокровищемъ: самый глупый человѣкъ располагаетъ въ общежитїи по сему правилу; то для чегожъ мы не хопимъ слѣдовать непоколебимому сему закону разсудка въ житїи Хрисціанскомъ? Развѣ Религія, важнѣйшее сіе смертныхъ упражненїе, избираетъ себѣ лѣнностныхъ и непримѣ-

чашельныхъ послѣдователей, когда самое низкое званіе требуетъ прилѣжности и вниманія? Благоразумный ничему великимъ попеченіемъ своимъ такъ не жертвуетъ, какъ такой вещи, которая большее ему доставляетъ воздаяніе. Для чегожъ благоразумные сіи люди не прилагаютъ больше старанія къ вѣрѣ и благочестію, единымъ въ себѣ содержащимъ обѣтъ сея и будущія жизни, оную величайшую награду, которой никому получить не возможно кромѣ пекущагося о ней, и сохраняющаго ее: да не возхвипитъ кто, какъ говоритъ писаніе, вѣнецъ его, блаженную сію надежду на благость Всемогущаго.

Одно изъ поносительнѣйшихъ возраженій противу вѣры есть та опасная мысль, что будто вѣра можетъ назваться темнымъ ученіемъ, похищающимъ у насъ удовольствіе въ жизни, и лишаящимъ насъ свѣтскаго обхожденія. Многіе думаютъ, что должно быть собственнымъ себѣ врагомъ, ежели хочешь быть другомъ добродѣтели, и надлежитъ престать быть человекомъ, ежели хочешь быть Христіаниномъ. Но кто дерзаетъ столь грубо безумно мыслить о Богѣ? развѣ онъ мучитель рода человѣческаго? или не хочетъ онъ, чтобъ люди столько спокойны были, сколько возможно?

Богъ,

Богъ, произведшій меня въ міръ, толикими красотою украшенный, и сотворившій меня способнымъ ежеминутно ощущать доброты сіи, не ужè ли Богъ сей хошетъ видѣть меня отреченна отъ всѣхъ наипріятнѣйшихъ чувствованій міра сего, и желаетъ превратить меня въ нечувствительный камень? Кто можетъ соединить подобныя противорѣчія? Но вѣра запрещаетъ намъ вкушать всѣ удовольствія? не спорю. Но какія удовольствія? никакихъ, кромѣ не могущихъ сопробывать вмѣстѣ съ спокойствіемъ душевнымъ и природою нашего тѣла, съ благоденствіемъ общества и вѣчнымъ нашимъ блаженствомъ.

Пусть каждый посмотритъ на себя, яко на твореніе, безсмертнымъ духомъ одаренное, отъ сея земли въ иной свѣтъ, и къ совершеннѣйшему счастью поспѣшающее; и тогда да испытаетъ, творитъ ли вѣра жизнь нашу горестною или пріятною. Слостолюбіе, пїянство, ненависть, мщеніе, клевета, гордость, скупость; всѣ сіи спраси намъ запрещены. Я допускаю, что всѣ сіи пороки со многими соединены пріятностями. Но тотъ долженъ быть весьма безуменъ, или ослѣпленъ лестию грѣховною, кто не видитъ, что огорченіе, рано или поздно за сими пороками послѣдующее, несравненно болѣе скоро проходящаго удо-

удовольствія ими доставляемаго. И такъ лишаетъ ли священный законъ жизненныхъ насъ увеселеній, укрощая въ насъ безпокойныя и мучительныя сіи похоти, которыя тѣмъ самимъ въ душѣ нашей усиливаются, чѣмъ болѣе мы оныя питаемъ? Вѣра запрещаетъ намъ нечистоту, и проповѣдуетъ умную любовь, и посему ли она спранныя вѣра? Она запрещаетъ намъ скупость, и взываетъ къ намъ, чтобъ мы сполько о благихъ міра сего пеклись, сколько оныя нужны къ пріятному и безбѣдному краткія сея жизни провозженію: и по сему ли называешь ты ее темною Религією? Не хочетъ вѣра, чтобъ мы искали чести въ единственномъ о себѣ мнѣніи смертныхъ, которые также какъ и мы слѣпы и безумны; она повелѣваетъ намъ, по засвидѣтельствванію чистыя совѣсти, по признанію высокихъ и блаженныхъ духовъ престолу Всевышняго въ премудрости и правотѣ предстоящихъ; по свидѣтельству искупителя нашего, который есть самое совершенство и единый вѣдущій совершенное; однимъ словомъ вѣра повелѣваетъ намъ подвизаться о чести въ Богѣ, и искать славы нашей въ исполненіи нашей должности, въ благородныхъ намѣреніяхъ и склонностяхъ, въ полезныхъ дѣлахъ,

а отнюдь не въ преходящихъ и ничего незначущихъ вещахъ. И такъ можно ли върѣ сей приписывать жестокость? Господи! отверзи очи наши, да познаемъ чудеса въ законѣ твоемъ, и возлюбимъ порядокъ, стройность, красоту и добродѣтель, къ собственному нашему счастью тобою намъ предписанныя, безъ которыхъ ты самъ не былъ бы то, что ты еси!

Сравнивъ всѣ сіи обстоятельства, находимъ мы, что пріятности, отъъемлемыя у насъ закономъ, суть ничто въ разсужденіи божественнаго веселія. Вѣра красотою своею не только разумъ плѣняетъ, но и позволяетъ ощущать себя, и по сему-то она есть средство, человекѣвъ къ себѣ привлекающее; ибо всѣ люди могутъ вкушать силу и миръ ея въ сердца наши вливаемые. Узнавъ всѣ сіи обстоятельства, находимъ мы, что бремя добродѣтели есть ничто въ сравненіи мученія и трудностей, послѣдующихъ за пороками. Да будетъ великою жертвою опреченіе возлюбленныхъ склонностей; не ужè ли мы, яко бѣдные рабы, сію жертву добродѣтели, яко жестокосердому мучителю, приносить будемъ? или погубимъ для нее малое и скоротечное удовольствіе, да пріобрѣщемъ продолжительнѣйшее и безконечное?

Пре-

Пребудетъ ли сердце освящаемое върою въ плачевномъ и бѣдномъ помѣ соспоянїи, каковое предспавляетъ намъ воображенїе наше? Или же сердце сіе насладится тѣмъ паче прїятностями жизни сей, чѣмъ совершеннѣе увѣрено оно о вѣчномъ веселїи? Не ужѣ ли беззаконїе соспавляло бы удовольствїе наше, естлибъ мы живучи порочно, мучимы были плачевною возможностью упованїя предаться мщенїю Бога, который не былъ бы Богомъ, естлибъ не былъ столь же милосердымъ, сколько и правосуднымъ, Бога, удостовѣрившаго насъ, въ невозможности своей содѣлать благополучнымъ прошивящагося воли его? То удовольствїе, съ которымъ я не могу безъ трепета взирать на ужасъ смертный, не естъ въ умѣ моемъ удовольствїе; а сихъ - то удовольствїй единствененно и лишаетъ насъ святая вѣра. Не ужѣ ли послѣ сего назовемъ вѣру мучительницею? Вѣра, учинивъ жизнь нашу прїятною, помогаетъ намъ наконецъ взирать и на смерть, ужасную природѣ нашей, спокойнымъ, и, смѣю сказать, прїятнымъ окомъ. Намъ всѣмъ умирать должно, и всѣ мы содрагаемся отъ сей необходимости, долженствуюя ежедневно и ежечасно имѣть смерть предъ глазами, и при всемъ томъ не хотимъ мы при-

ЛБ

лѣпиться къ вѣрѣ, помогающей намъ
 улаждать горестъ смерти, и пворящей
 насъ небесными побѣдителями! Кому
 не страшна смерть, тому все должно
 быть сносно и легко. Къ симъ возвы-
 шеннымъ мыслямъ, къ сему геройству,
 котораго вся природа, всѣ науки и при-
 лѣжаніе доставить намъ не могутъ,
 руководствуетъ насъ вѣра; и ее ли на-
 зовемъ мы темною наукою? и не вос-
 примемъ ли ее съ сердечнымъ высоко-
 почитаніемъ, и не принесемъ ли ей въ
 даръ все наше стараніе, все прилѣжаніе,
 все попеченіе, и упражненіе, коковыми
 обязаны мы единственному средству
 достиженія непрестающаго спокойствія?
 Сему не могу я вѣришь. Но паче испо-
 вѣдаю, что большая часть людей не
 знаютъ закона, и не знаютъ для того,
 что знать не хопяшъ.

Перепелъ съ Нѣмецкаго языка Г. Т.

III.

*Почему не хорошо предузнать судьбу
 свою?*

Нѣтъ кажется ничего легче какъ
 увѣришь себя, что весьма былобъ не
 хорошо, естли бы мы предузнавали
 судь-

судьбу нашу въ свѣтѣ, но при всемъ томъ желаніе знашь судьбу свою, у большей части людей есть желаніе пріятнѣйшее. Самыя тѣ, которыя думали упромъ, да и съ великимъ еще увѣреніемъ, что не предвидѣтъ щастія своего и нещастія, есть благодареніе небесъ, желаютъ часто вечеромъ, чтобы ниспала завѣса закрывающая будущее отъ глазъ нашихъ, и судьба ихъ вдругъ бы имъ представилась. Вѣроятно, что самолюбіе раждаетъ желаніе сіе, а гордость и скупость его пишаютъ; но я не вижу, для чегобъ многимъ и хорошимъ побужденіямъ не производитъ безвременныхъ желаній сихъ. Желаніе быть щастливымъ, есть необходимая часть природы нашея, а желаніе дѣлать другихъ щастливыми, благороднѣйшее удовольствіе мужа честнаго; оба однакожъ могутъ возбудить желаніе предузнать судьбу нашу.

Подъ судьбою каждаго разумѣю я хорошія и прошивныя приключенія въ жизни его. Ежели сіи предвидѣшь мы желаемъ, то можемъ видѣть ихъ, или по частямъ и неопредѣленно, или въ связи. По частямъ называю я, ежелибъ, на примѣрѣ, предузналъ я, что въ жизни моей буду болѣе боленъ, нежели здоровъ; что я получу великое богатство; и по-
томъ

помѣ паки его лишуся; не зная однакожъ причинѣ производствіямъ симъ. Предвидѣть судьбу свою въ связи, называется, знать всѣ обстоятельствова, и всю цѣпь приключеній, составляющихъ жизнь нашу, какъ несчастливыхъ такъ и щасливыхъ. И слѣдственно въ разсужденіи любви и супружества не довольно знать, что я со временемъ женюся; надлежитъ и по знать, какими обстоятельствами и въ какое время сіе сдѣлается; какова будетъ супруга моя, красавица или дурна, богата или бѣдна, хорошаго нрава, или злонравная, и долго или малое время моею она будетъ. Сіе совершенное знаніе судьбы своей (еслибы оно возможно было) причинилобъ ужаснѣйшее зло, какъ по изъ предбудущаго усмотрѣть можно. Напротивъ того первый случай кажется бытъ легчайшимъ и удобнѣйшимъ; но онобъ принесло весьма малую пользу, и болѣе еще возбудило бы любопытство наше, нежелибъ его утишило. Ибо знать нѣчто, а не знать всего, есть по же какъ имѣть великую жажду и споять у запертова колодезя. Я буду въ жизни моей богатъ и знаменъ. Изрядно! весьма мнѣ сіе пріятно. Но когдажъ буду я таковымъ? Какимъ образомъ? Предъ самую кончину мою или за долго предъ нею?

Сколь долго продолжится щастіе мое? Кто лишитъ меня онаго? Смерть, самъ я, или злость челоуѣковъ? Люди сіи изъ числа друзей моихъ, или непріятелей; благодѣтели мои, или мнѣ завиствующіе? Съ намѣреніемъ сдѣлаютъ сіе, или отъ неосторожности? Тысяча родится вопросовъ таковыхъ, естли токмо по частямъ узнаеть судьбу свою пожелаю: и сколь же обезпокоятъ они меня, родивъ желаніе отвѣтствовать на нихъ, и извѣстность о невозможности сего; вмѣсто чтобы знанію сему удовольствовать желанія мои, еще болѣе возбуждятся они чрезъ него. Подобно какъ скупость отъ стеченія богатства, а честолюбіе отъ славы, не умаляются, но возрастаютъ, такъ и желаніе знать судьбу свою не упишается частными извѣстіями, но еще болѣе возжигается ими. Кто пребуетъ доказательства сему, тотъ легко найдетъ его въ сердцѣ своемъ, естли токмо употребитъ хотя малѣйшее вниманіе на происходящее въ немъ. А кто неспособенъ чувствовать въ себѣ истинну сію, тотъ будетъ еще менѣе способенъ уразумѣть ее въ доказательствѣ. Да, скажутъ можетъ быть, эшо правда, такимъ образомъ не буду я знать довольно, однакожъ что ни будь узнаю; я знаю, что буду знатенъ, ученъ, богатъ,

богатъ, старъ. Ожиданія сіи весьма пріятны; и не лучше ли имѣть хотя малѣйшее извѣстіе о пріятныхъ ожиданіяхъ сихъ, нежели никакого? Наконецъ, я не требую узнать нещастіе мое, но единое благополучіе. Позволяется имѣть предложеніе сіе въ мысляхъ своихъ, но можетъ быть что исполненіе онаго трудно. Ибо естлибъ и возможно было узнавать благополучіе свое, не вѣдая о нещастіяхъ; то и туть опасаюсь я, чшобы большая часть людей, предузнавъ будущее щастіе свое, не нашли въ немъ, по мнѣнію своему, ничего инаго кромъ нещастія. Мы постараемся сдѣлать сіе вразумительнѣе. Естли разсма-триваемъ щастіе, какъ исполненіе желаній нашихъ; то большая часть изъ насъ нещастны. И такъ естлибъ предвидѣли щастіе наше, то сравнивая его съ нашими желаніями, нашлибъ или весьма маловажнымъ, или не тѣмъ, чего мы желали, и слѣдственно по мнѣнію нашему не былобъ оно щастіемъ. Исполняя во всю жизнь свою надлежащую работу, владѣть достапочнымъ имѣніемъ, есть щастіе. Но естлибъ большая часть нѣкіимъ вдохновеніемъ получила краткую выпись жизни своей; то конечнобъ была она содержанія сего. Какоебъ вкушали утѣшеніе гордые и скупые,

когдабъ напередъ ужè щастіе свое знали? Ни единъ бы изъ нихъ не почиталъ его щастіемъ. И такъ вмѣсто того, чіобы зналъ о щастіи своемъ, зналибъ они токмо то, что никакого не имѣютъ. Возмемъ человека боязливаго, пусть скажутъ ему, что онъ опредѣленъ быть великимъ Генераломъ, и подвергая себя великимъ опасностямъ произведетъ дѣла ужасныя. Ужаснется онъ, и такое извѣстіе причинитъ ему величайшій страхъ, нежелибъ онъ въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ, когда бы принуждаемъ обстоятельствомъ, жертвовалъ жизнью своею противу непріятеля, и можетъ быть, ободренъ будучи привычкою, пріобрѣлъ бы наконецъ и самую геройскую храбрость. Но нынѣ во время прусоспи своей не почитетъ онъ сіе щастіемъ, и будетъ думать, что нѣтъ никакого щастія на свѣтѣ, или вообразитъ, что онъ не все еще о судьбѣ своей знаетъ. Такимъ образомъ весьма ясно, что еслибъ по желанію нашему открыто было намъ одно щастіе, безъ всякой связи его со несчастіемъ; то не былибъ мы спокойны, но еще бы гораздо безпокойнѣе, нежели когда бы совѣмъ его не знали.

Когда же наконецъ должно быть намъ извѣстно щастіе наше? Чаятельно
вѣ

вѣ по время, когда начинаемъ разсуждать вѣ лѣтахъ не совсѣмъ еще зрѣлой юности. Но не надлежитъ забывать, что лѣты сильное имѣютъ вліяніе вѣ склонности наши, что при каждомъ новомъ опредѣленіи жизни нашей, и желанія наши перемѣняются; что мы не уважаемъ того, что прежде почитали, и почитаемъ презираемое до сего времени. Что же будетъ со успокоеніемъ нашимъ? Сей юноша перзаётся честолюбіемъ. Ему предскажутъ, что онъ будетъ правителемъ, и что вѣ семъ по состоитъ щастіе его. О Боже, какъ же ужаснется онъ! онъ надѣялся быть вѣ опечествѣ своемъ по крайней мѣрѣ знатнымъ Министромъ; но теперь мѣсто правителя составляетъ все его щастіе, которымъ долженъ онъ довольствоваться, послѣ мечпаній столько великолѣпныхъ? Вѣ щастіи своемъ не видитъ онъ желаній своихъ, но имъ то и должно быть исполненнымъ, когда желаемъ предузнать щастіе наше. Судите сами, радоваться ли юноша сей судьбою своею, или жалобы приносить на нее будетъ? Не полезнѣе ли бы ему было не знать сего до самаго того времени, какъ уже оно приключится ему? Можетъ быть, что обстоятельства времени и жизни лѣтъ чрезъ десять ослабили бы высокія мысли его такъ,

чтобъ онъ и самымъ симъ мѣстомъ былъ уже доволенъ. Юная и горячая *Клея*, ничего много такъ не желающая, какъ проводить всю жизнь свою въ объятіяхъ нѣжнаго любовника своего, хочетъ знать о будущемъ состояніи своемъ. Къ ужасу своему, видитъ она что никогда *Дамону* своему не достанется, но кончитъ жизнь съ суровымъ и уже престарѣлымъ мужемъ. Се щастіе ея, но нещасливобъ было супружество ея, когдабъ непостоянный *Дамонъ* достигъ намѣреній своихъ, которыя онъ въ разсужденіи ея имѣлъ. Однакожъ въ нынѣшнемъ положеніи ея, узнавъ судьбу свою, будетъ ломать руки свои и почитать себя нещастнѣйшею въ свѣтѣ.

И такъ естли возможно было предвидѣть щастіе свое, не зная ничего о нещастіи нашемъ; то большая часть весьма бы не довольны симъ были, потому, что говоря языкомъ свѣтскимъ, а не Философскимъ, не многія имѣютъ щастіе. Ибо большая часть воображаютъ щастіе свое въ томъ токмо, что мещется глазамъ: въ изобиліи имѣнія, сладострастіи, знатныхъ чинахъ, и въ опмѣнныхъ спокойностяхъ. При всемъ томъ не многіе получаютъ такъ имянуемое блаженство сіе, въ такомъ видѣ, какъ бы
имѣ

имѢ хотѢлось имѢть его; и такѢ не многіе бы щастіе, а большая часть бѣдствія во щастіи своемѢ предвидѢли. Слѣдовательно, узнавать будущее, хотябѢ и на пріятные дни происшествій ограничивалось, не былобѢ однакожѢ для сего разумнѢйшимѢ.

ВпрочемѢ щастіе большей части людей не состоитѢ въ долговременной связи пріятныхѢ произшествій; веселости наши смѢшаны съ огорчительными случаями; и часто бываетѢ, что часы веселія нашего получаютѢ цѢну свою единственно отѢ печальныхѢ, которые предшествовали имѢ. Но когда человекѢ не знаетѢ послѣднихѢ сихѢ; (но тотѢ не хочетѢ ихѢ знать, который токмо щастіе свое предвидѢть желаетѢ) тогда то, что во всей связи казалось быему величайшимѢ щастіемѢ, въ связи сей предспавишя ему весьма мало важнымѢ, или и совсѢмѢ за щастіе почитать сіе не будетѢ. Но оставимѢ сей образѢ предузнавать щастіе свое, и о вредѢ произтекающемѢ изѢ него особенно говорить не будемѢ. Сіе легко заключить можно изѢ того, что я говорить буду о другомѢ образѢ узнавать судьбу свою совершенно во всѢхѢ обстоятельствахѢ.

Сей образъ знанія можно предста-
вить себѣ почти также какъ оныя
Гороскопы. вѣ которыхъ легковѣрнымъ
людямъ общавающъ показать, что вѣ
каждый день съ ними происходитъ бу-
детъ, да еще и причины сему. Причины
произшествіямъ нашимъ основаны или
вѣ распоряженіи міра, или вѣ самихъ
насъ, или вѣ другихъ челоуѣкахъ; и такъ
предвидѣть судьбу свою съ причинами
называется видѣть то, что естество,
или учрежденіе міра, что мы сами,
чрезъ дѣла наши, или, что другіе че-
лоуѣки къ удовольствію или вреду на-
шему приносятъ. Таковое все знаніе,
если смѣю изъясниться такъ, не есть-
ли нѣчто изыщное? Симъ образомъ вѣ
единое мгновеніе освободились бы мы
отъ страха насъ перзающаго, и дерза-
либъ на предпріятія, при которыхъ ны-
нѣ трепещемъ, съ надеждою и со спо-
койствіемъ. Упованіе наше былобъ твер-
же и сладостнѣе, потому что цѣль
его была бы намъ извѣстна. И каждый
зная къ чему онъ вѣ жизни своей
опредѣляется, прилагался бы гораздо
прилѣжнѣе къ званію своему и къ обра-
зу жизни. Три преимущества сіи, у
большой части людей, суть сладчайшая
пища желанія ихъ предузнать судьбу
свою. И еслилибъ преимущества сіи
были

были основательны, то ни чтобы такъ праведно не было, какъ желаніе сіе. Постараемсяжъ разсмотрѣть ихъ.

Правда ли то, что страхъ исчезаетъ, сколь скоро знаю то, что въ жизни моей со мною случится имѣть? Ни мало нѣтъ! ибо не одно доброе ожидать я имѣю; и такъ нещастіе до самого того времени, когда оно свершится со мною, безпрестанно устрашаетъ меня будетъ. Предъ симъ спрашивались мы приключеній токмо чаятельныхъ или возможныхъ. Нынѣ не имѣемъ мы страха сего. Но напрошиву того устрашаютъ насъ нещастія уже несомнительныя. Выгодна ли премѣна сія? не больше меня терзать будетъ предстоящее зло несомнѣнное, нежели зло сомнѣнію подверженное? Я предвижу, что въ текущее время удаленъ отъ любви достойныя супруги, отъ дѣтей, и отъ друзей моихъ, три года проводить буду въ плѣну; не будуль я десять кратъ терпѣть плѣненіе сіе въ сердцѣ моемъ прежде, нежели оно мнѣ приключится? Къ сему присовокупляется и то, что нещастіе мое извѣстно мнѣ со всѣми обстоятельствомъ его, и во всемъ порядкѣ. И такъ я буду знать, что плѣненіе сіе низпослано мнѣ провидѣніемъ по сокровеннымъ причинамъ; или что

я самъ буду причиною онаго, не осторожностію моею или честностію; или что другіе люди ввергнутъ меня въ несчастіе сіе. О какъ же буду я терзаться! опята вся надежда ко избѣжанію несчастія моего, но во мнѣ находится безпрестанное желаніе ко удаленію отъ себя несчастія сего. Желаніе сіе требуетъ чтобъ было удовольствовано, но удовольствовать его не возможно. Какимижъ отчаянными жалобами небеса обременять буду! какими горькими выговорами упрекать себя спану, ежели самъ причиною несчастія мое! но ежели не самъ причиною его, какая ненависть овладѣетъ мною противу тѣхъ, которые виною сего будутъ! не лишатъ ли меня воображенія сіи спокойствія моего, копорымъ бы не предузнавъ несчастія моего всегда я наслаждался? Во время ожиданія несчастія сего не наполнитъ ли оно горчію своею всѣ веселости ко наслажденію моему мнѣ представляющіяся?

Но скажутъ мнѣ, поступаетъ ли потъ справедливо, копорый на все сіе съ одной дурной стороны только взираетъ? Подумай, естли несомнѣнное несчастіе умножаетъ страхъ нашъ, то напрошиву того навѣрно предстоящее щастіе укрѣпляетъ наде-

надежду нашу. Такъ скоро рѣшить се-
го не можно: ибо ежели хопяшъ ща-
стіе сравнивать со несчастіемъ, и такъ
сказать извлекашъ одно изъ другаго;
то надлежитъ чшобы они взаимное од-
но къ другому имѣли отношеніе.
Положимъ: нынѣшнее несчастіе мое
есть потеряніе добраго моего имени,
а щастіе за нимъ мнѣ слѣдующее, обла-
даніе великими богатствами. Обѣ ве-
щи сіи не позволяють вѣсить себя
одна съ другою, поелику мы видимъ
человѣковъ, и образъ разсужденія ихъ
о благахъ, которыя предразсужденіями
ихъ и шемпераментомъ опредѣляются.
Ибо сила, копорюю напередъ ужè на ме-
ня они дѣйствуютъ, одна страхомъ,
другая надеждою, находится не столь-
ко вѣ нихъ самихъ, какъ вѣ свойствахъ
характера моего, и вѣ собственномъ и
природномъ, большемъ, или меньшемъ
желаніи чести и богатства. Естли
я опъ природы честолобивъ, и предви-
жу что вѣ два года вся слава моя бу-
детъ ни что иное какъ пустая сказка,
но что послѣ сего, или еще и прежде,
наслѣдую я десять тысячъ рублей; то
конечно надежда сія будетъ очень мала
вѣ сравненіи съ тѣмъ впечатлѣніемъ,
которое произведетъ во мнѣ страхъ
стыда будущаго. Ежели я хочу сравни-
вать

вашь добро со зломъ, также и сопутниковъ ихъ страхъ и нужду: по надлежитъ чобы они основаніемъ своимъ во мнѣ имѣли одно побужденіе. Такимъ образомъ побужденіе къ чести, и побужденіе не имѣть никакого стыда, сами по себѣ суть одинаковы, а различаются единымъ образомъ мыслей нашихъ. И такъ желая сравнивать великость страха съ великостію надежды, надлежитъ сообразить честь и стыдъ, богатство и бѣдность, сладострастіе и болѣзни. Но, не такъ поступаетъ судьба наша. Кто честолюбивъ, а ему предстоитъ стыдъ, тотъ не всегда возвращенія чести надѣется; а кто скупъ и теряетъ имѣніе свое, тотъ не всегда богатство ожидать можетъ. И слѣдственно рѣдко будетъ справедливо, чобы веселіе, происходящее отъ несомнѣннаго блага, которое себѣ предвижу, возрасло въ одномъ степени со страхомъ со стороны зла возрастающимъ.

Откуда знаю я, колико много приключится мнѣ въ жизни моей того, что желаніе мое удовольствіемъ почитаетъ? что же, естли будетъ въ ней менѣе щастія, а тѣмъ болѣе нещастія? но зная жребій свой, всегда въ опасности предвидѣть жизнь таковую. Колико блаженнымъ я почитаю себя, что Творецъ сокрылъ

сокрылъ отъ меня судьбу мою! однако же чрезвычайному должно быть веселію, естли за десять лѣтъ ношу въ памяти моей вѣрное извѣстіе о щастіи приключись мнѣ имѣющемъ. На примѣръ: я бы зналъ, что получу въ замужство любви достойную, разумную и вѣрную супругу. Не скороль, и непріятноль бы пропекли лѣта сіи? весьма сомнѣваюсь. Надежда моя сдѣлалась бы мнѣ въ пягость, потому что не могъ бы потѣ же часъ ее удовольствоватъ. Какъ нещастіе приключается намъ всегда преждевременно, такъ и щастіе, когда скоро не приходитъ, приходитъ всегда поздно.

Я думаю, что утверждающій, что обстоятельное предвѣдѣніе о земномъ щастіи нашемъ ослабилобъ веселіе наше по крайней мѣрѣ у большей части людей, разсуждаетъ очень неложно. Сколь мы не размышляемъ, сколь желанія и надежды наши непорядочны, однакожъ щастіе всегда бываетъ болѣе, нежели то, что мы въ самомъ дѣлѣ получаемъ; можно сказать, что предѣлы надежды нашея суть наши желанія. Сколь же обширны, сколь же неопредѣленны они! но естли ужè знаемъ мы предбудущее щастіе наше, то не зависитъ болѣе отъ насъ, чего и сколько надѣвется мы хотимъ,

чемъ, ибо щастіе управляетъ уже тогда надеждою нашею. Но еспьли оно мало, или по крайней мѣрѣ мало въ разсужденіи желаній нашихъ; то и удовольствіе надежды будетъ гораздо менѣе, нежели оно было, когда мы не знали еще судьбы нашея.

Но престанемъ разсматривать надежду, яко предчувствіе щастія нашего, разсмотримъ лучше, что предузная щастіе наше, не потеряемъ ли мы и въ самомъ удовольствіи, причиняющемся отъ дѣйствительнаго наслажденія онымъ. Я думаю, что такъ. Есть нѣкоторый страхъ производящій въ удовольствіяхъ нашихъ самое то, что прятный корень во многихъ бѣсвахъ. То есть онъ дѣлаетъ то, что мы удовольствіе наше чувствуемъ гораздо живяе. Для чего прогааетъ меня столь много щастіе, когда я имъ наслаждаюсь? обыкновенно для того, что я побѣдилъ уже страшное сомнѣніе о полученіи онаго. Сладость моя не была бы столь велика, еспьлибъ страхъ сей не привелъ чувствованія мои, такъ сказать, въ полное движеніе ихъ; но коль скоро напередъ уже знаю щастіе мое, то сего уже не будетъ; еще и то истинно, что нечаянное щастіе гораздо намъ прятнѣе, нежели ожидаемое, хотя бы обстоятельства ихъ были

были и ровныя. Наконецъ, предузнавъ судьбу нашу, усмотримъ и то, что побольшей части щастіемъ своимъ бываемъ одолжены не самимъ намъ, не искусству нашему, и не достоинствамъ, но случайности и другимъ чловѣкамъ. И такимъ образомъ самолюбіе наше лишится великаго удовольствія, съ которымъ мы въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ нашихъ, хотя и неосновательно, однакожъ всѣ хорошія произшествія жизни нашей достоинствамъ своимъ приписываемъ. Положимъ, что это заблужденіе; но насъ веселитъ и самое заблужденіе, доколѣ почитаемъ его истинною. Еще ли мы желаемъ предузнатьъ судьбу нашу?

Еще осталось одно возраженіе. Когдабъ зналъ къ чему я опредѣляюсь, такъ разсуждають, то тѣмъ бы болѣе пріуготовлялся къ образу жизни мнѣ предстоящія. Я почитаю сіе обманомъ; сколь много отвѣчать на сіе можно! но я скажу о семъ весьма не многое. Естьли я къ образу той жизни, въ которой состоитъ мое щастіе, отъ природы не имѣю охоты; то тѣмъ менѣе прилагать-ся къ ней буду: ибо щастіе сіе уже несомнительно. Какаяжъ мнѣ нужда лишаться спокойствія моего? и безъ всякихъ достоинствъ достигну я состоянія мнѣ назначеннаго. А естьли имѣю склон-

ность

ность къ состоянію сему; по буду къ нему пріуготовляясь, хотябъ и не зналъ будущаго жребія моего. Чтоже пользуесть мнѣ знаніе о будущемъ жребіи моемъ?

До сего разсматривали мы, чтобы каждому особенно приключилось, когдабъ предузнавали будущій жребій свой. Но не надлежитъ намъ разсматривать себя отъ другихъ отдѣляя. Должно разсуждать также, чтобы учинилось въ цѣломъ, въ свѣтѣ, и въ связи вещей всѣхъ, когдабы каждый зналъ что съ нимъ приключится. Что до меня касается, по я не хотѣлъ бы жить въ свѣтѣ, естлибъ челоѣки предузнавъ будущій жребій свой, сохранили припомѣ и свободную волю свою. Совсѣмъ бы инаково было, нежели въ сіе время, когда мы ничего о предбудущемъ не знаемъ. Часто дѣйствіе единаго шокмо челоѣка имѣетъ вліяніе на судьбу многихъ тысячъ. Надежда и страхъ суть пружины желаній нашихъ, естли ихъ перемѣнятъ или отнимутъ; по перемѣнятся или испребятся и предпріятія наши. Но надежда и страхъ совсѣмъ бы инаковы были, естлибъ напередъ знали, что приключится долженствуесть; и слѣдственно и дѣянія наши, поелику основываются они на свободной волѣ нашей,

нашей ; инаковы же бы были, естлибѣ напередѣ ужè окончаніе ихѣ вѣдали. Послалѣ ли бы *Филиппъ* непобѣдимый флотѣ свой, естлибѣ предвидѣлѣ то, что наконецѣ онѣ увидѣлѣ ? невѣроятно. И слѣдственно всѣ тѣ люди, которые погибли во флотѣ семѣ, сдѣлались бѣдными, или нѣкоторымѣ образомѣ щасливыми учинились, имѣли бы совсѣмѣ другій жребій, когдабѣ *Филиппъ* предузналѣ окончаніе дѣла сего. По сему можно судить сколь инаковы были бы произшествія свѣта, когдабѣ каждый напередѣ зналѣ чѣмѣ окончится предпріятіе его. Пусть они будутѣ инаковы, скажутѣ мнѣ: однакожѣ тысячи золѣ, зависящихѣ отѣ свободной воли челоуковѣ, можнобѣ было избавишься, коль скоро бы проникали въ будущее, и видѣли теченіе дѣлѣ. Коль сомнительно сіе! естлибѣ при нашемѣ предвидѣніи удержали мы нынѣшнія желанія и страсти наши; то и тутѣ довольно бы еще злосердія и глупости въ свѣтѣ находилось. Хотябѣ мы то или другое зло и оставили, но на мѣсто онаго сдѣлалибѣ другое. Я соглашусь, что мы оставилибѣ пороки сами себя наказующіе, но спали либѣ мы и другихѣ также убѣгать? Чтожѣ было бы въ первомѣ случаѣ со свободою и добродѣтелію? Пьянство, во многихѣ

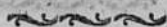

людяхъ, есть порокъ самъ себя наказу-
ющей. Естьлибъ *Стрефонъ*, отъ пьянства
десятью годами прежде во гробъ снишед-
шій, зналъ, что такъ съ нимъ случится:
то можетъ быть преспалъ бы онъ пьян-
ствовать. И слѣдственно въ свѣтѣ семъ
былобъ одно зло менѣе. Самая истин-
на. Но было либъ сіе свобода и добро-
дѣпель? Одно впечатлѣніе воображенія,
если ты много пьешь, то безъ сомнѣнія
умрешь гораздо ранѣе, не было либъ по-
лико же сильно, какъ еслибъ кто стоялъ
предо мною съ обнаженнымъ мечемъ и
удерживалъ меня силою отъ того, что-
бы безъ принужденія сего я исполнилъ?
что было бы сіе? свобода, или принужде-
ніе? Наконецъ мы видимъ, что многіе
пьяницы, и чрезвычайности сластолюбія
предавшіеся, достигаютъ высочайшей
мѣты лѣтъ человѣческихъ, и по внѣш-
ности провождаютъ жизнь шастливую.
Чѣмъ же таковыхъ отъ пороковъ ихъ
удерживать? Какой произойдетъ раз-
вратъ отъ единыя токмо извѣстности
образа смерти, и дня въ которой она
приключится! Какія бы слѣдствія произо-
шли отъ хорошихъ и отъ злыхъ при-
ключеній, которыя бы не преодолимы
были? а таковыя всегда въ регистрѣ
произшествій жизни нашей найдутся.
Здѣсь цѣлыя дома рыдаютъ будущъ

о несчастіи имъ предстоящемъ. Тамъ шатаюсь будущъ упившіеся радостію и удовольствіемъ приближающагося имъ щастія. Никто не будетъ работать, никто о благѣ общемъ спараться не пожелаетъ. Сколь часто отъ отчаянія будутъ убивать самихъ себя, или другихъ жизни лишать? Отецъ убіетъ сына своего въ колыбели находящагося, прежде нежели захочетъ чтобъ онъ на придцатомъ году возраста своего на плахѣ жизни своей лишился. Еще се-го же дня изпребилибъ мы друга, завтра щастія нашего лишитъ насъ долженствующаго; а завтрашній день, другіе бы насъ по злости, или мы сами отъ разкаянія, жизни лишили. Однимъ словомъ, не долго продлился бы свѣтъ сей, когдабъ мы жребій нашъ предвидѣли. Многіе умерлибъ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ отъ горести и печали, или яко упившіеся, коимъ не многого ожидать можно, во снѣ бы погружены были. Теперь обманываемъ себя надеждою, что скоро придетъ къ намъ щастіе наше; и такимъ образомъ протекаютъ дни наши одинъ за другимъ. Мы спрашимся золь еще невѣрныхъ, и такъ бываемъ покойны и способны къ отвращенію оныхъ. Съ какою же бы болпливостію рассказывали люди щастіе свое,

когдабъ его предвидѣли; но какая бы произошла отъ того зависть, а купно съ оною и неустройство! Что бы сдѣлалъ Кесарь, естлибъ зналъ, что въ Сенатѣ лишатъ его жизни? Сдѣлалъ ли бы Цицеронъ толико пользы? не взирая на свое честолюбіе, учинился либъ онъ когда Консуломъ, естлибъ предвидѣлъ, что насильственная смерть будетъ награжденіемъ папріотическимъ дѣламъ его? Спремилися либъ шоль многіе ко щастію своему, когдабъ знали напередъ работы и трудности, которыя теперь преодолѣвають они чрезъ многія лѣта и сами сего не примѣчая? Кто предпринялъ бы великое и похвальное дѣло, естлибъ усмотрѣлъ знаніемъ симъ, что онъ лишенъ надежды воздаянія? Ктобъ въ несчастіи неизбѣжимомъ возложилъ упованіе свое на Бога, и на помощь призвалъ его? Кто бы во щастіи, коего не можетъ лишенъ быть, пребылъ умѣреннымъ и благодарнымъ провидѣнію, а противу челоуѣковъ смиренномудрымъ и любезнымъ? Обстоятельное предзнаніе сіе не изпребило либъ почти совершенно добродѣтель и вѣру?

Однимъ словомъ, и шѣмъ и другимъ образомъ челоуѣкъ желаетъ вѣ- что прошиворѣчущее, когда хочетъ предузнать будущій жребій свой со всѣми

обстоятельствами онаго. Или хочетъ онъ предузнатьъ произшествія, которыя никогда не будутъ произшествиями, сколь скоро онъ ихъ знаетъ, и признаніи семъ сохранитъ тѣже склонности, желаніи, страсти, и туже свободу воли, днесь естество его составляющія; то есть онъ желаетъ узнать имѣющее приключиться ему, что однакожъ не приключится. Какое противорѣчіе! Или, когда воспослѣдуютъ произшествія сіи, то желаетъ онъ потерять или нынѣшнее расположеніе естества своего, или свою свободу; то есть онъ желаетъ быть человекомъ и не быть человекомъ. Толико то исполнено противорѣчія, и толико то безразсудительно желаніе предузнатьъ обстоятельно будущей жребій свой! но положимъ что оно и не таково; однакожъ желаніе сіе пребудетъ на всегда одно изъ вреднѣйшихъ, которое человекъ противу самаго себя имѣть можетъ. Положимъ, что свѣтъ и естество человеческое возмогутъ устоять при семъ, то какимъ же адомъ былъ бы свѣтъ сей, и какое ужасное щастіе, щастіе быть человекомъ! Ежели есть люди имѣющіе даръ предсказывать будущее мое, то прошу ихъ и заклинаю умолчать предо мною вредоносную премудрость свою. Язва, гладъ, и мечь суть великія не-

щастія, но составители гороскоповъ, естли есть таковыя, составители гороскоповъ для всего рода человѣческаго былибъ еще гораздо ужаснѣе, нежели всѣ несчастія сіи.

А. К.

IV.

ПИСЬМО

ХАРИТЕСА КЪ АРИСТОДЕМОНУ.

Можетъ быть, *Аристодемонъ*, что другъ твой щенно покушается про-
нуть тебя въ разсужденіи твоихъ дѣ-
тей, когда прозвбы дочери твоей были
безполезны. Чего тамъ можетъ надѣяшь-
ся дружба, гдѣ ужè не внемлютъ гласа
природы и крови? Но естли бы я былъ
въ томъ столь щастливъ, и естли бы
я добродѣтельной дочери, которая ни-
какова другова проступка не сдѣлала,
какъ только, что она въ выборѣ возлю-
бленнаго послѣдовала склонности своего
сердца и гласу природы, ея нѣжному
отцу и двумъ несчастнымъ могъ воз-
вратить ихъ спокойствіе; то почелъ бы
себя столь щастливымъ, сколько бы я
ихъ сдѣлалъ. Естли стараніе мое щен-
но, то хотя и долженъ я сожалѣть
о ихъ судьбѣ, однако я свободенъ отъ
всѣхъ

всѣхъ укоризнѣ, какія бы я долженъ былъ самъ себѣ дѣлать.

Ты отвергъ своихъ дѣтей, и опеческое пвое сердце такъ заградилъ отъ нихъ, что ты отказываешь имъ даже въ вольности раскаяваться и жаловаться тебѣ на самихъ себя. — Повѣрь мнѣ, *Аристодемонъ*, дѣло сіе важно и велико! Видно первый возпылавшій гнѣвъ весьма овладѣлъ тобою, и разумъ пвой въ пѣ мгновенія ока не могъ разсудить о дѣяніи, къ которому родительская горячность пвоя тебя воспламенила. Но теперь разсуди, когда сей первой гнѣвъ миновался. Можетъ быть, что ты не довольно зрѣло разсуждалъ о томъ, что ты сдѣлалъ: или естли ты обо всемъ разсуждалъ, то ты однако могъ въ собственномъ твоёмъ дѣлѣ не совѣмъ разсуждать безпристрастно. Въ таковыхъ сомнѣніяхъ безкорыстные и искренные друзья бывають лучшіе совѣтники. И такъ позволь мнѣ говорить, яко другу къ другу; яко безпристрастному честному человеку къ другому такому же, которымъ можетъ быть спрасть овладѣла чрезмѣрно. Не распаляйся потчасъ гнѣвомъ, когда услышишь о пвоей дочери, и не бросай изъ рукъ письма отъ друга, какъ скоро ты усмотришь предметъ содержанія онаго. Можешь ли

ты думать, что я могу судить къ твоему вреду? Я надѣюсь, что ты увѣренъ о искренней моей дружбѣ! по крайней мѣрѣ прочти все сіе письмо; рѣшись тебѣ во всякое время вольно. Или можешь быть ты опасаться доказательствъ, на которыя ты не въ состояніи отвѣчать? Нѣтъ, *Аристодемонъ*, разуму честнаго человѣка совѣмъ непристойно, ежели онъ не хочетъ выслушать основательныхъ доводовъ единственно для того, чтобы не быть принужденнымъ положить свое рѣшеніе. Это уже яснымъ было бы свидѣтельствомъ внутренняго убѣжденія, что ты несправедливо поступилъ. Разумной и честной человѣкъ располагаетя по основаніямъ, онъ желаетъ поступать справедливо, и шощъ достоинъ его дружбы, кто помогаетъ, дабы такъ поступалъ.

Не представляешь ли ты себѣ, *Аристодемонъ*, погрѣшность твоей дочери съ лишкомъ великою, и не считаешь ли за порокъ такое дѣйствіе, которое можетъ быть есть только одинъ проступокъ? Побуждающія причины опредѣляютъ степени пороковъ. Можетъ быть ты ошибся въ своемъ разсужденіи, выводя наказанія достойное дѣйствіе твоей дочери изъ другой причины, нежели изъ какой оно произ-
шекало.

шекало. — Однако я надѣяся на швое
 благоразуміе и швою отеческую любовь,
 думаю, что ты не ошибся вѣ сей побу-
 дительной причинѣ; и такѣ положимѣ,
 что дѣйствіе и достойно наказанія, по-
 ложимѣ, что оно было столь зломы-
 шленно, сколь оно тебѣ быть кажется;
 однако я долженѣ тебѣ сказать, что
 наказаніе весьма жестоко, и превосходитѣ
 границы соразмѣрности. Дѣши великое
 имѣютѣ обязательство кѣ своимѣ ро-
 дителямѣ, потому что они отѣ нихѣ
 получили жизнь: однако жизнь, за кошо-
 рую должно благодарить, не состоитѣ
 вѣ единомѣ существѣ, она даетѣ куп-
 но наслѣдственное право на удовольствіе
 и шастіе; по крайней мѣрѣ на облада-
 ніе нужнаго природою пребуемаго. Еди-
 ное существо помощи просящее отѣ со-
 стоянія, которое не имѣетѣ покоя, без-
 опасности, благополучія даже и самаго
 необходимаго, ахѣ! можно ли такое
 бѣдное существо обязывать кѣ благодар-
 ности? Я незнаю, не ошибаюсь ли я; но
 ешлы я могу вѣришь своему чувствува-
 нію, то такое спраданія исполненное со-
 стояніе не очень много должно предпочи-
 тать ничтожеству. Быть мучиму безпре-
 станнымѣ раскаяніемѣ, безѣ надежды
 прощенія, и подвержену презрѣнію свѣ-
 та, и тягостямѣ ужаснѣйшей бѣдности,

вами оставлену, и отъ тѣхъ самихъ бытъ брошену, отъ которыхъ полько и должно бы было ожидать помощи во всѣхъ приключеніяхъ. — Что можешь ты представишь себѣ ужаснѣе сего? Можетъ ли даромъ назваться жизнь, оставленная тѣмъ, у которыхъ мы отнимаемъ всѣ нужды и все спокойствіе? Не строжайшимъ ли паче наказаніемъ сіе почестъ должно?

Повѣрь мнѣ, *Аристоклеонъ*, жизнь, которую мы даемъ другимъ, заключаешъ равно въ себѣ обѣщаніе оказывать имъ всякую помощь, какую мы токмо можемъ: ничто не можетъ насъ освободить отъ сего обязательства. Публичнымъ преступникамъ дается нужное пропитаніе, котораго требуетъ природа, до тѣхъ поръ, пока оставляется имъ жизнь. Развѣ ты хочешь наказатъ строжѣе проступокъ швоей дочери! — Нѣтъ, себя, яко опца ея, ничто не можетъ освободить отъ обязательства. Нужное дасть ей вспоможеніе не есть преступленіе, хотя бы она сама отвергала помощь.

Такъ размышлялъ бы человекъ, разсуждающій единственно по естественнымъ обязательствамъ; но коль паче мы одолжены каждому другому человеку по человеколюбію? Человеколюбіе
не

не отказываетъ въ своей помощи и шѣмъ, отъ которыхъ мы почитаемъ себя обиженными. Но отецъ хотѣлъ ли бы лишитъ всей помощи свое дѣтище, и свергнуть въ бездну бѣдности ту, которой онъ даровалъ жизнь? Если бы люди были столь слѣпы, что самихъ себя повергали бы въ несчастіе: тобы мы, *Аристодемонъ*, должны были оплакивать ихъ ослѣпленіе, когда бы не могли имъ оказать помощи: но погибшаго, раскаивающагося о своемъ проступкѣ, и желающаго охотно изъ сей гибели выпши, должны ли мы паки низвергать его въ оную? — Истинный человеколюбецъ сжалился бы надъ такимъ несчастнымъ; и долженъ ли отецъ мнѣ сострадать? Никакой проступокъ, кромѣ окаменѣнія, не подаетъ намъ справедливой причины отказываться отъ должностей человеколюбія: но отеческая любовь къ дѣтямъ должна ли имѣть менѣе обязательства?

Хотя бы проступокъ дочери твоей былъ наивеличайшей, однако совершенное отверженіе превосходитъ всѣ наказанія. Ты по крайней мѣрѣ обязанъ сохранить ея жизнь; но ты долженъ оную у нее опнять, если ты у нее отнимаешь все то, что природа требуетъ. — Разсмотри пожалуй сіе преступленіе, *Аристо-*
сто-

стодемонъ! я спрашусь, чтобъ сіе наказаніе не переступило границы. Ея проступокъ заслуживаетъ наименованія одного токмо послушанія, которое спрожайше судится побою. — Позволь мнѣ, любезный другъ, говорить чисто-сердечно. Если я могу открыть мое сердце передъ побою, и сказать мое мнѣніе свободно, то думаю, что не лъзя вину, побою за толь важную почитаему, приписывать ей одной. Она дѣлаетъ ее — могу ли я это сказать? — съ побою! Во всѣхъ дѣлахъ, ты самъ признаешься, повиновалась она твоей волѣ, только въ одномъ хотѣла она слѣдовать своему выбору; и справедливо бы было оставить ей сей выборъ, касающійся до собственнаго ея благополучія.

Супружество, *Аристодемонъ*, есть по истиннѣ весьма важное дѣло для нашего благополучія; оно есть союзъ, который одна токмо смерть нарушить можетъ. Не можемъ ли мы по справедливости требовать позволенія избирать самимъ себѣ того въ помощники, съ которымъ толь ненарушимыя оковы должны сопрягать насъ. Мы, мы одни себѣ причиняемъ либо благополучіе, либо несчастіе; то должны ли другіе для насъ избирать? Во угожденіе ихъ
жела-

желанію должны ли мы быть жертвою? По причинѣ ихъ заблужденія должны ли мы спрдасть? — Признайся, другъ, что никакая справедливость не можетъ насъ въ семь дѣлъ подвергнуть послушанію кого нибудь другаго, и все почтеніе къ приставникамъ и родителямъ оканчивается здѣсь. Извиненіе, что старые люди разсуждаютъ зрѣлѣе молодыхъ, что родители лучше предвидятъ пользу своихъ дѣтей, нежели они, и все то, что только обыкновенно говорятъ, есть единая отговорка, которая не даетъ никакова права избирать для другихъ, хотя бы имѣли право совѣтовать имъ; отговорка, подъ которою скупость, гордость, и сто другихъ дурныхъ видовъ дѣлаютъ дѣтей несчастными, которыхъ надлежало бы ошастливити.

Прости меня; ты не совсѣмъ свободенъ отъ бремени укоризны, хотя я охотно разрѣшаю тебя отъ собственныхъ твоихъ видовъ; ибо мнѣ свѣдома правда твоя. Мнимое счастье для твоей дочери чрезмѣрно обѣяло родительское твое сердце. Ты любилъ того молодого человѣка, котораго ты опредѣлилъ *Исменѣ*, ради его качествъ, и взиралъ притомъ на его наружныя обстоятельства, обѣщавшія дочери твоей

выгоды, спокойствіе и удовольствіе. — Чего не доставало сему выбору, спрашиваешь ты? — Только одного, *Аристодемонъ*, что онъ дочери своею не показался столько хорошимъ, сколько тебѣ? Молодому *Креоникусу* ни въ чемъ болѣе не доставало, дабы жить въ благополучномъ союзѣ съ своею дочерью, какъ во взаимной ея любви: и сей недостатокъ одинъ гораздо былъ болѣе, нежели всѣ сіи выгоды представившіяся вмѣстѣ, которыя любовь презираетъ. Ты совѣтовался съ твоимъ разумомъ, ты нашелъ все то, что только могло обѣщать наружное благополучіе: однако ты позабылъ чувствованія и сердце, которыя должны рѣшить всѣ сіи выгоды, учинятъ ли онъ щасливыми, или нѣтъ.

И такъ не называй щастіемъ то, что ты предлагалъ своей дочери; ничто не составляетъ нашего счастья, кромѣ того, что мы сами за щастіе почитаемъ. Мнѣніе наше можетъ перемѣниться, это безпорно; и естли мы съ лишкомъ поздно усмотримъ наше ослѣпленіе, то все сноснѣе думать, что мы сами выбрали, нежели что мы сдѣлались другихъ жертвою. Кто бы хотѣлъ подвергнуться опасности, слышать на себя сіи жалобы. Разсуди естли бы дочь твоя отъ союза сдѣлалась не-

нѣщасною, то хотѣлъ ли бы ты лучше, чтобъ она сама себя обвиняла, или принуждена была укорять тебѣ? Не лучше ли допустить челоуѣка сдѣлаться нѣщаснымъ по собственному своему выбору, нежели самому учинить его нѣщаснымъ?

Мы уже стары, *Аристоклемонъ*, и наше сердце уже очень холодно, дабы разсуждать о чувствованіяхъ любви; но мы можемъ заключать по приключеніямъ въ жизни случившимся, сколь велика ея сила въ молодомъ сердцѣ. Она сама собою непорочна, и есть побужденіе природы; и грѣхъ ли слѣдовать сей склонности, доколѣ сохранена благоприспособность и честь? Не должна ли она при каждомъ сопряженіи имѣть первой голосъ избранія; она, которая одна можетъ дѣлать каждой союзъ щастливымъ? Но ты хотѣлъ покорить любовь подъ скипетръ разума, подъ власть, которой она не признаетъ. Совѣтовать, другъ мой, это было все, что ты могъ сдѣлать, а не повелѣвать; сіе значить спорить съ природою. Ахъ! если бы ты по прозьбамъ своя дочери, по ея слезамъ, которыя она проливала у твоихъ ногъ, по ея тоскѣ, причиненной убѣжденіемъ, когда ея любовь и послушаніе тебѣ противились; если бы ты

по-

только заключилъ о силѣ ея любви по всѣмъ знакамъ, съ которыми она предъ тобою изъяснялась, дабы испросить себѣ вольность въ семъ выборѣ, которой ей одной принадлежалъ; по увидѣлъ бы ты, сколь простительна была сія погрѣшность, что она отверглась отъ послушанія, и бросилась въ объятія своего возлюбленнаго противъ твоей воли.

Да, *Аристоклемонъ*, сія погрѣшность заслуживаетъ прощеніе; источникъ оныя самъ по себѣ весьма безвиненъ; наказаніе твое чрезмѣрно строга. — И что я долженъ сказать о строгости онаго, когда я разсуждаю о твоей добродѣтели, впрочемъ невинныя и нѣжныя дочери! Чувствительное сердце, крошечная невинность, соединяющая съ красою всю пріятность и благородство! — Я не знаю, другъ мой, какъ ты, который ея столь нѣжно любилъ, который ежедневно въ ея добродѣтеляхъ находилъ свое удовольствіе, могъ отвергнуть отъ себя сію любезную! Сколь часто я тебя поздравлялъ съ сею любви достойною дочерью, сколь часто видѣлъ я на твоемъ веселомъ лицѣ сколь пріятно было тебѣ мое поздравленіе? И сію возлюбленную, пріятную, скромную *Климену* покинуть и лишитъ ее всей твоей любви и помощи? — Воистинну я о участи ея

ея проливалъ слезы ; я , ея другъ , а ты ея отецъ. — — Но нѣтъ ! ты еще сей нѣжный отецъ , воспылающій гнѣвъ за такое дѣйствіе , которое заслужило наказаніе , а не отверженія , преодолѣлъ только на малое время твою любовь . Ты можешь , ты долженъ , ты простишь ее ; ты , который можешь быть въ наказаніи столько же много претерпѣлъ , сколь она будучи наказана .

Увы ! естли бы я могъ тебѣ описать ея печаль , раскаяніе , отчаяніе , и что еще горестнѣе , ея бѣдность , то я знаю , ибо я и самъ отецъ , глаза твои наполнились бы слезами , слезами , которыя изгладили бы остатокъ твоего гнѣва !

Я былъ увѣдомленъ письмомъ отъ твоей дочери о ея жилищѣ . Какое письмо , о *Аристоклеонъ* ! слезы ея зашмили слова ; едва могъ я еще угадать его содержаніе . Оно было написано на негодной бумагѣ , которая казалась нечаянно попалась въ ея руки . Я его читая прослезился . Я поспѣшилъ тотчасъ на означенное ею мѣсто , и нашелъ наконецъ въ одной деревнѣ бѣдное ея жилище . Никакія слова не довольно сильны описать тебѣ сіе зрѣлище . Въ самой бѣднѣйшей хижинѣ , давно уже незащищающей болѣе отъ вѣтра , дождя и стужи , съ окошками , въ которыя едва свѣтъ

Часть III. мѣс. Сент.   Е   про-

проникалъ , въ коихъ спеклы въ разныхъ мѣстахъ были заткнушы соломою и прѣпицами, сидѣла на изломанной скамьѣ дочь своя у лавки, на которой лежалъ ея возлюбленный. Она обливалась слезами, одѣтая отъ стужи толстою епанчею; а возлюбленный ея лежалъ больной, подобенъ бездыханному трупу, на соломѣ подъ нимъ подолоной, завернувшись въ грубое рубище. — При семъ позорищѣ слезы покапались по моимъ щекамъ. Мы стояли долгое время безсловесны отъ горести взирая другъ на друга. — Ахъ! сколько бы я желалъ видѣть ея родителея у себя, чтобъ быть свидѣтелемъ бѣдности, которую онъ по разказанію можетъ быть не почувствуетъ, или не повѣритъ! я старался облегчить нѣсколько ихъ несчастіе; и сколь бы счастливымъ почиталъ я себя, естли бы родитель ея могъ простить. — По крайней мѣрѣ прочти сіи строки, которыя она къ тебѣ писала между вздохами и слезами съ жарчайшими чувствованіями разкаянія, печали и отчаянія; и естли могутъ тебя пронуть бѣдность, бѣдность своя дочери, и прозъбы друга, то прости ее и ошлливь!

Михайло Жукоць.

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Октябрь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

I. Письмо Климены къ ея отцу	87
II. Сонъ Галилеевъ	94
III. Покаяніе Христіянки при солнечномъ восходѣ	107
IV. Рѣчь перваянадесять, о щедрости. Читанная въ нѣкоторомъ Христіянскомъ обществѣ	109
V. Божіе Милосердіе	121
VI. Божіе Милосердіе	123
VII. Письмо Серены къ Смирнону	128
VIII. Письмо Смирнона къ Серенѣ	134
IX. О пріяшности грусти	141
X. Рѣчь втораянадесять, о любви братской. Говоренная въ нѣкоторомъ Христіянскомъ обществѣ въ Англіи	153

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

ПИСЬМО

КЛИМЕНЫ КЪ ЕЯ ОТЦУ.

Естьли вы на вѣки рѣшились отвергнуть непослушную свою дочь; естьли она виною ея сердца заслужила несчастіе на всю свою жизнь; то она желаетъ одного только, чтобъ вы ее не заклинали! Сіе единое утѣшеніе подъ бременемъ разныхъ ея суетъ и бѣдности, сіе единое утѣшеніе можетъ только произтекать отъ увѣренія, что вы ее въ наказаніе оставляете ея несчастію, но не ненавидите. Увы! возрите на слезы помрачающія мои слова; когда я пишу оныя, и не презрите сего листа, раскаянія наполненнаго! Родитель мой, не оприните его! прочтите сіи черты,

Часть III. мѣс. Окт.

Ж

сіи

сіи вздохи вашей дочери, прежде любимыя дочери! Ахъ! родитель мой! смѣю ли я называть васъ симъ именемъ, симъ для меня всегда поль почтеннымъ, поль пріятнымъ именемъ! — Для чего нѣтъ? Природа мнѣ васъ дала опцемъ, и никакое время, никакая сила не разрушитъ союза природы! — Нѣтъ, они святы и вѣчны; чувствованія моего сердца къ виновнику моей жизни въ томъ меня увѣряютъ. Никакое время, никакое несчастіе, никакое опчаяніе во мнѣ оныхъ не изгладитъ.

Небо, которое я никогда съ намѣреніемъ не прогнѣвляла, кромѣ, можетъ быть, несчастнаго поступка, которымъ я оскорбила отца моего, да будетъ свидѣтелемъ сердечныя моя печали и раскаянія! Сіе раскаяніе, которое меня безпрестанно погружаетъ во слезахъ, конечно примирило небо; отецъ ли не хочетъ простить меня? Ахъ! можете ли вы снести, вы, которому я жизнью обязана, чтобъ я въ сей крайней нуждѣ и во всѣхъ горестяхъ и безпокойствіяхъ исчезала? Должны ли слезы мои напрасно проливаться, и должно ли раскаяніе изнурять меня щещно. Должна ли жизнь сія, вашъ даръ, быть мнѣ наказаніемъ; можете ли вы видѣть дочь вашу лежащую въ пыли, простирающую

руки

руки у ногъ вашихъ, и просящую шестно опеческія милости? — Коль щастлива была я прежде сего! Сіе пріятное, драгоцѣнное и высокое названіе, *любезная дочь*, коль лестно отдавалось въ моемъ сердцѣ! оно пріятнѣе, нежели любовныя ласки производящія изъ пріятныхъ устъ возлюбленнаго! Ахъ, коликую исполненную благословенія чашу опеческая ваша любовь тогда на меня изливала! — Какимъ благополучіемъ, какими возхищеніями я была обѣяна, когда въ вашихъ веселыхъ очахъ блистали удовольствіе и любовь; когда вы съ милостивою благосклонностію меня называли вашею дочерью; когда я могла васъ называть отцемъ своимъ! — О веселіе при старости, надежда и наслѣдница вашего благословенія! — Въ чемъ я имѣла недостатковъ! Мнѣ ничего не оставалось желать: спокойствіе, безпечную жизнь, удовольствіе, благополучіе, все я имѣла! Коль я унижена, съ неба во адъ свергнута! Около меня и предо мною одна только находится бѣдность, ужасное настоящее, ужасное и предбудущее время! — Увы! Позвольте мнѣ описать печальное позорище моего горести; не откажите мнѣ въ семъ утѣшеніи; послушайте меня, опче мой; позвольте, чтобъ я открыла предъ вами все

мое сердце; и тогда увидите, довольно ли наказана дочь ваша за свое непослушаніе! Климонъ, сей челоѡколюбецъ, мой заступникъ. — Я бы назвала его богомъ моимъ, есѡли бы позволено было людей называть симъ именемъ. — *Климонъ* свидѡтель сего поворища, отъ котораго онъ наконецъ долженъ былъ отврапить глаза свои, наполненные слезами.

Обвалившаяся и соломой покрывшая хижина (съ какимъ сожалѡніемъ я прежде взирала на сіи хижины, и вздыхала о бѡдности ихъ жителей!) теперь составляетъ мое жилище! Вѡтръ и настье не щадятъ меня; и мой супругъ, который прежде столь вѡрно дѡлилъ со мною всѡ заботы, и всѡ пруды на себя одного принималъ, лежитъ на соломѡ ослабленный болѡзнію, и паче отягченный обо мнѡ беспокойствомъ! Прежде прилагалъ онъ свои къ низкимъ работамъ непривычныя руки къ шягостнымъ прудамъ для избавленія нашего отъ ужаснѡйшаго зла, какъ можно думать, отъ голода. Теперь лежитъ онъ безъ всякаго призрѡнія подъ спужею, и наилучшее, что ему желать остается, есть скорая смерть! о, сколько я желаю, чтобы она обоихъ насъ изпоргнула изъ жизни, бѡдности исполненныя! — Нѡ-

мые,

мые, подобно мраморнымъ истуканамъ, взираемъ мы другъ на друга, и каждый усуремляемъ взоръ свой упоающій во слезахъ на предметъ, усугубляющій его нещастіе. На скамьѣ сажу я, ваша сожалѣнія достойная дочь, дрожа отъ спужи, и прислонясь задумчивою своею головою къ обвалившейся стѣнѣ, подлѣ него, и не смѣю громко воздыхашь, дабы болѣе не уязвить кровію облившееся его сердце. Одинъ скрываетъ отъ другаго свою нужду, и стѣсняетъ свои чувствования и горести въ своемъ сердцѣ. Отверняя другъ отъ друга возводимъ вздохи къ небу, и извлекаемъ принужденныя улыбки, когда глаза наполняются слезами: — увы! и тогда терзается наше стѣсненное сердце! — Отче мой! какое нещастіе превосходнѣе и несноснѣе нами претерпѣваемаго? когда любящіяся становаются другъ другу въ мученіе и тягость; когда любовь, источникъ тысячи благополучій, бываетъ мученіемъ, когда ужасный недостатокъ дѣлаетъ намъ взоръ несноснымъ тѣхъ, безъ которыхъ мы жизнь за ничто почитаемъ?

Кто была я прежде? О естлибъ я могла истребить мысль, кто я была, когда не смѣю надѣяться, что мое нещастіе когда нибудь кончится! —

Споль благополучная, споль привыкшая къ спокойствію и удовольствію въ жизни, опцемъ любимая, людьми по немъ почитаемая, безъ заботъ, а теперьъ — въ крайней бѣдности, терзаема всѣмъ, что есть мучительнаго! — Нѣтъ, я не желаю возвратитъ себѣ сіе благополучіе, желаніе сіе для меня несчастной весьма пышно; но только внутреннее спокойствіе, мученіе только, которое терзаетъ мою внутренность, и сіе тяжкое бѣдности бремя, отягощающее сердце мое яко земный шаръ, сіе, о Боже! отними отъ меня! я хочу спрадать, охотно, охотно хочу спрадать! можетъ бытъ я сіе заслужила; я ничего болѣе не желаю отъ всего, что я имѣла, какъ только вашего прощенія, опче мой, и попомъ помъ хлѣбъ, который имѣетъ послѣдняя женщина. Увы! сколь это мало въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что я имѣла! Но сіе еще царское богатство прошивъ того, что я теперь имѣю! Я бы за щастіе себѣ почитала, естли бы я только сокрывшись отъ презрѣнія людей на краю свѣта, и увѣрена будучи о вашей милости, опче мой, могла жить въ тихой бѣдности, и снискивать своими трудами то, чего пребуетъ природа! Сіи руки никакою работою неукрѣпленныя не стыдились бы

при-

приняшься за плугъ. Я бы почла благополучіемъ съ своимъ любезнымъ орать землю, или пасши стадо! — Увы! несчастный мой супругъ! былъ ли полъ великъ проступокъ любви, что небо и весь свѣтъ соединяются къ наказанію насъ! — О природа! природа, которой побужденія мы почитали невинными, коль ты намъ измѣнила! не были ли мы опредѣлены другъ для друга! Сей гласъ склонности, который, казалось, намъ говорилъ, что сердце одного сотворено для другаго, не былъ ли гласъ Сирены, насъ прельщающій! Развѣ сіи сходства нравовъ, сіи согласныя чувствованія нѣжныхъ душъ одни только ложныя воображенія? Проступокъ ли, слѣдовать, когда природа призываетъ? — И пакъ, о коль вы щасливы подѣ вѣщвію играющія, и единственно побужденіямъ природы слѣдующія пищицы! сколь щасливы вы стада въ полѣ! вы не имѣете въ себѣ сихъ двухъ спорящихся мучителей, побужденія и разума, существующихъ въ вѣчномъ несогласіи. — И споль ли великое преступленіе заблуждать въ такомъ сомнительномъ бою? Грѣхъ ли не совсѣмъ слѣдовать разуму, когда природа сильнѣе его.

О, Опче мой! я чувствую, да, я чувствую, что моя совѣсть, естли не оправдываетъ меня, по конечно извиняетъ. Она спокойна, когда я свое разсмаприваю дѣйствіе, или она мнѣ сказываетъ тихимъ гласомъ, ты ошиблась., Сколь бы перзала она меня, естли бы я болѣе, нежели въ одной погрѣшности, виновна была; сколь бы она перзала меня, и опомщала за васъ. Однако я раскаиваюсь! — Ахъ, что я говорю? Я люблю чрезмѣрно, и можетъ быть, сдѣлала бы еще въ другой разъ сію ошибку! — Не гнѣвайтесь, опче мой, и не будьте оскорблены чистосердечіемъ дочери! Вы хотите, чтобъ она была наказана, и самая сія нѣжная любовь составляетъ наибольшее ея наказаніе. — Но заслужила ли она его? — Ежели заслужила, по небо или природа опредѣлили меня къ несчастію, къ наибольшему несчастію между смертными; ибо ни одинъ человекъ не любитъ столь жестоко, какъ я.

Я хочу себя совсѣмъ почитать виновною; все должно мнѣ быть въ милость, что я отъ васъ получу, но позвольте, чтобъ я по крайней мѣрѣ сдѣлала опытъ извиненія моей ошибки. Несчастному служитъ утѣшеніемъ одно мнѣніе, что онъ не столь виновенъ. Можетъ

жетъ быть это знакъ, что сердце его не знаетъ ни о какомъ злѣ; ибо знаемая злоба возмущаетъ совѣсть совѣсть прошивъ его, и опровергаетъ вдругъ все его извиненія. Сердце мое прельщено было *Юкастомъ*; я любила его; вы сами его нашли добродѣтельнымъ. — Ахъ, вся его вина состояла въ томъ, что онъ бѣденъ! — и вы не хотѣли принять того, котораго сердце мое уже давно избрало. Другова должна была я любить; — день брака былъ назначенъ; я просила, заклинала, плакала; но вы, отче мой, разгнѣвались! первый былъ гнѣвъ мною возбужденный; сколь я виновна, о томъ судить можетъ небо! едва я осмѣлилась сдѣлать вамъ представленіе, моя просьба, мое сопрошивленіе, отчаяніе, были почти столь велики, сколь и теперь: ибо одна бѣдность присоединилась къ моимъ оправданіямъ. Вы меня называли непослушною, согнали меня съ глазъ своихъ, пока я научусь быть послушною; и какъ я лучше могла снести смерть, то вы хотѣли принудить мое сердце любить того, котораго оно должно было любить: то сердце надъ коимъ я сама была невластна. Что мнѣ было дѣлать, скажите, отче мой, что мнѣ оставалось кромѣ отчаянія? Никогда не могла я

быть несчастіе, какъ когда бы я соединилась съ *Куріемъ*. Я это чувствовала, и чувствую теперь еще въ самомъ крайнемъ несчастіи. Вотъ, опче мой, сколь сильна любовь! можно ли называть то проступкомъ, что я не могла прошивиться столь великой силѣ? Я думала, что все испытала, чтобъ пронуть васъ, и не нашла другаго средства, кромѣ побѣга къ моему *Юкасту*. Я бросилась въ его объятія, и дабы никакая сила не отняла меня паки у него, и оклеветаніе пощадило бы мою честь, то священная рука соединила любовь нашу ненарушимымъ союзомъ.

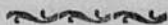
Сколь бы я была щаслива, если бы вы сей союзъ признали за законной! повѣрьте мнѣ, опче мой, что сердце мое не обмануло меня, обѣщавъ мнѣ чрезъ сію любовь столь много благополучія. По средѣ бѣдности чувствуетъ оно, что ничего болѣе не достаетъ къ его благополучію, кромѣ вашей любви и сноснаго наружнаго благосостоянія; тогда бы я столь щаслива была, сколь теперь бѣдна! — Ахъ, желали ли вы больше, или меньше, какъ видѣть меня щасливою, осуждая мою любовь, и повелѣвая другую? Вы не могли сдѣлать меня щасливѣе; никакой смертной на земли — никакое божество.

Сдѣ-

Сдѣлать меня несчастнѣе . . . . могли ли вы того желать? Нѣтъ, опче мой, такъ тиранны поступаютъ! и естли вы того хотѣли, виновата ли я, что не послушалась? Естли небо меня сотворило для благополучія; то смертные не довольно властны принудить меня, чтобъ я сдѣлалась несчастною по собственному своему выбору. — Однако вы имѣли отеческое намѣреніе; вы думали меня сдѣлать благополучною и избавить отъ несчастія. — Сколь я желаю, что бы склонности и чувствованія моего сердца съ вашими были согласны! коль часто я желала, чтобъ я могла столько любить *Курія*, сколько моего *Юкаста*! но что я могла болѣе сдѣлать, какъ желать! ничего болѣе, опче мой, воиспинну ничего болѣе, какъ желать, плакать, и склониться моему *Юкасту*! что мнѣ еще сказать? мнѣ ничего не остается, какъ любовію извинять мое непослушаніе; и ничего, кромѣ какъ раскаяніемъ оное загладить; не раскаяніе о самомъ дѣяніи, но раскаяніе о томъ, что оно васъ огорчило.

О, естли прозьбы и слезы могутъ еще пронуть васъ, и естли отеческое ваше сердце не совсѣмъ заграждено для вашей дочери; то позвольте, чтобъ на-
каза-

казаніе мною претерпѣваемое загладило оскорбленіе, и возвратите мнѣ только часть того блаженства, которымъ я прежде всѣмъ наслаждалась! позвольте мнѣ пасть предъ вашими ногами, и просить прощенія. Не допустите погибнуть въ сей крайности; спасите двухъ несчастныхъ, стоящихъ на краю гибели, и сохраните жизнь, отъ которой моя зависитъ. — О, если бы вы удостоили дочь вашу посѣщеніемъ въ крайней ея бѣдности, я знаю, отче мой, сіе плачевное зрѣлище укропило бы гнѣвъ вашъ, и можетъ быть слезы предвозвѣстили бы мнѣ, что я могу надѣяться прощенія! позвольте мнѣ быть только столь щастливою, сколько я могу, когда сердце мое мнѣ запрещаетъ быть столь щастливою, сколько вы хотѣли сдѣлать меня!

Перепель Михайло Жуковъ.

II.

Сонъ Галилеецъ (*).

Галилей оказавши безсмертныя наукамъ услуги, препроводилъ наконецъ послѣднія и славою исполненныя лѣта свои
вѣ

(*) *Галилей* былъ два раза въ Римѣ подъ сѣдствіемъ Святаго суда, потому что онъ защищалъ

въ покоѣ въ *Арцетрѣ*, въ Княжествѣ *Тосканскомъ*. Онъ хотя уже лишился наиблагороднѣйшаго своего чувства, однако радовался веснѣ, отъ части ради возвратившагося соловья, и благовоніе испущающихъ цвѣтовъ; отъ части ради пріятнаго воспоминанія прежнихъ веселій, которыми нѣкогда услаждался.

Нѣкогда въ послѣднюю для него весну, велѣлъ онъ *Випіану*, младшему и благодарнѣйшему своему ученику, вести себя въ поле около *Арцетры*. Онъ примѣтя, что въ разсужденіи слабости силъ своихъ весьма далеко отошелъ, просилъ въ шуткахъ вождя своего, чтобъ
не

Систему *Коперникоу*, которая, казалось, прошиворѣчила священному писанію. Во второй разъ сидѣлъ онъ долго въ заключеніи и въ великой неизвѣстности о своей участи; наконецъ его выпустили съ шѣмъ договоромъ, чтобъ ему не выѣзжать изъ Великаго Княжества *Тосканскаго*. Важнѣйшія Астрономическія его открытія сдѣланныя отъ части имъ однимъ, а отъ части другими, суть шѣ, о коихъ упоминается въ семъ снѣ. Онъ жилъ послѣ послѣдняго своего въ темницу заключенія въ загородномъ своемъ домѣ, въ *Арцетрѣ*, ослѣпъ и въ послѣднихъ своихъ лѣтахъ даже до смерти пользовался обхожденіемъ *Випіани*, которой послѣ того написалъ его жизнь и никогда иначе не подписывался какъ съ прибавленіемъ: *Ученикъ Галилея*: кажется что по симъ малымъ примѣчаніямъ въ сдѣдующемъ сочиненіи ничего шемнаго не оспашся.

не выводилъ его за Тосканскія границы. Ты знаешь, сказалъ онъ, что я принужденъ былъ обѣщать Святому суду. *Випіани* посадилъ его для отдохновенія на нѣкоторое возвышенное мѣсто; гдѣ сидя близко къ цвѣтамъ и правамъ подобно въ облакѣ благовоенія, вспомнилъ онъ о превеликомъ желаніи вольности, которая его въ Римѣ, во время наступающей весны удручала. Онъ лишъ только хотѣлъ послѣднія капли досады излить на лютыхъ своихъ гонителей, какъ вдругъ остановился, и самъ себя укорилъ сими словами: духъ *Коперника* прогнѣвается.

Випіани, не знавши еще ничего о снѣ, на которой *Галилей* ссылался, просилъ его о изъясненіи сихъ словъ. Но старецъ почувствовавъ, что вечеръ былъ холоденъ и сыръ для слабыхъ его жилъ, хотѣлъ назадъ возвратиться прежде обьясненія ему онаго.

Ты знаешь, началъ онъ по краткомъ отдохновеніи, сколь жестока была судьба моя въ Римѣ, и сколь медлилось мое освобожденіе. Я увидя, что самыя надежнѣйшія обѣщанія моихъ покровителей, *Медициссець*, и самой отзвѣвъ мой, на которой я полагался, остались безъ дѣйствія, повергся нѣкогда на мой одрѣ, исполненъ будучи огорчи-

огорчительными разсужденіями о судьбѣ моей, и внутреннимъ возмущеніемъ прошиву промысла. — Коль непорочна, возопилъ я, была жизнь швоя; сколько ты можешь назадъ пролѣтѣть мыслями; съ какою трудностію, ревнуя о своей должності, шествовалъ ты по заблуждающимъ стезямъ ложныя мудрости для сысканія свѣта, котораго ты не могъ найти. Какъ прилагалъ ты всѣ силы своей души для достиженія истинны, и для побѣжденія застарѣлыхъ сильныхъ предразсужденій, дорогу тебѣ пресѣкавшихъ! бывши скупъ для самого себя, коль часто убѣгалъ ты обѣда, котораго тебѣ хотѣлось, и отнималъ отъ устъ своихъ чашу съ пишіемъ, чтобъ не быть вялымъ въ упражненіяхъ душевныхъ! сколько ты скупился на часы сна, для посвященія ихъ мудрости. Коль часто, когда все лежало около тебя въ безпечномъ покоѣ, и укрѣпляло удрученное тѣло для новыхъ роскошей; коль часто ты дрожалъ отъ спужи, дабы разсмотрѣть чудеса шверди! или въ темныя облаками покрытыя ночи бдѣлъ при освѣщеніи лампы, дабы возвѣстить славу Божію, и просвѣтить людей! — Несчастный! какіе же плоды швоихъ трудовъ? какую пользу имѣешь ты отъ

всего прославленія Творца своего и всего просвѣщенія челоѳчества? — Печаль о своей судьбѣ иссушаетъ соки въ твоихъ очахъ; они у тебя ежедневно становятся слабѣе, сіи вѣрнѣйшіе помощники души; сіи слезы, коихъ ты удержишь не можешь, уже скоро погасятъ на вѣки скудный оныхъ свѣтъ.

Такъ вѣщалъ я самъ къ себѣ, Виѳіани, и потомъ бросилъ взоръ исполненный злобы противу моихъ гонителей. — Сіи недостойные, вскричалъ я, скрывающіе свое безуміе подъ тайными образовательными рѣчьми, и прикрывающіе свои пороки доспопочтенными одѣянїями, освящающіе свое невѣжество для роскошнаго спокойствїя своего лѣнності Божїими изреченїями, и яростно низлагающіе мудраго, поднимающаго свѣтильникъ истинны, дабы свѣтъ его не обезпокоивалъ ихъ въ сластолюбивомъ ихъ дреманїи; сіи подлые, дѣйствующіе только ради своего сластолюбїя къ гибели свѣта, какъ насмѣхаются въ своихъ черпогахъ надъ печалю! какъ наслаждаются они жизнью въ непрерывной невоздержности! какъ похищили они все у достоинства, даже и священнѣйшее его сокровище, честь! съ какою набожностію повергается предъ ними народъ, у котораго они похищаютъ

юшѣ плодѣ нивѣ его, и приготавливаюшѣ себѣ радостныя пиршества изѣ шука пажити его и изѣ соку гроздіи его. — И ты, несчастный! которой только жилѣ для Бога и званія своего, которой никогда не поработалѣ себя никакой спраси своея души, кромѣ самыя чистѣйшія и священнѣйшія для истинны, которой, яко лучшій священнослужитель Божій, открылѣ чудеса его въ системѣ свѣта, чудеса его въ самомѣ несѣкомомѣ; долженѣ ли ты днесь лишиться того единого, чего ты смертельно желаешь? единого, дарованнаго самымѣ звѣрямѣ лѣснымѣ и пшамѣ воздушнымѣ, — вольности! Какое око бдитѣ надѣ судьбою человѣческою? Какая праведная безпристрастная рука раздѣляетѣ благія жизни? недостойнаго допускаетѣ она похищать все, а достойнаго лишаетѣ всего! — Я продолжалѣ свои жалобы до тѣхѣ порѣ, пока я заснулѣ; и топчасѣ представилось мнѣ, будто бы нѣкій почтенный старецѣ приступилѣ къ постелѣ моей. Онѣ стоялѣ и разсматривалѣ меня съ молчаливымѣ благопріятствомѣ, между тѣмѣ какѣ око мое устремилось на размышляющее его чело, и на сѣдые власы главы его: — *Галилей!* сказалѣ онѣ наконецѣ, за что ты теперь

страждешь? ты страдаешь за истинну, которой я обучалъ тебя, и самое по сѹевѣріе тебя гонящее, утѣснило бы и меня, естли бы не спасся я смертію въ вѣчную вольность. — Ты *Коперникъ*, вскричалъ я, и заключилъ его въ мои объятія прежде его отвѣта на слова мои. — О коль пріятно, *Випіани*, родство крови, установленное самою природою; но сколь еще сладчае родство души! Коль дороже и искреннѣе самаго союза брагскія любви союзы истинны! СѢ какимъ блаженнымъ предчувствованіемъ разпросерпаго округа дѣйствія, возвышенныя душевныя силы свободнаго сообщенія всѣхъ сокровищъ познанія, поспѣшаютъ на встрѣчу другу, восходящему подъ рукою мудрости!

Зри! говорилъ старецъ по повторнымъ взаимнымъ объятіямъ, я опять принялъ сію обертку на себя, прежде меня покрывавшую, и хочу тебѣ еще теперь быть, чѣмъ я тебѣ впередъ буду — вождемъ твоимъ. Ибо тамъ, гдѣ освобожденный духъ не утомимо дѣйствуетъ, тамъ только покой замѣняетъ работу: собственное изслѣдованіе въ глубинѣ Божества мѣняется только съ наставленіемъ, подаваемымъ нами позднѣйшимъ потомкамъ на земли; и первый я, который нѣкогда поведу
душу

душу свою къ познанію безконечнаго. — Онъ повелъ меня за руку къ спустившемуся въ низъ облаку, и мы полетѣли въ неизмѣримое пространство неба. Я тамъ видѣлъ луну, *Випіани*, съ ея холмами и долинами; я видѣлъ созвѣдіе млечнаго пути, семизвѣдія и Оріона; я видѣлъ пятна солнечныя и луны, и Юпитера: все, что я прежде видѣлъ здѣсь въ низу, то видѣлъ я тамъ лучше безъ зрительной трубы, и шествовалъ между моими изобрѣшеніями по небу, исполненъ восхищенія, яко челоѣколюбецъ странствуетъ между своими благодѣяніями. Каждый здѣсь въ работѣ и трудѣ препровожденный часъ изобиловалъ тамъ благополучіемъ, невкушаемымъ пѣмъ, который не украшенъ знаніями, дабы вступить въ пошъ свѣтъ. И для того не перестану я никогда, *Випіани*, ниже въ сей дрожащей старости изыскивать истинну; ибо кто искалъ ея здѣсь, у того, куда только ни обратитъ взоръ свой, процвѣшетъ тамо радость, изъ cadaго утвержденного познанія, изъ всякаго уничтоженного сумнѣнія, изъ всякія открытыя тайны, изъ всякаго исчезающаго заблужденія. — Вотъ! я все то ощущалъ въ оныхъ минушахъ восхищенія; но сіе единое, мною ощущенное, оста-

лось мнѣ : ибо чрезмѣрно отягощенная душа моя потеряла каждое частное благополучіе въ морѣ ихъ всѣхъ.

Какъ смотрѣлъ я такимъ образомъ и удивлялся, и перялся въ величествѣ, все сіе всемогущею премудростію сотворившаго, и вѣчнодѣйствующею своею любовію носящаго, и содержащаго, то возвысилъ меня разговоръ вождя моего къ вышшимъ еще понятіямъ. — Предѣлы твоихъ чувствъ, говорилъ онъ, не составляютъ предѣловъ міра, хотя тѣма солнцевъ изъ непоспимыя отдаленности къ тебѣ блискаетъ; многія тысячи свѣтятъ еще непримѣтно взору твоему въ неограниченномъ Эфирѣ: и каждое свѣтило, такъ какъ каждый его окружающій кругъ, населенъ чувствующими существами и душами размышляющими; гдѣ только могли быть пупи, тамъ обращаются міры, и гдѣ существа могли только почувствовать себя щасливыми, тамъ пребываютъ они! Ни одна пядень не осталась во всей неизмѣримости безконечнаго, гдѣ бы бережливый Творецъ не насадилъ жизни или удобнаго вещества для оной: и во всемъ семъ безчисленномъ различіи существъ царствуетъ даже до самыхъ малѣйшихъ солнечныхъ пылинки непрерывный порядокъ, вѣчные законы успроеваютъ все отъ неба до неба,

неба, отъ солнца до солнца, и отъ земли до земли въ восхищительномъ согласіи: матерія къ разсужденію безсмертному мудрецу во вѣки вѣковъ непоспѣжима, и источникъ блаженствъ его неизчерпаемый. — Однако, *Галилей*, для чего я уже теперь сказываю тебѣ сіе? Ибо сихъ блаженствъ не понимаетъ духъ, который приверженъ къ лѣнивому поварищу; онъ не успѣваетъ болѣе въ работѣ своей, какъ сколько спутникъ его снесетъ, и который чувствуетъ уже себя поверженнымъ въ пыль, какъ только начнетъ онъ подниматься!

Онъ не хочетъ ихъ понять, вскричалъ я, сихъ блаженствъ по всему ихъ Божественному изобилію; но онъ вѣрно ихъ знаетъ, *Коперникъ*, по свойству и существу ихъ. Ибо какихъ радостей не причиняетъ мудрость уже въ сей земной жизни! какого удовольствія не чувствуетъ уже духъ въ сихъ смертныхъ членахъ, когда только начинаетъ разсвѣпать въ мрачной сумнительности его понятій, и малое сіяніе мало по малу распространяется, пока полной взойдетъ свѣтъ познанія, показывающій возхищенному взору спраны исполненныя безконечною красою! — Воспомни ты, который самъ проникнулъ столь глубоко въ тайны Божія, и открылъ начер-

таніе творенія его; вспомни о томъ мгновеніи ока, какъ первая отважная мысль возродилась въ тебѣ и всѣ силы души твоея радостно приступили понять, изобразить и учредить оную; вспомни, какъ все совершилось въ преславномъ согласіи, съ какою восхищенною любовію ты возвѣлъ еще единожды на изящное твореніе души твоея, и ощущалъ подобіе твое съ безконечнымъ, котораго мысли ты изслѣдывалъ! О конечно, вождь мой! и здѣсь въ низу мудрость изобилуетъ въ небесныхъ радостяхъ; и естли бы она ихъ не имѣла, то для чего же взирать намъ изъ ея нѣдра столь спокойно на всю суешность мірскую?

Облако, носившее насъ, уклонилось паки къ землѣ, и спустилось, какъ мнѣ казалось, на нѣкоторый холмъ предъ Римомъ. Столица свѣта лежала предъ нами; но исполненъ глубокимъ презрѣніемъ, простеръ я къ ней руку съ высоты, и сказалъ: пусть кичатся гордые жители сихъ чертоговъ! поколику багряницею облечены ихъ члены, и золото и серебро на ихъ столахъ представляетъ наидрагоцѣннѣйшее, которое приноситъ Европа и Индія; но какъ орелъ смотритъ на гусеницу въ шедковичномъ пряденіи, такъ мудрецъ

взираешъ на сихъ скудоумныхъ ; ибо они невольники своя души , которые не могутъ оставить листа , къ которому они прилѣплены ; между тѣмъ какъ свободный мудрецъ всходитъ на свою высоту и разсмаприваетъ свѣтъ , или паритъ на крылѣхъ размышленія къ Богу , и шествуетъ между звѣздами .

Между тѣмъ , какъ я говорилъ такъ , *Vipiani* , по чело моего вождя покрывалось торжественною важностію ; дружеская его рука опустилась съ моихъ плечъ , и око его грознымъ пронзило взоромъ внутренность моя души . — Недостойный ! возопилъ онъ , такъ ужѣ вкушалъ ты на земли сіи небесныя радости ? прославлялъ имя твое предъ мудрецами народовъ ? возвысилъ всѣ душевныя силы твои , что онъ скоро во вѣки вѣковъ будетъ дѣйствовать сильнѣе въ познаніи истинны : и теперъ Богъ удостоиваетъ тебя претерпѣть гоненіе , теперъ мудрость твоя должна тебѣ быть заслугою , и сердце твое украсится добродѣтелію , яко духъ твой познаніемъ : днесъ на поминаніе благаго истреблено до основанія , и душа твоя возмущается противу Бога ! — При семъ словѣ пробудился я отъ сна своего , увидѣлъ себя со всего небеснаго блаженства паки свергнута въ уединен-

ную свою темницу, и омочилъ ручьями слезъ постелю мою. Потомъ возвысилъ я взоръ свой чрезъ мракъ ночной, и говорилъ: о Боже исполненный любви! хулило ли ничтожество ошъ тебя существующее твои пупи? Персть побую одушевленная, не поставила ли то въ заслуги свои, что было даромъ твоего милосердія? Недостойный, котораго ты пипалъ въ своемъ нбдрѣ, при своихъ перьяхъ, которому подносилъ ты собственную свою чашу блаженства, не позабылъ ли онъ твое милосердіе и свои преимущества? — Помрачи очи его слѣпопою! да не услышитъ онъ больше никогда гласа дружбы! пусть онъ сѣдѣетъ въ темницѣ. Послушнымъ духомъ долженъ онъ сіе сносить, будучи благодаренъ за воспоминаніе радостей, коими онъ наслаждался, и блаженъ въ ожиданіи грядущаго.

Випіани, я изліялъ всю душу мою въ сей молитвѣ; но Богъ сотворшій меня для шолікихъ блаженствъ не внималъ роптанію недовольнаго, не услышалъ охотную жертву благодарнаго; ибо, смотри! я обитаю здѣсь свободенъ въ *Арцетрѣ*, и только сего дня другъ мой водилъ меня по средѣ весеннихъ цвѣтовъ.

Онъ ухватилъ за руку ученика своего, дабы пожать ее въ знакъ благодарности;

носпи; но *Видіани* взялъ и привелъ ее почтенно къ своимъ устамъ.

Перепелъ Михайло Жукопъ.

III.

*Покаяніе Христiянки при солнечномъ по-
сходѣ.*

Ужѣ явилося небесное свѣшило,
Прогнало тѣни ночь и свѣсомъ озарило,
И нову жизнь даритъ намъ щедро Божество,
Пишаешъ, грѣешъ насъ Всесильно Существо;
Намъ каждый мигъ Оно щедроты изливаешъ,
Ко благу вѣчному насъ Богъ приготавлиаешъ,
Являя каждый день намъ новы чудеса,
Готовъ для насъ отверсть врата на Небеса.
Какъ любящій Отецъ, такъ чадъ онъ призываетъ,
Пріемлетъ въ свой покровъ, вины всѣмъ опущаешъ,
Колико къ намъ еще Творецъ нашъ милосердъ!
Но Боже! Ты въ своемъ намѣреніи швердъ,
Даруя намъ живопъ, во всемъ намъ далъ свободу:
Все сдѣлалъ, Творче Ты, къ блаженству смертныхъ
(роду:

Угодно чшо Тебѣ, на то законы далъ:
Но волей хочешъ Ты, чшобъ онъ ихъ исполнялъ.
Ты хочешъ насъ спасши, намъ помощь подавая,
По милосердію къ Себѣ насъ призывая:
Но мы не чувствуемъ щедроты Твоея,
Всѣ вержемся въ напашъ, ввергаюся и я.
Се завѣса съ очесъ моихъ шеперь низпала,
Не тѣмой окружена, я новымъ свѣсомъ спала,
У края пропащи стоящу зрю себя:
О Творче! познаю, прогнѣвала Тебя:
Какое чувствую въ душѣ я волнованье!
Ахъ! смѣю ли имѣшь еще я упованье:

Увы! мнѣ плѣнная жизнь была сія мила?
 Мои въ ней вижу я всѣ прежнія дѣла.
 Въ ней зрю соблазнами себя я окруженну
 Не къ поправленію, къ порокамъ пригвожденну,
 И волю данную мнѣ Боже отъ Тебя,
 Во зло употребляю спараюсь для себя;
 Искала въ жизни сей, не въ вѣчности блаженства,
 Тобой мнѣ даннаго, о Творче! совершенства
 Не щдилась чувствовать, не мнила сохранишь,
 И не спрашила Тебя я прогнѣвашь.
 Ахъ! есмь ли бы Тебя, о Боже! я любила,
 И волю бы Твою во всемъ я сохранила,
 Колико бы себѣ я благъ приобрѣла;
 Но я законъ и долгъ и все пренебрегла;
 Я вѣдала Творца вселенныя утѣды,
 Не ихъ хранила я, искала плѣнной славы,
 И Искупителя пролишу кровь за насъ,
 Не чувствовала я по сей, о Боже! часъ;
 Достойналь Твоего, о Творче! я вниманья,
 Какія принесу Тебѣ я оправданья:
 Откогда по чернну оправду я себѣ,
 Шага не сдѣлала угоднаго Тебѣ?
 На по ли жизнь мнѣ далъ, на по ли я родилась,
 Чтобъ къ плѣнной суешъ я съзна прилѣпилась,
 Чтобы забышь мой долгъ и прогнѣвляшь Тебя,
 И волею вовлечь во пропасть мнѣ себя?
 На по ли разумъ далъ, на по ли просвѣщенье,
 Чтобъ я отпринула Твое благоволенье,
 Порокамъ предалась, ввергалася во мракъ?
 Хладѣешъ кровь моя и мой блѣднѣешъ зракъ,
 Языкъ нѣмѣешъ мой и члены каменѣюшъ,
 Смерть носу вознесла, всѣ чувства леденѣюшъ.
 Но Искупителя еще я вижу кровь,
 О Боже! пролилъ онъ ко грѣшнымъ за любовь,
 И въ сердцѣ пренешъ мой мнѣ благо предвѣщаетъ;
 Мнѣ мнишя, что Христосъ мнѣ пако возвѣщаетъ;
 Воспанъ, воспанъ, и виждь Мою къ тебѣ любовь,
 Взгляни на раны ты и зри текущу кровь,
 Се пролилъ Я за васъ, какъ чадъ Своихъ жалѣя,
 Вамъ блага получишь Я вѣчнаго радѣя,
 Низшелъ на землю, смерть и гореснь Я вкусишь,
 Ходашасмъ хошу къ Творцу за васъ Я бышь,

Да смертію Моей вы жизнью насладитесь,
 Спранданіемъ Моимъ съ Творцомъ соединитесь.
 Возлюбите Отца, какъ Я люблю Его:
 Во сердцѣ Я у васъ, вы будьте у Него,
 Да приметъ Онъ отъ васъ раскаянне сердечно,
 Да не лишитесь Его блажества вѣчно.
 Невѣдомое мнѣ сердечное движенне,
 Даетъ почувствовать души успокоенне,
 И новой силою мой разумъ ободря,
 Надежду возложитъ великъ мнѣ на Царя;
 Мнѣ помощь въ жизни сей Спаситель обѣщаетъ,
 На покаянне меня Онъ призываетъ,
 Да не лишуся я небснаго вѣнца
 И благомъ услаждусь по смерти отъ Творца.

IV.

*Рѣчь перпянадесять, о щедрости. Чи-
 танная въ нѣкоторомъ Христіянскомъ
 обществѣ.*

Въ семъ словѣ намѣренъ я говорить
 о первѣйшемъ свойствѣ характира Хри-
 стіанина: то есть о щедрости.

Я не хочу упоминашь о нынѣшнемъ
 заблужденіи, слѣдуя которому подають
 всѣмъ просящимъ милостыню безъ раз-
 бору, не разсуждая о дѣйствительныхъ
 недостаткахъ, или о дѣйствительныхъ
 достоинствахъ ихъ. Такимъ образомъ
 лицемѣры и мошенники вѣдаютъ часто
 хлѣбъ, который бы долженъ былъ пи-
 тать добродѣтель въ несчастіи находя-
 щуюся. Се ложный характеръ щедро-
 сти,

сти, и весьма часто симъ образомъ во зло она употребляется. Хотя благодѣянiя, милосердiя и соболѣзнованiя и раздаются съ желанiемъ искреннимъ, надлежитъ однакожъ распорядить ихъ съ размышленiемъ.

У древнихъ было обыкновенiе добродѣтель *щедрости* изображать въ видѣ богини, сидящей на костяномъ стулѣ, имѣющей на главѣ златое убранство, украшенное драгими камнями; одежда ея цвѣтомъ подобная свѣту небесному, извѣяляла всеобщее благоволенiе; престолъ ея не былъ оскверненъ ни страстями, ни предразсудками, а камни въ діадимѣ ея означали неоцѣненные благословенiя, которыя въ толикомъ множествѣ отъ милосердiя ея произтекали.

Харитъ или *Граций* также представляли они въ трехъ лицахъ: одна изъ нихъ изображена была отворачившеюся отъ насъ, какъ будто бы прочь отъ насъ уходила; а другiя двѣ съ лицомъ на насъ обращеннымъ, для показанiя, что за сдѣланное благодѣянiе получимъ сугубую благодарность. Ихъ изображали нагими, дабы означить, что услуги должны быть оказываемы безъ прищвору и ласкашельства; юными, для знака, что воспоминанiе благодѣянiй никогда со-
ста-

старѣшья не долженствуютъ; смѣюшимся, для наставленія, чтобъ мы дѣлали добро съ радостію и охотою; а рука въ руку держацимися, для напоминовенія, что милосердіе пребуетъ другаго милосердія, и что узелъ и союзъ любви суть не рѣшимы. Стихотворцы повѣспвуютъ намъ, что они имѣли обыкновеніе мыться въ источникъ Ацидаліи: ибо благодѣянія, дары и услуги, должны быть чисты и ясны, а не грязны, низки и обезображены.

Въ писаніяхъ нравоучителей *щедрость* опредѣляется любовію нашей братіи, или нѣкоторымъ родомъ взаимной склонности брашской. Правило и мѣра, по коимъ способность сія между Христіянами долженствуетъ быть разсмаприваема и учреждаема, есть любовь, которую имѣемъ сами къ себѣ, или которую изъявилъ намъ Ходашай нашъ; то есть, она должна быть непришворна, поспоянна, и изъ одинаго намѣренія способствовать щастію ближняго.

Вотъ всеобщее мнѣніе, которое древніе имѣли о добродѣтели сей, и потъ образъ, коимъ новые нравоучители и Христіяне временъ нашихъ оную изъясняютъ. Показать въ какомъ смыслѣ *щедрость* должна быть принимаема между нами, есть

есть пеперешняя цѣль моя, поелику она собственному обществу нашему назначена. (*)

Понеже такъ она назначена, то идучи каваломъ симъ и не подвергаемъ себя опасности обмануться ложными требованіями, и увѣрены въ надлежащемъ и достойномъ управленіи ею. И такъ мы можемъ надѣяться, что она находится у насъ безъ прищворства и ласкательства, но въ искренности и справедливости обихаетъ; что полученныя благодѣянія внушаютъ въ души наши чувствительный степенъ благодарности и склонности, потому что благодѣянія сіи удѣляются съ радостию, не зная хладныхъ руки принужденія. Благодѣяніе общества нашего долженствуемъ быть столь взаимное и братское, что каж-

ДЫЙ

(*) Правила, которыя единыя каждаго Кандидата при принятіи его въ общество наше сопровождаютъ долженствуютъ, предсавлены въ слѣдующемъ псалмѣ съ великимъ чувствованіемъ: псаломъ 14., „Господи! кто обихаетъ въ жилищѣ швоемъ? кто вселился во Свяшую гору Твою? — Ходй непороченъ, и дѣлай правду, глаголай истину въ оердцѣ швоемъ! иже не ульши языкомъ своимъ и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя! уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуй, боящіяжеса Господа славилъ; кленный искреннему своему и не опметаяся; сребра своего не даде въ лихву, и мзды на неповинныхъ не пріятъ! швориай сіа не подвижишя во вѣкъ.

дый долженъ стремиться оказывать услуги свои, столь же охотно, какъ онъ принимаетъ ихъ желаетъ. (*)

Чтобы исполнять добродѣтель сію, въ лицѣ нашего Сочлена, и въ общежитіи, такъ какъ согласуется онъ съ сими правилами, надлежитъ забыть всѣ обязанности,

(*) Упохреблять во зло благодѣніе хуже нежели не получать никакого; послѣднее есть погрѣшность другаго, а первая моя собственная. Заблужденія Дашеля извиняетъ часто неблагодарность пріемлющаго; ибо худо оказанное милосердіе скорѣе назваться можетъ разпоченіемъ, нежели благодѣніемъ. Услуги безъ размышленія есть поноснѣйшая пошеря. Мужъ мною избираемый, долженъ быть, честенъ, искрененъ, признашеленъ, благодаренъ, умѣренъ, добросердеченъ, не жаденъ, и не подломыслящъ; обязавъ себѣ человека сего, хотя бы и не былъ онъ въ состояніи когда нибудь возвратить данное ему; но достигъ я намѣренія моего. Еслии мы даемъ единственно для того, что бы получать, то теряемъ наилучшіе предметы для щедрости нашея: мы не даемъ на всегда оупшесствующему, безъ надежды болящему, или въ то время, когда сами недоспашокъ чувствуемъ. — Вотъ правило: надлежитъ давать такимъ образомъ, какъ бы намъ получить хотѣлось, то есть съ радостію, скоро и безъ сомнѣнія. Нѣтъ услуги при такомъ благодѣніи, которое съ затрудненіемъ оказывается. Благодѣніе долженствуетъ быть оказано всякимъ образомъ пріятно, дабы получающій оное никогда не забывалъ его, и съ удовольствіемъ содержалъ его въ памяти своей. — Надлежитъ почитать не цѣну подарка, но добродѣтельную душу; что дается съ гордостію и хвасповствомъ, то бываетъ болѣе славолубіе, нежели благость..

Сенека о благодѣніяхъ.

ности, исключая склонности; а безъ того щедрость смѣшена будетъ съ должностію. Сердечныя чувствованія должны управлять рукою щедрости. И такъ всякую мысль о преимуществѣ своемъ должно опбросить, почитая себя къ той же степени, и къ тому же роду человѣческому принадлежащими. Въ такомъ положеніи души нашей бываемъ способны къ принятію тѣхъ чувствованій, чрезъ копорыя щедрость дѣлается пріятною, но есть болѣзнь и бѣдствія ближняго ощущаемъ мы съ дѣйствительною и истинною симпатією души нашей. *Соболѣзнованіе* по произхожденію своему есть небесное, первая характерическая черта человѣчества; свойственно роду нашему, и отъ всѣхъ прочихъ твореній насъ отличаетъ. (*)

Чья

(*) Къ Коринѣяномъ первое посланіе. гл. 13 „Аще языки человѣческими глаголю и Ангельскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звѣняща или кимвалъ звяцай. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преспаляши, — любве же не имамъ, ни что же есмь. И аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ шѣло мое воеже сжещи е, любви же не имамъ, кая польза ми есть. Любы долгошерпшъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ, любы не превозносятся, не гордится, ни безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ,

Чья грудь зашворена для соболѣзнова-
нія, то пѣсть варварѣ, нравы его должны
быть грубые, духъ омраченъ и строп-
тивъ, а страсти его, яко звѣри лѣсныя.

Какой эго долженъ быть человекъ,
который бывъ во изобиліи, и богатство
въ рукахъ своихъ имѣя, можетъ видѣть
страждущую добродѣтель, и достоин-
ство въ бѣдности пребывающее? Не про-
ліетъ слезы, взирая на оставленное и без-
помощное состояніе *долицы*, воспи-
танной въ объятіяхъ нѣжной матери,
не зная трудовъ, не вкушая никакой ну-
жды, и не бывъ въ юности своей ко не-
щастію пріуготовлена; которой душа
была столь чиста, какъ самая невинность,
и исполнена чести; разумъ ея приве-
денъ въ совершенство науками подъ при-
смотромъ рачительнѣйшаго родителя;

Часть III. мѣс. Окт. И юность

нѣ, вся любитъ всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ,
вся терпитъ. Любы николиже опадаютъ. Аще же
пророчесвія упразднятся; аще ли языцы умо-
кнутъ: аще разумъ испразднился. Отъ части бо
разумѣваемъ и отъ части пророчествуемъ. Егда же
пріидетъ совершенное, тогда, еже отъ части,
упразднился. Егда бѣхъ младенецъ, яко млади-
нецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствовавъ,
яко младенецъ смысляхъ; егдаже бѣхъ мужъ,
опровергохъ младенческая. Видимъ убо нынѣ якоже
зерцаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ нѣ лицу:
нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю,
якоже и познанъ бѣхъ. Нынѣ же пребываюмъ вѣра,
надежда, любы, шри сія; болши же сихъ любы.

юность ея, необучавшаяся въ училищѣ спраданія, ласкалася надеждою дней исполненныхъ щастія и изобилія; — а нынѣ жестокимъ несчастіемъ, вътрами и волнами носима, со умирающимъ супругомъ своимъ совершенное разрушеніе и бѣдность претерпѣваетъ, лишена спокойствія и радости; ложе спокойствія ея премѣнилось жребіемъ на сырую кучу навозную, на которой ищетъ она утѣшенія въ усталости своей и болѣзняхъ; исхудала отъ нужды, и спраданіемъ нездоровою учинилась; на грудяхъ ея лежитъ голодный младенецъ ея, который для сохраненія своего, высасываетъ послѣдніе соки жизненные родительницы своей, предлагаемые ему любовію матернею, — она даетъ бытіе свое для услажденія младенца сего. Жестокосердая скупость, и ты гордое любочестіе! можете ли вы взирать на позорище сіе глазами слезою неомоченными? Можетъ ли корыстолюбіе спремиться къ деньгамъ, которыя поликую добродѣтель сохранить были бы въ состояніи? Можетъ ли знатное состояніе взирать презрительнымъ окомъ на таковыя явленія въ жизни человѣческой, на таковую бѣдность, претерпѣваемую такими же человѣками. Слышите ли вы гласъ несчастныхъ и бѣдныхъ вдовицъ жалобы произнося-

носящихъ, когда упомянено *терпѣніе* и уступчивая *преданность* выжимаетъ воздыханія, а скромность чтитъ прошенія ихъ; скажите богатые, уже ли воздыханіе сіе, уже ли спенаніе такое не жалостнѣе уху вашему, нежели ласкательствующее исканіе изгибающагося мошенника, которое прогааетъ щеславіе ваше, и глупостямъ вашимъ угождаетъ, и такимъ образомъ гнусную часть щедрости у слабости вашей изпоргаетъ? — Можетъ быть близокъ уже часъ жребія, въ которой несчастный пребудетъ утѣшенія, для окончанія послѣднихъ мгновеньей жизни. Можетъ ли человекъ упившійся радостію, видя таковое позорище горести, поспѣшатъ стремленіемъ колесъ колесницы своея, и нечувствовать соболѣзнованія? взирать безъ чувствительности на послѣднія содраганія и оцѣпенѣлыя очи, чрезъ которыя бѣдность въ чертахъ умирающаго святаго изображается? Если Ангели плачутъ на небесахъ, то плачутъ они о таковыхъ есть ли знаемо ими презрѣніе, то чувствуютъ они его къ богачамъ, которые не удѣляютъ отъ изобилія своего, и не отбемлютъ у пороковъ своихъ того, чѣмъ бы могли утѣшить души въ бѣдствія земныхъ несчастій погруженные. Но на исполненіе такого благодѣянія, которое

составляетъ свойства добраго Самарянина, и сами Херувимы взираютъ со удовольствіемъ. Святые играютъ на властныхъ арфахъ своихъ, дабы въ селеніяхъ блаженства воспѣть прекрасную повѣсть о *человѣчествѣ*; благоволеніе сіяетъ въ Божественномъ лицѣ *Вездѣсущаго*, когда человѣкъ въ исполненіи добродѣтели сей упражняется.

Какъ же назвать того злодѣя, которой съ размышляющею жестокостію и корыстолобіемъ вымышляетъ нещастіе для ближняго своего, будучи увѣренъ въ сердцѣ своемъ о его честности; видя сколь онъ рачительно каждый день работаетъ въ попѣ лица своего, и съ утомленными членами и съ веселіемъ о хлѣбѣ своемъ печется; — отъ работы его должны получать пропитаніе, любви и добродѣтели исполненная жена, и здравыя дѣти, съ босыми ногами вокругъ малочисленнаго стада его сидящія; — видя, что онъ болѣе, нежели съ человѣческою честностію, беретъ токмо то, что принадлежитъ ему по совѣсти его, и никому ради гладу и бѣдности своей никакой несправедливости не оказываетъ; что онъ съ утомленнымъ желаніемъ продолжаетъ работу прилѣжанія своего, отъ утра до вечера не умаляя жару своего; ра-
ботая

бошая поетъ, дабы обмануть болѣзнь свою, и горести исполненное попеченіе свое укротить надеждою, что усталость его награждена будетъ радостію изъясляемою сердцемъ жены и улыбкою ядущихъ малыхъ дѣтей его? — Какой долженъ быть человекъ сей, которой видя мужа сего огнемъ и водою всего пропитанія лишена, жилище дѣтей его разоренное, и ничего болѣе неимѣюща, кромѣ слезъ и наготы; который видя сіе, говорю я, не подастъ ему никакія помощи? Безъ сомнѣнія не много въ природѣ таковыхъ злодѣевъ! но еслии есть таковые, то безъ всякой тщешной дерзости воскликнуть можно: се суть подобные проклятому Каину, имѣющіе знаки на челѣ своемъ, и лишены милости Божіей, они оставляются на землѣ, дабы провождашь жизнь наказанія.

Предметы истинныя щедрости суть *достоинства и добродѣтели*, во нещастіи находящіяся; люди которые не могутъ избавиться нещастія своего, ибо въ старости ихъ уже имѣ приключилось; прудолюбивые люди неизбѣжимыми обстоятельствомъ и пущами провидѣнія въ погибель погруженные; вдовы прежившія мужей своихъ, которыхъ работою они питались; сироты, которые въ нѣ-

жной юности нагіе во свѣтѣ оста-
лись.

Требованія таковыхъ можно ли сра-
внять съ требованіями безбожниковъ съ
наглостію двери каждаго обиталища
осаждающихъ ; злодѣевъ скипающихъ
изъ жилища своего , показывая прелом-
ленные члены свои и язвы для возбу-
жденія жалости ; которые по полученіи
сего подаянія , въ сообществѣ воровъ и
разбойниковъ , провождаютъ въ пьянствѣ
часы ноши , сокрывающей безбожіе ихъ
и пороки ?

Щедрость худо употребляемая пе-
рестѣ званіе свое ; и вмѣсто того ,
чтобы украшаться украшеніями добро-
дѣтели , пріемлетъ блескъ , звонъ и пе-
рїя глупости.

V.

Божіе Милосердіе.

Когда душа вся воспаряетъ
 Къ Тебѣ всемогущій Боже мой,
 И дивну благость созерцаетъ
 И пушь любви и славы Твой.
 Чудесъ сихъ въ безднѣ погружаюсь,
 Не зрю себя; совсѣмъ теряюсь!

Какое слово возгласитъ
 То теплое благодаренье,
 Тотъ огонь, что въ сердцѣ днесъ горитъ,
 Его вознесшій въ испуленье!
 Единъ Ты можешь зрѣши то!
 Нескрыто предъ Тобой ничто!

Твое о Отче, провидѣнье
 Тогда хранило жизнь мою,
 Грѣхи склоняя въ исправленье,
 Когда шемницу зря свою,
 Въ упробѣ матерней слѣплялся,
 И отъ сосецъ ея питался,

Еще я мысли не имѣлъ,
 Былъ слабъ вознесъ къ Тебѣ моленье;
 Но ты о Боже восхошѣлъ
 Нѣмое вняшь мое прошенье,
 Ко воплю ухо приклонилъ,
 И нужды всѣ предупредилъ.

Твоимъ нѣжнѣйшимъ попеченьемъ
 Ты силы многи мнѣ послалъ,
 И былъ душъ сей наставленьемъ,
 Хощь я въ младенчествѣ не зналъ
 Источника сей благодати,
 Тебя не зналъ я обожати.

На скольской юности спезѣ,
 Когда я шедши прешыкался,
 Вела рука Твоя вездѣ,
 И ею я препровождался.

Подѣ сѣбно крылѣ Твоихѣ Святыхѣ,
 До мужа вѣ возрастѣ достигѣ.

Сокрытымѣ страхомѣ и бѣдами,
 Ужасной смершною грозой,
 Порока лесными сѣпями,
 Опаснѣйшими смерши злой,

Мой путь по малу освѣщался,
 Я шествовалѣ, и научался.

Ты здравіе вновь возспавляялѣ,
 Когда болѣзнь лице мнѣ шмила,
 Когда вѣ грѣхахѣ я упопалѣ
 И злая скорбь мя бременила,

Елей мнѣ милоспи Ты дилѣ,
 И душу вновь живошворилѣ.

Рука Твоя преисполняла
 Мнѣ чашу отѣ земныхѣ благихѣ;
 Она щедропы низпослала

Во все печенье дней моихѣ,
 Обильемѣ благѣ Твоихѣ облекся,
 Какѣ другѣ мой обо мнѣ воспекся.

Я тѣмою шемѣ даровѣ швоихѣ
 Кѣ благодаренью возбуждаюсь;
 Послѣдній самый естѣ изѣ нихѣ
 То сердце, коемѣ услаждаюсь,

Довольное сѣи вкушашѣ
 И благоспѣ ихѣ вею ошущашѣ.

Доколѣ мой животъ продлился
 Во слѣдъ за милостью Твоей
 Мой будетъ духъ всегда носиться;
 И по кончинѣ жизни сей.

Я возвѣщу въ мірахъ дальнѣйшихъ,
 Коль славенъ Ты въ дѣлахъ свяшѣйшихъ!

Хотябъ напуры чинъ престалъ,
 И день и ночь здѣсь не явились,
 Глубокій мракъ вездѣ насталъ,
 Красы шворенья имъ покрылись:
 То и тогдабъ не премолчалъ,
 Тебя бѣ повсюду воспѣвалъ,

Сколь вѣчность есть ни безпредѣльна,
 Сквозь всю ея мой гласъ пронзихъ;
 И радость и любовь презельна
 Твои щедроты возгласихъ.
 Но гдѣ хвалы Твои вмѣстятся?
 И въ вѣчности они спѣняются!

VI.

Божіе Милосердіе.

Когда горѣ я возлешаю,
 Къ Тебѣ о Боже Всесвящій!
 И тамъ душою созерцаю,
 Сколь благости исполненъ Ты:
 То зрѣніемъ симъ восхищенный,
 Въ моихъ скудью словахъ;
 Теряюсь весь шѣмъ изумленный,
 Въ любви, во славѣ, въ чудесахъ.

Возможетъ ли изобразиши
 То человѣческой языкъ,
 И равной жаръ въ словахъ явиши,
 Чтобъ онъ поликожъ былъ великъ,
 Какимъ къ Творцу благодаренемъ
 Пылаетъ сердце все мое,
 Исполненное восхищенемъ?
 Единъ Ты Боже зришь сіе.

Твое предвѣчно провидѣнье,
 Тогда хранило жизнь мою,
 И исправляло прегрѣшенье,
 Когда въ плоть брѣнную сію
 Я начиная облекашся,
 Во чревѣ матери лежалъ;
 Когда не зналъ я чѣмъ пипашся,
 Сосцы ея мнѣ въ пищу далъ.

Когда нѣмы уста моленья
 Къ Тебѣ не знали возсылашь,
 И были слабы помышленья
 Тебя мои воображашь:
 То и къ рыданіямъ всеневнымъ,
 Что я младенцемъ испускалъ,
 Къ симъ жалобамъ моимъ плачевнымъ
 Свое Ты ухо приклонялъ.

Твои нѣжнѣйши попеченья,
 Во внутренность души моей
 Споль многи дали укрѣпленья,
 Что ихъ не счестъ мнѣ въ жизни сей.
 Велѣи имъ прежде обѣщати
 Въ сосавахъ немощныхъ моихъ;
 Когда не могъ еще я знаши
 Въ младенчествѣ источникъ ихъ.

Когда и скользкою спезею
 Я безразсудно юный шелъ;
 Тогда десницею своею
 Меня по ней Ты Боже велъ.
 Препровождая невреденна;
 И мнѣ вождемъ всегдашнимъ былъ,
 Когда до мужа совершенна
 Достигнушь мнѣ благовоилъ.

Сокрытымъ страхомъ злаго рока,
 И смертію, спремленьемъ бѣдъ,
 Прелестными сѣтьми порока,
 Что смерти злѣй наносятъ вредъ,
 Я пріучался освѣщати
 По нѣскольку пуши мои,
 На кои долженъ направляши
 Къ хожденію стопы свои.

Какъ смертоносна помрачала
 Души болѣзнь лице мое;
 Твоя мнѣ милость низсылала
 Тогда цѣленіе свое.
 Какъ грѣхъ и скорбь меня плѣнили,
 Я слабъ пропившись имъ былъ;
 Тогда мои душевны силы
 Ты благоспѣю живошворилъ.

Полна щедротами святыми
 Всесильная рука Твоя
 Преисполняла здѣсь благими
 Всю чашу жизни моея.
 Любви сей даръ твой богатѣйшій
 Я зрѣлъ въ печеніе свое;
 Ты умножалъ какъ другъ вѣрнѣйшій
 Призобиліе мое.

Когда на мя долгъ налагаютъ
 Безчисленны дары твои,
 Да благодарность возглашаютъ
 И день и ночь успа мои:
 То что за сердце мнѣ воздаши?
 Послѣдній самый даръ оно;
 Но все дары твои вкушаша
 Оно удобнымъ создано.

Доколѣ жизнь моя продлишя
 Вѣ плачевнѣйшей юдоли сей;
 То будетъ всюду вѣ слѣдѣ носимѣя
 Мой духъ за милостью швоей.
 Когдажъ и бранные составы
 Оляшь вѣ земной прахъ возвращу;
 Величіе швоей я славы
 Вѣ мірахъ далекихъ возвѣщу.

Естьли природа бышь престанешъ,
 Ея исчезнешъ бытіе;
 Когда и день и ночь не спанешъ
 Твореніе различашъ Твое:
 Не умолчу я возсылаши
 Благодареніе мое!
 И буду выну прословляши
 Я милосердіе швое.

Весь будущій вѣкъъ безконечный
 Вѣ помѣ только спану провождашь,
 Чтотбъ шя Создателю превѣчный
 Мнѣ непрестанно воспѣвашъ;
 Но лзя ль достойно восхвалиши?
 Вѣ неизмѣримости своей
 Не можешъ вѣчность вся вмѣстипиши
 О Господи! хвалы Твоей.

Которое изъ сихъ двухъ преложеній сдѣлано
 удачнѣе, о помѣ чинатели даши сами благоволяшъ
 сдѣлашъ заключеніе.

VII.

ПИСЬМО

СЕРЕНЫ КЪ СМІРНОНУ.

Когда ты примѣшилъ Смирнонъ тайную печаль на моемъ лицѣ, которую я долженствовала скрывать отъ тебя; когда ты разумѣлъ, что значили слезы въ твоемъ присутствіи по ланитамъ моимъ текущія; когда вздохи, сердцемъ моимъ изпущенные, не напрасно говорили: то ты долженъ быть предуготовленъ къ извѣстію, которое содержитъ сіе письмо. Я осмѣливаюсь писать къ тебѣ, и къ тому взять мое прибіжище, который причиняетъ все отчаяніе мое. Мнѣ не для чего сомнѣваться о великодушіи твоемъ; ячитаю тебя довольно благороднымъ, чтобъ быть въ состояніи жертвовать чѣмъ нибудь спокойствію несчастныя. Потеря не будетъ велика; но если сердце твое чтетъ ее больше нежели она есть; то вспомни, что всякая добродѣтель требуетъ преодоленія, и что всегда то хорошее дѣйствіе наилучшее, которое больше стоитъ сердцу нашему.

Можетъ быть слова сіи кажутся тебѣ тайною. — Ахъ! какъ я опасуюсь

говорить яснѣ! Но я должна: не лъзя больше скрывать тайны, которою сердце мое наполнено: время понуждаетъ меня. — Собственное пвое спокойствіе пребуешь, чтобъ я открыла сердце мое. — Я не могу, не хочу, и не смѣю обманывать тебя. — День приближается, которой долженъ учинить меня несчастною, и тебя со мною. Ахъ! Смирнонь, на добродѣтель котораго я всю свою полагаю надежду, къ великодушію котораго я единственно прибѣгаю; прости мнѣ, что я говорю!

Родители мои избрали тебя мнѣ въ такіе сотоварищи, съ которыми я должна кончить жизнь свою. Они радуются видѣть дочь свою щастливою, и поспѣшаютъ къ тому часу, которой долженъ насъ соединить на вѣки. Ты самъ мнѣ говоришь, что меня любишь, что считаешь себя щастливымъ, что тебѣ позволено меня любить. Я не знаю имѣлъ ли страхъ, чтобъ не оскорбить родителей моихъ, столь много силы надъ моимъ сердцемъ, чтобы оно удерживало свои чувствованія; или препящствовала тебѣ любовь твоя выразишь мое смущеніе и вздохи, которые не взирая на ужасное принужденіе, должною на меня наложенное, столь часто въ присутствіи твоемъ исторгались:

лись: однако я то знаю, что я тебѣ никогда не подавала надежды владѣть моимъ сердцемъ.

Конечно *Смирнонь*, ты любишь неблагодарную, я краснѣюсь, признаваясь въ ономъ; и стыжусь сама себя, что я высоко только цѣню и только почитаю, а не люблю человѣка съ своими добродѣтелями, и своими достоинствами! я хотѣла скрыть отъ самой себя слабость свою; я представляла себѣ все благополучіе, которымъ бы я могла наслаждаться, еслибы узы священныя соединили нашу жизнь; я представляла себѣ твои дарованія, заслуги, славу, достоинство и добродѣтели въ томъ сіяніи, какое они имѣютъ; я призывала въ помощь благодарность, щеславіе, самолюбіе и должности послушанія, которыми я обязана моимъ родителямъ, чтобъ побѣдить упорство моего сердца, и возбудить во мнѣ склонности, которыя бы могли наконецъ возпламѣниться отъ любви: но тщетно. Не можно упрямой любви возбудить доводами, ниже основать ее на разумѣ. Она не знаетъ никакихъ предписаній, и не подвергается никакимъ законамъ.

Можетъ быть, я никогда не стану любить; и почитать есть наивысочайшій степень, къ которому склонности
 МОИ

мои возвыситься въ состояніи. Можетъ быть небо вложило взаимную любовь въ оба сердца, устроенныя имъ къ согласному союзу. Они уже любяся, не зная еще другъ друга, и любовь ихъ исключаетъ каждой другой предметъ: на подобіе двухъ равно настроенныхъ струнъ, другъ другу только отвѣчающихъ, а при всякомъ другомъ голосѣ безмолвными бывающихъ.

Не спорь съ упорствѣнною любовію: всѣмъ, что можетъ меня пристыдить, я уже сама себя укоряла; естли ты знаешь, (и ты точно знаешь) естли ты знаешь, какую силу благодарность, должность къ родителямъ имѣютъ надъ сердцемъ, ищущимъ единственно чести своей въ добродѣтели; естли ты самъ ощущалъ сладкую, непреодолимую власть нѣжныя любви, которую мы дѣти чувствуемъ къ виновникамъ жизни нашей: то ты можешь понять часть укоризнъ, которыми я сама себя оспори-вала. Ахъ! ежели грѣхъ есть преступить святое сіе послушаніе, то я не грѣшу безъ преодоленія! я молчала, слушалась, воздыхала, побѣждала отвращеніе мое, показывала веселое лице, когда слезы хопѣли лишься изъ глазъ моихъ, желала, уповала. — Увы! чего я не дѣлала, чего не претерпѣвала.

Можетъ быть я виновна, что я такъ долго молчала; и несправедлива, что я оставила себя въ надеждѣ, лишающей меня покоя. Если я виновна, то прости мнѣ! но разсуждай о состояніи несчастныя дѣвицы, которая не осмѣливается молвить слова, ниже взоромъ изъяснить тайны опягощеннаго своего сердца; которая трепещетъ нарушить должность свою, и прогнѣвить родителей своихъ; которая охотно слушаетъ, и охотно по ихъ наставленіямъ любить хочетъ, и всегда уповаетъ еще, что она будетъ любить; которая не знаетъ никакого прибѣжища, и не смѣетъ никакого искать, и при безпрестанной борбѣ, должности съ отвращеніемъ, склонности съ надеждою, привлекается къ олтарю, предъ которымъ она должна вручить себя тому, котораго еще не любитъ.

Я осмѣлилась повергнуться со слезами къ ногамъ родителя своего; я ему открыла сердце свое; я его просила не сдѣлать несчастными двухъ особъ, которыя бы могли быть счастливыми, и можетъ быть того достойны были; онъ меня не послушалъ; онъ опровергалъ упрямство мое; онъ приказалъ мнѣ впередъ скрывать отъ себя глупость мою. И мать моя также отказала мнѣ во всякомъ при-
бѣ-

бѣжищѣ: она упрекаетъ мнѣ слезами моими, и приказываетъ мнѣ любить.

Ты, который долженъ знать любовь, которую ты чувствуешь, будь справедливъ прошивъ меня, Ты долженъ знать, какое мученіе, предаться тому, кого не любишь. Еслили тебѣ стоить преодолѣнія отказать мнѣ, которую ты любишь; какого преодолѣнія стоить будетъ избрать того, кого не любишь! Кто изъ насъ двухъ долженъ для другаго жертвовать собою? — Увы! мы оба, оба равно несчастны: холодность моя будетъ тебя столько мучить, сколько меня любовь твоя.

Не думай, что бы ты ласкою когда нибудь возбудилъ взаимную любовь. Благодарность составляетъ все то, къ чему сердце мое можетъ быть способно, неуспокоивающая хладная благодарность прошиву попяляющаго пламени твоея любви. Можетъ быть благодарность сія понудитъ меня скрыть отъ тебя печаль мою: но она будетъ изнурять меня тайно, и безпрестанныя слезы будутъ упражненіемъ той, съ которою уповалъ ты быть щастливымъ!

Узы, которыхъ ты желаешь себѣ, и которыми угрожаютъ мнѣ, суть священные, торжественные узы; званіе важно; не вступимъ мы въ оное со сле-

зами. Не допускай, чтобъ власть отеческая давала тебѣ руку сжатую пою, которая тебѣ отказываетъ въ своемъ сердцѣ: и не желай жертвы, но выбирай благодарную, которая можетъ воздать столь много любви и удовольствія, сколь она получитъ. Будь столь великодушень, сколько я тебя почитаю, и презирай приспρασное * удовольствіе твоего сердца, которому другіе не меньшимъ чѣмъ жертвовали бы, какъ щастіемъ вся жизни!

VIII.

ПИСЬМО

СМИРНОНА КЪ СЕРЕНѢ.

Письмо твое возвѣщаетъ мнѣ смерть! О, *Серена*! можешь ли ты требовать отъ меня такой жертвы? Можешь ли ты вѣрить, что я люблю за такую малую цѣну? Я долженъ тебѣ отказать! Ты просишь меня; ты возбуждаешь мою добродѣтель; ты говоришь, что добродѣтель должна чѣмъ нибудь жертвовать. — Ахъ, еслии должно быть добродѣтельнымъ за такую высокую цѣну, то сколь трудно быть добродѣтельнымъ!

Дорогая *Серена*! не сдѣлай того, чтобъ всѣ наилучшія мои надежды, на которыхъ я себѣ мысленно устроилъ столь щастливое, златое предбудущее время; не сдѣлай, чтобъ все благополучіе мое исчезло. Родители твои тебя общали мнѣ, и ты не отказывалась быть моею. — Не отказывалась; такъ ты хочешь чтобъ я говорилъ теперь: увы! сколь мало это за такую горячую любовь пребующую преданности, добровольной, совершенной, сердечной преданности! Но я хочу и тѣмъ удовольствовать сердце мое; не лиши только меня и сей малой части моего благополучія!

Да, *Серена*, я почиталъ себя щастливѣе. Я не понималъ вздоховъ твоею выпускаемыхъ. Спирасстная моя любовь толковала сіи твоею проливаемые слезы въ свою пользу. Когда прижималъ я руку твою съ горячностію къ моимъ устамъ, то думалъ, якобы чувствую, что она не противилась и соотвѣтствовала каждому сжиманію. Я часто спрашивалъ тебя, какая скрытная печаль обезпокоиваетъ тебя, и просилъ открыть мнѣ твое сердце. Ты смотрѣла на меня съ робкою грустію, воздыхала и молчала. Я думалъ, что примѣчаю пріязнь въ глазахъ твоихъ, и не отваживал-

ся больше усугублять безпокойство твое. То ли было причиною слезъ твоихъ! Я несчастной долженъ былъ мучить ту, которую я любилъ, и надѣялся сдѣлать щастливою!

Желаешь ли ты въ самомъ дѣлѣ, дорогая *Серена*! чтобъ я отъ тебя отсталъ, или хочешь только испытать меня? — Ахъ, еслибы сіе было испытаніе, то сколько, бы любовь моя выиграла! Она довольно сильна чтобъ претерпѣть жесточайшія испытанія; она можетъ сдѣлать все, все кромѣ того только чтобъ отстать отъ себя. Если бы постороннія намѣренія опредѣлили мой выборъ; еслибы сребролюбіе или тщеславіе заступали у меня мѣсто любви; то уронъ пребуемый тобою отъ меня можно бы было наградить: но кто можетъ оставить такую любовь, которая единственно ищетъ щастія своего въ обладаніи любезнаго предмета.

Повѣрь мнѣ *Серена*, если ты теперь не любишь, то ты будешь меня любить послѣ. Усердіе и нѣжность моя не престанутъ исполнять всѣ желанія твои. Ты начнешь почитать меня; великодушіе и добросердечіе твое будетъ вспомошествовать стараніямъ моимъ, и превратится въ любовь. Пусть такъ,
какъ

какъ ты изъясняешь, что нѣжность твоя начинается отъ благодарности; еслибъ сіе только было любовь, то я щастливъ, и ты со мною.

Но не долженъ ли я чего больше ожидать кромѣ сей благодарности! И если ты наконецъ преодолѣешь себя, и примешь руку мою, то ты побѣдила бы себя единственно по должности и изъ послушанія къ приказанію твоихъ родителей. Любовь сославляющая щастіе мое, сослала бы твое нещастіе. — *Серена*, развѣ столько тебѣ я ненавистенъ? — Колико мучитъ меня мысль сія! — Ахъ! нѣтъ, я не желаю руки твоей съ симъ условіемъ! я не столько корыстлюбивъ, чтобъ благополучію моему жертвовалъ твоимъ спокойствіемъ. Какъ печально соотвѣтствовали бы ласкамъ моимъ твои слезы и вздохи! —

На что долженъ я рѣшиться? Быть самому твоею, и въ тебѣ нещастливымъ? или лишиться тебя? — Какой выборъ! О свирѣпая! и можешь ли ты требовать еще, чтобъ я рѣшился? Можешь ли ты принуждать меня къ такому выбору, которой меня со всѣхъ сторонъ учинитъ нещастнымъ? — Для чего ты позволила, чтобъ я надѣялся, и питалъ любовь мою надеждою? Не значитъ ли молчаніе твое согласія? И сколько ли ты не-

справедлива, чтобъ сѣ начала согласиться, а потомъ опровергнуть; возбуждать радости, а потомъ умерщвлять ихъ? Ты пребуешь отъ меня справедливости, которой не оказываешь мнѣ сама? —

Что я пишу! — прости любви, самой надъ собою невластной, сіи попреки, естли они несправедливы! — Ты хочешь, чтобъ я выбиралъ. — Ты хочешь сего! Могу ли я опказать тебѣ въ чемъ нибудь? Но естли ты думаешь, что сердце мое столь скоро можетъ отказаться отъ своего желанія; что ему никакого не стоить преодолѣнія вознамѣрится быть несчастнымъ; то, ахъ! сколь мало извѣстна тебѣ любовь! — Сколь мало! можетъ быть ты сѣ лишкомъ ее знаешь, но не ко мнѣ. — Шаспливый соперникъ! я его не ненавижу, не завидую ему.

Но для чего ты утаиваешь отъ меня тайную твою склонность? Не долженъ ли я знать чего больше, кромѣ того, что меня дѣлаетъ несчастнымъ? — Естли ты уже любила друга, то можетъ быть вспомоществовала бы побѣдѣ моей надъ собою. Я бы почипалъ себя за возмутителя благополучія двухъ особъ, которыхъ природа опредѣлила другъ для друга: я почелъ бы за справедливость возвратить то сокровище,

копо-

которымъ онъ уже владѣлъ. — Правда, я бы и тогда былъ столь несчастливъ, сколь и теперь: но побѣда была бы мнѣ легче. — Ахъ! что я могу обѣщать тебѣ въ семъ состоянїи, въ которомъ я нахожусь? — Ничего больше, какъ только то, что я не могу быть несправедливымъ!

Позволь мнѣ по крайней мѣрѣ, чтобъ я сперва испыталъ все мнѣ возможное; — откажашься отъ благополучія, о Серена! сіе есть дѣло, которое происходитъ всегда довольно рано. Позволь мнѣ столь долго наслаждаться еще надеждою, сколь я могу. Можетъ быть есть еще убѣдительныя причины, имѣющія нѣкоторую силу надъ твоимъ сердцемъ.

Часто мы думаемъ, *Серена*, что мы не любимъ: но сердца наши столь же переменчивы, сколь и мысли. Любовь не всегда самопроизвольна; можно иногда и понуждать ея: и естьли вѣжность, естьли всѣ благодѣтельныя склонности, естьли всѣ способы учинить щастливымъ, прельщали когда нибудь благородное сердце прошивъ его намѣренія; то повѣрь мнѣ, что и твое будетъ мнѣ принадлежать со временемъ.

Склонность природная часто не столь продолжительна, сколь она сильна. Да,

естьлибъ и сіе было, то она не есть единая страсть, въ удовольствіи копорой состоитъ благополучіе. Сколь многихъ людей примѣры могъ бы я представить тебѣ, которые думали бытъ щасливыми единственно ею, и скоро сдѣлались несчастными! Никто другой не можетъ тебя столь сильно, столь вѣрно, столь постоянно любить; не можетъ тебя сдѣлать щасливѣе, какъ я, естьлибъ ты меня любила. Небо даровало мнѣ все, что удовольствовать можетъ желанія человѣческія въ разсужденіи вѣшняго покоя. Подумай, что собственныя твои склонности могутъ переѣниться, и еще гораздо удобнѣе въ пользу спарающагося получить оныя, нежели они могутъ отѣниться во вредъ того, копорой наскучилъ ими, или безпристрастенъ къ нимъ. У послѣдняго надлежитъ тебѣ ожидать неудовольствія впередъ, копорое у перваго, можетъ бытъ, могла ты чувствовать только съ начала; и можетъ бытъ у того сіе неудовольствіе продолжится не долго, а у сего составило бы оно вѣчное несчастіе.

Серена, я прошу тебя, если я никакихъ не имѣю достоинствъ, никакихъ качествъ, могущихъ возбудить любовь: то разсуди только о томъ. Время и
спа-

старанія мои могутъ тебѣ по вліять ко мнѣ, чего хладнокровіе и сто другихъ обстоятельствъ могутъ лишитъ тебя къ другому.

Позволь мнѣ узнать намѣреніе твое! Люби меня, естли тебѣ возможно. — Я горю желаніемъ узнать судьбу мою! Отвертѣ твой рѣшитъ мой выборъ: и мы будемъ или оба щасливы, или я одинъ несчастенъ!

Перепелъ Илія Мещериновъ.

IX.

О пріятности грусти.

Часто жалуемся мы на нѣкоторое состояніе духа нашего, называемое *грусть*, однакожъ ничего такого не предприемлемъ, чтобы насъ могло освободитъ отъ онаго. Во многихъ случаяхъ бываетъ оно съ намѣреніемъ. Мы терпимъ грусть, ибо безъ оныя надлежало бы намъ оставитъ страсти наши и должности; не токмо терпимъ, но мало помалу превращаемъ ея иногда искусвомъ нашимъ или добродѣтелию въ веселіе, дѣлая изъ нея пищу благородныхъ или неблагородныхъ желаній нашихъ.

шихъ. Но не о семъ родѣ грусти говорю я здѣсь. Нѣтъ, мы жалуемся часто на нѣкоторое уныніе и беспокойство, на нѣкоторое печальное и досадное состояніе, котораго могли бы мы избавишься; однакожъ и сами не помышляя о томъ, пишемъ уныніе сіе, безпокойство, и досадныя чувствованія съ такимъ точно раченіемъ, какъ будто бы естественное къ нимъ имѣли желаніе. Не можно ли изъ сего заключить, что или мы не можемъ быть всегда веселы, или что въ нѣкоторыхъ движеніяхъ грусти находимъ родъ удовольствія, и въ нѣкоторыя времена безпокойствіе духа нашего бываетъ намъ столь же любезно, какъ въ другое время спокойствіе онаго? Тѣмъ, которые разсуждаютъ о сердцѣ человѣческомъ не по собственнымъ чувствованіямъ своимъ и не изъ опытовъ, но единственно по нѣкоторымъ правиламъ системы своея, мнѣніе сіе покажется весьма чуднымъ. Какъ, человѣкъ въ печали своей ищетъ радости, и старается быть въ грусти что бы быть веселу? Какое противорѣчіе! Другіе же и опыты сему совершенно отрицать станутъ. Когда, скажутъ они, когда ощущаемъ мы желаніе ко грусти? Но еслили не имѣемъ желанія сего, то что за выдумку утверждать стараются?

ся?

ся? Естьли послѣдніе сіи помыслятъ; что мы и сами часто не знаемъ, что въ насъ происходитъ; что мы часто желаемъ, не вѣдая точно что мы желаемъ сего, и что мы о присутствіи сего или другаго желанія увѣряемся часто ничѣмъ инымъ, какъ дѣйствіями нашими; то можетъ быть скоро пройдетъ у нихъ таковое сомнѣніе. Клеонъ весьма досадуетъ, по причинѣ что Дорантъ хотѣлъ посѣтить его, но не бывалъ къ нему. Онъ кидаетъ гнѣвные взоры, шумитъ и весьмабы многое потерялъ хотѣлъ, еслибы токмо въ состояніи былъ не такъ много сердиться. Между тѣмъ приходитъ хорошей пріятель, и увѣряетъ чистосердечно Клеона, что причина удержавшая Доранта, есть не что другое, какъ полученное имъ повелѣніе явиться немедленно ко Двору. Еслибы Клеонъ не хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ досадовать долѣе, безъ сомнѣнія извиненіе сіе его бы успокоило. Но онъ и слушать сего не хочетъ. Что ему нужды для чего Дорантъ къ нему не пріѣхалъ. Онъ хочетъ сердиться и досадовать. Еще болѣе прежняго шумитъ онъ въ домѣ своемъ. Предлагаютъ ему нѣкоторыя увеселенія и забавы, въ которыхъ онъ всегда находилъ удовольствіе; но онъ отвер-

отвергаетъ оныя, и пребываетъ въ не-
удовольствіи своемъ. Изъ сего я рассу-
ждаю, что Клеонъ находить удоволь-
ствіе въ досадѣ своей, и что она ни ма-
ло ему не тягостна, какъ онъ утверж-
даетъ. Я заключаю, что онъ тайнымъ
образомъ ея желаетъ; поступокъ его
сказываетъ мнѣ гораздо вѣрнѣе, что
теперь въ немъ происходитъ, нежели
сердце его самому ему сказать можетъ.
Кто имѣя предъ собою кислое вино, рюм-
ку за рюмкою выпиваетъ онаго, ни ма-
ло ни къмѣ къ сему не принуждаемъ,
потѣ напрасно стараться будетъ меня
увѣрить, что онъ пьетъ вино сіе безъ
всякаго удовольствія. Конечно находить
онъ пріятность, въ чемъ бы она ни
состояла. Для чего не оставитъ онъ
вино сіе, для чего вмѣсто вина сего не
проситъ онъ другаго напитка? *Сеюсъ*
жалуется, что онъ сего вечера весьма не-
веселъ и самъ причины сему не зная;
друзья его стараются разогнать мрач-
ныя облака, помрачающія душу его. Онъ
любитъ музыку, шутки, и веселыя по-
вѣсти. Испытываютъ всѣ способы сіи
что бы его успокоить, но *Сеюсъ* дѣлаетъ
еще печальнѣйшимъ и строптивѣй-
шимъ. Онъ весьма досадуетъ, что ста-
раются лишитъ грусти его. И такъ не
самъ ли онъ желаетъ грустить въ ве-
черъ

Черѣ сей? Но возмогъ ли бы онѣ желать сего, естлибѣ въ грусти сей не находилъ онѣ нѣкоего удовольствія?

Но какимъ же образомъ грусть произвести можетъ удовольствіе? Можетъ ли душа наша, вкушая горестъ, которая есть чувствованіе прошивное, находить удовольствованіе въ прошивномъ чувствованіи семъ? Для чего нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ представляется мнѣ сіе весьма естественнымъ. Со всѣми чувствованіями нашими, хотя мы всегда ясно или и неясно знаемъ о томъ, бывающъ сопряжены нѣкоторыя представленія. Они раждаютъ чувствованія, а чувствованія сіи сохраняютъ ихъ и въ то же время укрѣпляютъ. И такъ быть можетъ, что и непріяшныя нѣкоторыя движенія бывающъ намъ любезны, потому что желаемъ имѣть представленія, которыя безъ нихъ существовать не могутъ, или не такъ живо намъ воображаются. Нѣсколько часовъ бываю я печаленъ, ибо не имѣю того, чего желаю, и что имѣютъ другіе. Печаль сія есть непріяшное чувствованіе, и дѣйствіе мысли моею что я несчастливъ. Однакожъ я не прошивлюсь ей, хотя она и непріяшна. Для чего же? Она награждаетъ меня за входъ, которой позволяю ей въ сердце мое.

Она

Она полагаетъ воображенію моему цѣну; что я заслуживаю лучшаго жребія, и столько же, или еще болѣе достойнѣ его нежели другіе. Она питаетъ самолюбіе мое; я почитаю печаль мою доказательствомъ, что я долженъ быть щасливѣе нежели есмь, хотя и доказываетъ она то, что я несчастливѣ. Приходятъ и хопятъ мнѣ мѣшати въ печали моей. Но нѣтъ! я не хочу что бы мѣшали мнѣ въ оной. Я чувствую, что потерявъ ея, и представленія о достоинствахъ моихъ и слабыя преимущества другихъ людей потеряютъ силу свою; и для того не позволяю я лишати себя печали сей, и начинаю любить оную. Многіе изъ тѣхъ, которые столь жестоко на уныніе въ свѣтѣ находящееся досадуютъ, первые стали бы жаловаться на несчастіе, когда бы можно было исключить изъ жизни ихъ часы грусти, увидѣли бы, что лишивъ ихъ горести, многихъ пріятностей ихъ лишили бы. Гладъ самъ по себѣ весьма тягостенъ, однакожъ онъ есть то, что пищу нашу дѣлаетъ вкусною. Весьма бы мало того благодарили, которой привелъ бы насъ въ такое состояніе, чтобъ мы никогда не чувствовали голоду. Да хотя бы съ грустію и никакого удовольствія сопряжено не было: но можетъ быть подобно пря-

нымъ

нымъ кореньямъ, сообщаетъ она прошедшему, или слѣдующему удовольствію, вѣщую пріятность, и посредствомъ неяснаго чувствованія, что услаждаетъ радости наши, защищаемъ быть можемъ. Пусть устремятъ токмо вниманіе свое, увидятъ, что радость, слѣдующая за неудовольствіемъ, гораздо чувствительнѣе, нежели радость послѣ многихъ радостей слѣдующая. И понеже въ существѣ радостей жизни сея такъ основано, что мы заблаговременно ими насыщаемся, то кажется мнѣ, что мы, не имѣя никакія грусти, весьма скоро въ свѣтѣ семъ заснули. Никогдабъ такъ живо веселія не чувствовали, потому что никогдабъ не лишались онаго. Никогдабъ о прошедшихъ радостяхъ съ толикою пріятностію не воспоминали, потому что бы слѣды прежнихъ веселій прибытіемъ многихъ всегда испреблялись. Я приведу здѣсь одинъ токмо примѣръ, какое неудовольствіе происходитъ изъ душевнаго движенія страхомъ нами называемаго? но коль же слабо будетъ пріятное движеніе надежды, ежели ни малѣйшимъ страхомъ не сопровождается? настоящее наслажденіе веселіемъ не моглобъ насъ такъ обрадовать, естлибъ страхъ, или предыдущее представленіе,

не приводило желаніе веселія сего въ движеніе весьма сильное.

Если грусть сію почитать будущъ смѣшеніемъ веселія и огорченія, въ коемъ онѣ одно другаго по перевѣшиваются, то равными бываютъ: то неудивительно покажется, для чего мы грустнаго состоянія не хопимъ промѣнять иногда на самое веселое. Смѣшенное чувствованіе, сравнивая его съ простымъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто новаго, нѣчто прогающаго; ибо одно движеніе возвышается сопротивленіемъ другаго; и для того оно намъ и нравится. Не находимъ ли мы часто болѣе пріятности въ смѣшеніи сладкаго съ кислымъ, нежели въ одномъ сладкомъ? точно также представляю я, что радостное движеніе смѣшенное съ печальнымъ, бываетъ иногда сердцу нашему пріятнѣе, нежели одно радостное.

Я не вижу для чего бы грусть, какъ какъ грусть, не могла быть на нѣсколько времени пріятною. Не хочу сказать что бы на первой разѣ была она таковою, но когда ужѣ нѣсколько разѣ была чувствуема. Горькое причиняетъ первоначально вкусъ отвращительной, но когда часто его вкушаемъ, наконецъ находимъ въ немъ нѣчто пріятнаго. Для чего же не быть сему возможнымъ во вкусѣ

вкусѣ души нашей, такѣ какѣ оно есть во вкусѣ пѣлесномѣ? Кпо сіе отрицаешь, потѣ пускай изѣяснитѣ намѣ, для чего многіе люди такѣ охотно разгорячаются, такѣ охотно бранятся, да еще сѣ жестокии волненіемѣ крови и духовѣ жизненныхѣ. Весьма невѣроятно, что бы сѣ начала бранились они для пріятности, ибо гнѣвъ имѣетѣ въ себѣ нѣчто насильственнаго. Но мало помалу привыкаютѣ они къ сему насилію, и наконецѣ находятѣ удовольствіе въ бурномѣ и шумномѣ состояніи семѣ, ибо оно приличествуетѣ къ принятому существу ихѣ, которое мѣсто природы въ нихѣ заступаетѣ.

Можетѣ быть, что грусть бываетѣ многимѣ пріятною, по причинѣ природной имѣ лѣности. Густая и тяжелая кровь ихѣ не терпитѣ жестокихѣ движеній радости; и для того смѣшанное состояніе веселія и радости гораздо имѣ пріятнѣе. Они могутѣ во весь день быть печальны и нѣмы, и многіе часы плакать и стенать. Они прилѣпляются къ тому, что питаетѣ горесть ихѣ, убѣгая отѣ всего, что къ радости способными ихѣ дѣлаетѣ. Поступали ли бы они такѣ, ежели бы въ печали не находили благосостоянія своего? Грусть ихѣ есть тѣже, что дремота, или легкій сонѣ.

Они не могутъ бдѣть, но и для сна не довольно еще упомянуты. Довольствуются дреманіемъ, половиною спокойствія и половиною безпокойствія. Жалобы, слезы, печальный видъ, и прочіе внѣшніе знаки печали, не означаютъ въ нихъ того, что у другихъ людей оныя знаменуютъ. Они плачутъ и жалуется единственно изъ сластолюбія. Не имѣютъ они спокойствія и чистаго духа человѣка веселаго. Въ разсужденіи человѣка сего они безпокойны и печальны, но въ своемъ родѣ столь же довольны, какъ и онъ. Они въ томъ состояніи, котораго разположеніе разума и шѣла его требуютъ; и слѣдственно при безпокойствѣ своемъ бываютъ они покойны, а слезами своими оказываютъ сами себѣ услугу. Представимъ себѣ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ пьетъ воду, а другой вино: сей чувствуетъ спиртные движенія разгорячающаго питія своего, а пьющій воду не чувствуетъ оныхъ. И такъ ему не достаетъ ничто отъ того, что того дѣлаетъ довольнымъ. Но прибавь къ сему, что пьющій воду не имѣетъ никакого желанія къ вину, или и отвращеніе отъ него имѣетъ, то судя по особенному состоянію своему, лишается ли онъ какого нибудь удовольствія? не столько ли онъ въ своемъ ро-
дѣ

дѣ доволенъ будетъ водою своею , какъ потъ виномъ своимъ ? Подобно сему, и человекъ отъ природы сонный, можетъ находить въ часахъ задумчивости, или унынія своего, такое же пріятство, какъ веселый человекъ во мгновеніяхъ радости.

Многіе грустятъ можетъ быть и для того, что труда бы имъ стоило быть веселыми; и такимъ образомъ безпокойство бываетъ имъ весело, потому что веселіе требуетъ работы. Пренести себя изъ одного состоянія духа въ другое противоположенное ему, изъ огорченія перейти въ радость, стоитъ болѣе, нежели токмо пожелать сего. Луція весьма не довольна, потому что видѣла пріятельницу свою въ новомъ нарядѣ, котораго она не имѣетъ. Супругъ ея посылаетъ потъ же часъ за нарядомъ симъ, и доставляетъ ей оной, такъ что она сего и не знаетъ. Луція взираетъ на уборъ сей, однакожъ не преспааетъ печалиться. Съ ней происходитъ самое то же, что бываетъ съ людьми, которые изъ темной горницы выводятся вдругъ на свѣтъ. Они закрываютъ глаза свои, хотя и весьма охотно видѣть свѣтъ желаютъ. Луція находитъ сопротивленіе, принуждена будучи прешать вдругъ досадовать, и для то-

го желаетъ лучше безъ всякаго труда огорчаться, нежели очистить мѣсто радости, и старыя представленія свои прогнать новыми.

И такъ я думаю, что многіе почли бы поперею, ежелибъ ничего такого въ свѣтѣ не было, что грустить ихъ заставляетъ; понеже не могутъ они, или не хотятъ быть всегда веселыми: то и не вижу я чѣмъ бы они упражнялись, когда бы неудовольствіе не приводило душу ихъ въ движеніе; ибо въ совершенномъ бездѣйствіи душа наша никогда быть не можетъ. Когда же наконецъ многіе роды грусти, или дѣлаются удовольствіемъ, или при горести своей смѣшаны съ нѣкоторою пріятностію, или дѣлаютъ сладостнѣе радость за ними послѣдующую, или поелику напругаютъ силы души нашей и попрыскаютъ оную, и по самому тому намъ причествуютъ для того, что по долговременномъ бездѣйствіи желаемъ мы напругать силы наши, но впечатлѣніе обыкновеннаго веселія не довольно чувствуемъ, что бы прейти отъ него въ движеніе: то и кажется мнѣ, что и въ самой грусти можемъ мы найти нѣкоторой родъ сладости. Однакожъ пребывать съ намѣреніемъ въ грусти, не менѣе почестъ можно какъ глупостію,

но сколь многія вещи не престають еще бышь глупостями, для того что они намъ сродны и пріяшны?

А. К.

Х.

Рѣчь втораядцать, о любви братской. Гопоренная въ нѣкоторомъ Христіанскомъ Обществѣ въ Англии.

Въ сей рѣчи буду я говорить о любви братской, въ видѣ приличествующемъ единымъ Христіанамъ.

Должность исполненія братскихъ чувствованій между нами вразумительна каждому. *Миръ, порядокъ и благопристойность*, суть должности необходимыя; всѣ же грубыя чувствованія, и всякое воспоминаеніе о обидахъ, должны бышь забыты. Оное сердечное благоволеніе производящее *радость и веселіе* долженствуетъ пылать между нами. Истинные почитатели Божества, обладатели истинныхъ понятій объ основательныхъ правилахъ природы, во времена варварскаго невѣжества не дерзали исполнять явнымъ образомъ первую, а вторую не смѣли сдѣлать явною.

Но мы, — благо намъ въ семъ просвѣщенномъ сполѣтїи и въ сей землѣ вольности! — мы являемъ чувствованїя наши безъ страху и опасенїя; мы исполняемъ правила религїи нашей, пользуясь свободою всякаго исповѣданїя; и яко любящїе общество существа, собираемся въ мѣсто наше для наслажденїя удовольствїями дружества и дыханїемъ чистаго благоволенїя безъ всякаго примѣса.

По окончанїи упражненїй соединяемся для ивлїянїя веселости сердецъ нашихъ безъ всякаго припворства. Здѣсь нѣтъ между нами ни *болтунонь*, ни *клеветничконь*, или злословящихъ; работа наша посвящена *тишинѣ*. А посему и можемъ мы сказать въ Фигуральномъ смыслѣ: она производится въ тайныхъ мѣстахъ, въ которыхъ никогда не поетъ петелъ, гласъ раздору не достигаетъ въ оныя; а шумъ, крикъ и необузданный гнѣвъ женщинъ никогда не слышится. ,,

Не опасаяся измѣны словамъ, и обличенїя откровеннымъ поступкамъ нашимъ, веселїе наше является здѣсь безприпворно; оно управляется *благоразумїемъ*, умѣряется *любовїю*, и представляется въ одеждѣ *благодѣянїя*: — Вотъ какъ непорочна шутъ она находится. Нѣтъ такихъ зломыслящихъ, которые бы

бы невинныя слова наши превращали въ безбожныя полки, или шупки, безъ всякаго намѣренія сказанныя, въ колкія и сатирическія передѣлывали. Всякое чувствованіе испекаетъ исполненно благоволенія; каждое ухо настроено къ согласной гармоніи цѣлаго, и вкушаетъ радость веселія толико чистую, что размышляя слѣдующее утро о дѣлахъ нашихъ, ни малаго раскаянія не чувствуемъ.

Миръ, порядокъ и благопристойность, названныя мною необходимыми должностями, происходятъ не отъ принужденія или господства, но суть добровольная услуга каждымъ братомъ оказываемая.

Есть случаи, въ которые и власть должна быть употребляема: человекъ слабъ, и самые благоразумнѣйшіе могутъ погрѣшать иногда; „заблужденіе свойственно человечеству“ было изреченіе древнихъ Философовъ. А посему и долженъ быть всегдашній правитель, воздерживающій отъ неблагопристойности, могущей иногда вкратъсь чрезъ какого нибудь брата, который прежде прибытія къ работамъ излишно упіется.

Другой степень любви братскія, который долженъ быть здѣсь являемъ, есть слѣдующій: выслушивать прозбы

каждаго члена общества сего съ нѣжно-
стію и уваженіемъ. Естли какой ни-
будь братъ общества нашего сдѣлаетъ
болень, или несчастливъ; въ такомъ
случаѣ однимъ изъ братьевъ пред-
лагается несчастіе онаго, не облыгая
насъ, и не скрывая части достоинствъ
его. Общество должно оказывать дол-
жное уваженіе, пріемля съ терпѣніемъ
прозьбу сію, и дѣлая помощь прили-
чную достоинствамъ его.

Знатнѣйшая часть братскія любви
сей, долженствующей существовать ме-
жду нами, есть та: что бы хорошо го-
ворить одинъ о другомъ передъ свѣ-
томъ. Особливо требуется отъ каж-
даго члена братства сего, что бы не
злословить брата своего. Ничто такъ
не подло, какъ ругать когонибудь за-
очно. Сіе походитъ на мошеннической
поступокъ убійцы, который не имѣетъ
довольныя храбрости, что бы позволить
непріятелю своему средства къ защи-
щенію себя; но спрежетъ его въ темно-
тѣ, и поражаетъ, когда онъ безъ ору-
жія, и ни о какомъ непріятелѣ не по-
мышляетъ.

Шакесперъ, оный удивленія достой-
ны Піитъ, дѣлаетъ весьма справедли-
вое описаніе преступленію сему.

„Человѣкъ , укравшій мои деньги , укралъ малость , они были мои , теперь его , и еще многимъ служить будутъ. Но лишаящій меня добраго имени моего , беретъ у меня то , что его не обогащаетъ , а меня въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ весьма бѣднымъ. „

Оклеветаніе имѣетъ страшныя слѣдствія ; ибо не токмо мгновенныя производитъ дѣйствія , но и на отдаленнѣйшія времена простирается. Свѣтъ такъ испорченъ , что съ жадностію злословіе слушаетъ ; естли гласъ злословія единъ разъ испустилъ ядъ свой , то зараза его прилипаетъ подобно моровой язвѣ ; онъ распространяетъ ревность въ семействахъ , вражду и ссору между друзьями , возбуждаетъ родителей противу чадъ своихъ , и брата противу брата. Естли извидетъ вредная повѣсть сія , то ужè возвратитъ оную не возможно ; и самое раскаяніе преступника не въ состояніи поправитъ сего. Ибо худыя слѣдствія могутъ покоиться въ нѣдрахъ будущаго , и не прежде воздѣйствуютъ , какъ въ третіемъ или четвертомъ колѣнѣ обиженнаго. — Какая должна быть душа злосердія , которая въ состояніи оклеветать безвиннаго ! Нѣтъ такого преступленія , котораго бы злодѣй сей учинить не возмогъ. Противу
по-

подлецовъ сихъ нѣтъ никакого оружія оборонительнаго; онъ нападаетъ на обнаженнаго и нечающаго никакія опасности; и подобно заразѣ, жестокой болѣзни, заражаетъ онъ въ то время, когда жертва его покоится. Правосудіе не имѣетъ никакого оружія противу преступниковъ сихъ; ибо скрытность есть его защита, и единое шокмо око небесное видитъ злодѣяніе его.

Отъ насъ ожидаютъ не шокмо того, чтобъ по совѣсти въ сердцѣ своемъ воздерживались отъ злословія; но что бы одинъ о другомъ и говорили хорошо.

Прилагать справедливый и истинный характеръ человеку, есть должность толико легкая, что душѣ благоволящей бываетъ невозможнымъ погрѣшить противу оной; се степень обыкновеннаго правосудія, къ которому одна честность ужè побуждаетъ. Не довольно что бы воздерживаться намъ отъ оклеветанія; мы должны говорить съ любовію и склонностію, и ничего не оставяшь, что съ истинною къ похвалѣ, и къ умноженію славы брата своего сказать можно. Какая радость сердцу ко благоволенію безчувственному: отдавать похвалу надлежащую! веселіе сіе, говорить о другихъ доброе, бываетъ самимъ намъ полезно; ибо внутреннее одобреніе со-

про-

провождаетъ его. Человѣкъ отдающій ближнему своему похвалу принадлежащую, чувствуетъ, что грудь его облегчается; онъ ощущаетъ тончайшія чувствованія любви, побуждая другихъ къ тому же предмету почтенія своего.

Не принимающій участія, бываетъ хладенъ и воздерженъ, онъ не говоритъ ни добра, ни худа; но человѣкъ имѣющій братскую любовь въ сердцѣ своемъ, пылаетъ желаніемъ хвалить. Се легкое и мало стоющее средство быть благодѣтельнымъ и дѣлать доброе. Справедливою похвалою прилѣжанію прилагаемою, одобряютъ прилѣжнаго человѣка тѣмъ, которымъ бы безъ сего пребылъ онъ неизвѣстенъ, и такимъ образомъ умножаютъ его кредитъ и торговлю. Чрезъ справедливое одобреніе достоинствъ открываютъ путь къ повышенію у тѣхъ людей, которые по могуществу своему и говорятъ бы съ нимъ не стали. Чрезъ истинную похвалу разума и искусства, возбуждаютъ примѣчаніе покровителей, коимъ бы великія достоинства его тайнствомъ пребыли. Сей степенъ правосудія каждый можетъ требовать отъ брата своего: то есть, чтобъ хорошія свойства его не были сокрыты.

Сокрывать несовершенства друга нашего, и дать покрывало слабостямъ его, есть

есть дѣло Христіянское и человѣческое, и слѣдственно наше. И самую истинну не всегда говорить должно; гдѣ не можно одобрять, тамъ должны мы сожалѣть съ молчаніемъ. Какая радость, или какая польза, открывать таинства брата нашего? Увѣщавать его есть добродѣтельно, порочить безчеловѣчно, а сдѣлать цѣлю посмѣянія, дѣло дѣвольское.

И слѣдственно должность добраго человѣка есть дѣло любви; сердце его плаваетъ въ удовольствіи, исполняя должность сію.

Пребудемъ же неколебимы въ обязательствахъ нашихъ, дабы почитали насъ людьми благоглаголющими.

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Ноябрь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стран.
I. Письмо Спратона къ сыну -	161
II. Письмо Эпихарма къ дочери своей Эвхаріи - - -	172
III. Сонъ - - - -	187
IV. Надежда на управленіе Божіе	191
V. Пѣснь на Рождество Христово	193
VI. Вечерняя пѣснь - - -	196
VII. Пѣснь покаянія - - -	198
VIII. Пѣснь кающагося грѣшника -	200
IX. Мессія священная Еклога -	203
X. Письмо Силіи къ Пармениду	208
XI. Письмо Силіи къ помужь -	213
XII. Письмо Силіи къ помужь -	216
XIII. Приключеніе Этингарда и Эммы	227
XIV. Письмо Софроніи къ Федону.	230

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

ПИСЬМО

СТРАТОНА КЪ СЫНУ.

Сступай, мой сынъ! гласъ отечества призываетъ тебя къ его защищенію; гласъ, который добродѣтельнымъ гражданиномъ долженъ предпочтенъ быть всѣмъ прочимъ разсужденіямъ. Увы! какъ ужè не охотно внемлютъ ему, и стараются освободиться хитрыми умствованиями отъ самаго священнѣйшаго обязательства, и погасить совсѣмъ слабую искру прежняго усерднаго жара. Но оставь сихъ бѣдниковъ, неимѣющихъ довольнаго мужества отважить жизнь и жертвовать своею кровію своему отечеству, выдумывать ложные доводы и ограничиванія, и

Часть III. мѣс. Ноябрь. Л льспить

льстить собственной своей гордости, чтобъ скрыть отъ себя самихъ безчестную свою прусливість. Твоя жизнь и кровь принадлежатъ государству, когда оно требуетъ оныхъ. Для онаго произвелъ я тебя на свѣтъ, для онаго воспиталъ я тебя: ибо оно твоему отцу и самому тебѣ сдѣлало жизнь пріятною, которая безъ общей помощи была бы продолжительнымъ бѣдствіемъ. Всѣ его руки работали для твоего спокойствія, тишины и благополучія. Мать твоя дала тебѣ бытіе, а государство даровало тебѣ жизнь. Оно воспитало тебя въ нѣдрѣ своемъ; оно удовольствовало твои нужды; оно изліяло на тебя всѣ радости, всѣ выгоды общественной жизни. Твоя жизнь по справедливости должна быть посвящена тому, безъ помощи котораго, можетъ быть, она не могла бы продолжаться; или бы ничто иное была, какъ несчастія исполненная бытность. Естьли благодарность, естьли добродѣтель вообще не мечта: то благодарность обязываетъ тебя защищать отечество твое съ такою же любовію, какъ твоего отца.

Какъ сей столь благородной долгъ, и для предковъ нашихъ столь ненарушимый, у потомковъ ихъ могъ въ крайнее притиши забвеніе; какъ оный
ле-

лестный восторгъ, съ которымъ усердные сыны отечества ревновали другъ предъ другомъ, кому первому умирашь за свое отечество, могъ совсѣмъ исчезнуть въ такое время, которое мы осмѣливаемся называть обходительнымъ и просвѣщеннымъ временемъ? — Конечно найдено, что ревность къ отечеству ничто иное есть, какъ химера, полипическая выдумка, и родъ суевѣрія, которыми за нужное почитали коварные основатели обществъ распространить между своими согражданами, дабы храбростию и жизнью другихъ утвердить учрежденіе ими сдѣланное и законы ими данные? въ томъ хотяшь насъ увѣрить. Но всѣ съ трудомъ изобрѣтенные къ доказательству онаго доводы суть бѣдныя убѣжища, въ которыхъ скрывается даже до подлости простирающаяся любовь къ спокойствію и жизни, и страхъ подвергнуть себя опасности, трудамъ и смерти. Государство во времена наши чрезмѣрно милостиво и расщепительно въ разсужденіи своихъ благодѣяній, на насъ изливаемыхъ; оно насъ привело къ роскоши и корыстолюбію; мы забываемъ въ изобиліи благодѣянія, которыми наслаждаемся, самаго благодѣтеля и благодарность. Праздность и покой, которыми мы пользуемся въ его

объятіяхъ , воспламенили желанія наши къ сластолюбію , и разпространили оныхъ предѣлы . Мы изобрѣли науки и безчисленное множество новыхъ роскошей , учинившихъ намъ жизнь пріятнѣйшею . Сія любовь къ жизни сдѣлалась наконецъ заразою . Прельщены будучи спокойствіемъ и праздностію , гнушаемся всякою мыслію безпокойствія и опасности , которыя могутъ нарушить споль пріятную жизнь или и совсѣмъ пресѣчь оную . И такъ мы спали сластолюбцами , и наша нѣжность претворилась въ женскую робость предъ опасностями и смертію . Сего бы самаго надлежало краснѣть ; но желая избѣжать стыда , старались отъ самихъ себя скрывать оную ; и такъ начали сомнѣваться , обязаны ли мы споль много государству ; наконецъ и нашли причины отъ того отказать . Но могутъ ли доказательства лучше быть источниковъ , изъ которыхъ оныя произтекаютъ ?

Какихъ предпріятій , сынъ мой , можно ожидать отъ женоподобныхъ ? къ какимъ безкорыстнымъ и великимъ намѣреніямъ способенъ тотъ , которой безстыднымъ самолюбіемъ превратилъ порядокъ веществъ , и толь безуменъ , что воображаетъ себѣ , что цѣлое сотворено для частицы , и государство

един-

единственно для него? Въ то время, какъ простая и умѣренная жизнь пипала еще духъ ревности къ отечеству; какъ бодрые отцы научали своихъ сыновъ спать на твердой землѣ, сносить жаръ и стужу, и при умѣренной пищѣ претерпѣвать всякія укрѣпляющія пѣлодвиженія; тогда, когда очаровательный гласъ роскоши не заглушалъ еще гласа отечества; когда еще стремился прилѣжно внимать сему гласу въ законѣ, которой повелѣвалъ, или побѣдить, или умереть; тогда, когда еще матери посылали сыновъ своихъ въ походъ съ наставленіемъ: „я тебя буду ожидать со щитомъ, либо на щитѣ,“. Тогда могъ еще согражданинъ понимать, что онъ живетъ для общества. Онъ могъ проникнуть, что есть еще нѣчто кромѣ его, которое ему долженствовало быть дороже его самаго. Онъ могъ понять, что никакое могущество не можетъ быть безъ соединенныхъ силъ, и что онъ сіе могущество, изливающее на каждого гражданина покой, наслажденіе жизнью и безопасность, прибавленіемъ своей силы умножить долженъ. Сила государства есть всеобщее сокровище, которому каждой гражданинъ во время войны либо опасности отдаетъ въ лихву свои собственные силы, для наслажденія

во время мира доходами тишины, безопасности и удовольствія.

Или должны мы думать, что всеобщая вольность составляла единое благо, возпламеняющее во всякомъ гражданѣ сію пылающую ревность, биться и умереть за свое отечество? Можетъ ли быть вольность безъ законовъ? и не наслаждается ли добродѣтельной, если онъ впрочемъ не бываетъ невольникомъ ни у какого мучителя, во всякомъ государствѣ равною свободою? Порочной и злодѣй только никогда несвободенъ: онъ имѣетъ повсюду законы, которыхъ онъ долженъ бояться. Не наслаждаемся ли мы равными выгодами, равнымъ покоемъ, равною безопасностію, и равно свободнымъ владѣніемъ собственности? Уже ли то государство, въ нѣдрѣ котораго мы симъ наслаждаемся, не равно, какъ и наше государство? не должно ли оно подкрѣпляться подобными средствами? Не возвышается ли и не унижается ли наше щастіе, подобно какъ оно упадетъ или восходитъ выше?

Узы, насъ съ нимъ связующія, суть тѣ же: да и можетъ быть наши обязательства биться за его законы и за его благосостояніе еще больше, нежели въ тѣ времена, гдѣ утѣхи жизни были гораздо меньше. Но то же самое, что дол-

долженствовало усугубить любовь нашу къ отечеству, оныя ослабило. Изобиліе довело насъ до благополучной жизни, а сія къ любви жизни, до трусливой робости, до отвращенія къ трудамъ и опасностямъ. И такъ мы спали неблагородными къ благодѣшлю, чрезъ роскошное наслажденіе общественными благодѣянїями. Тому не причиною недостатокъ вольности, которой мы не имѣемъ у Государя; нѣтъ, сластолюбіе, которымъ мы у него наслаждаемся, причиною, что наша ревность къ отечеству угасаетъ.

О, сынъ мой, не отступай отъ тѣхъ основаній, которымъ ты мною обученъ! Всѣ возраженія и ограничиванія, содѣлываемыя противу оныхъ, суть пустыя изобрѣшенія подлаго самолюбїа, избалованной нѣжности и безчестнаго страха смерти. Любовь къ отечеству есть вмѣстилище всѣхъ общественныхъ добродѣтелей. Коль мало добродѣтели имѣетъ тотъ человекъ, которой отечество свое единственно ради себя любитъ; котораго дѣйствїя единственно основаны на корыстолюбїи, который служитъ своему государству за самое по золото, за которое бы онъ ему столько же охотно измѣнилъ! Да споспѣшествуетъ самолюбїе твое и личная

ная твоя благодарность любви твоей къ отечеству; можетъ статься она чрезъ то выиграетъ; хотя бы она и не была удовольствована, однако она не должна ей вредить. Отечество должно предпочитать всему. Хотя любовь наша беретъ начало свое отъ единыхъ особъ, и разпространяется отъ нашихъ родителей на нашихъ родственниковъ, друзей, согражданъ, и такимъ образомъ на все государство: однако послѣднее должно быть нами предпочитаемо первымъ, поелику оно содержитъ въ себѣ всѣ сіи родства и союзы.

Тотъ, который не чувствуетъ никакой любви къ своему отечеству, не можетъ сохранить ни одного изъ всѣхъ въ оной заключающихся союзовъ и должностей. Онъ будетъ размѣрять всѣ свои услуги по собственной своей пользѣ; онъ тогда спасетъ только своего согражданина, когда способность ему позволитъ; онъ будетъ помогать бѣдному, когда собственная его выгода въ томъ ничего не потеряетъ; другъ, братъ и отецъ его напрасно будутъ ожидать отъ него вѣрности, любви и благодарной вѣжности съ преодоленіемъ его самолюбія.

Запрещены ли намъ всѣ сіи блистающія безкорыстныя добродѣтели, которыми

порымъ все попомство удивляется? Должно ли столько намъ превосходныхъ примѣровъ, которые Спарта и Аѳины представляли, и которыми ревнивельной Римлянинъ подражалъ, и можетъ быть достигъ, почитать ни за что иное, какъ за надгробныя зданія мертвцаго, котораго мы почитаемъ, а никогда не надѣемся паки увидѣть? Развѣ сіи пространныя предѣлы столь славнаго пупи, и развѣ сіе великое поле, на которомъ любовь къ отечеству находится случай къ опмѣннымъ дѣянїямъ, для насъ заграждены? Развѣ мы ничего больше не можемъ, какъ удивляться и завидовать? — Нѣтъ, любезный сынъ! все отъ насъ зависитъ, мы называемъ наше нехотѣніе невозможностію. Ты можешь съ равнымъ благороднымъ преодолѣніемъ самаго себя равную исполнить добродѣтель; можешь сражаться за швое отечество; можешь спокойствїе его искупить швоею кровїю.

Внемли теперъ его гласу, оно тебя зоветъ; тысячи возвышаютъ свой гласъ, и призываютъ шѣхъ въ помощь, которые могутъ держать въ рукахъ мечъ къ ихъ защищенїю. Сей есть священный гласъ: гласъ старцевъ, желающихъ по многотрудныхъ лѣтахъ малое число

минутѣ имѣ въ жизни остающихся пре-
 проводить въ покоѣ, безѣ недостатка
 и припѣсненія; гласѣ матерей, даро-
 вавшихъ сыновьямѣ своимѣ жизнь съ
 опасностію и болѣзнію, дабы они ихѣ
 нѣкогда могли защищать; гласѣ сущихѣ
 младенцевѣ, пребующихѣ отѣ тебя со-
 храненіе ихѣ жизни, которою они со
 временемѣ будутѣ одолжены своему
 отечеству: сей есть гласѣ всѣхѣ не-
 щастныхѣ, которые не въ состояніи са-
 ми себя защищать, и безѣ помощи сво-
 ихѣ согражданѣ должны подвергнуться
 неминуемому похищенію непріятелей
 и свирѣпствамѣ войны: уже ли поль-
 многіе вошше будутѣ просить помощи.

По крайней мѣрѣ не у тебя мой
 сынѣ! естли бы никакія другія обяза-
 тельства не могли тебя принудить сра-
 жаться за пвое отечество; и естли бы
 любовь къ твоему отечеству ничто
 иное было для тебя, какѣ мечта; то
 званіе пвое превратило бы оную для
 тебя въ должность. Жизнь твоя прина-
 длежитѣ собственно государству: дол-
 жность твоя велитѣ биться за него,
 и умереть естли потребуетѣ нужда. Ты
 принялъ отѣ него мечь, ты не можешь
 онаго положить. Оно заплашило тебѣ
 за кровь, которую ты, можетѣ быть,
 прольешь за него. Не жалѣй ее, когда
 ну-

нужда потребуетъ; помни, что она есть сокровище, не тебѣ, но ему принадлежащее. Трусъ, который не разсуждая о своей должности, подлымъ бѣгствомъ спасаетъ свою жизнь, спасаетъ ея ко стыду, и похищаетъ ея у государства, которому онъ ея продалъ.

Помни, кого ты оставилъ въ своемъ отечествѣ! друзей, которые тебя любятъ, сродниковъ, которые на тебя надѣются, слабыхъ братьевъ и сестръ, которые трепещутъ за твою честь, сѣдаго отца и сѣдую мать, даровавшихъ тебѣ жизнь; для защищенія ихъ живота, все ихъ имѣнiе, прокормленiе въ ихъ безпомощной старости, надежду твоихъ братьевъ, и собственное твое наслѣдiе!

Какъ лѣта мои позволяли еще мнѣ дѣйствовать мечемъ опечества, по я воевалъ отваживая жизнь мою за право моего государства, и купно за тѣхъ, которыхъ родство крови со мною соединяло; за ту, которая тебя родила, за твоихъ братьевъ и сестръ, и за тебя. Теперь когда безсильная старость изпоргаетъ изъ рукъ моихъ мечъ, теперь я тебѣ долженъ вручить его, и по справедливости ты долженъ отважить жизнь твою для того, которой толь часто за тебя своею жертвовалъ.

И такъ сражайся, сынъ мой, за поль священное право. Капли крови мало за лавръ, который завоевать должно на полъ славы. Возвратись побѣдителемъ; или лишись швоей жизни за швое опечество съ шѣми, которые не спрашатся смерти для его благоденствія!

Перепель Василей Данилошъ.

II.

П И С Ь М О

ЭПИХАРМА КЪ ДОЧЕРИ СВОЕЙ
ЭВХАРИИ.

Поспѣшающими стопами, Эпхарія, приближается мой часъ. Вооружайся услышать о моей смерти съ такою же твердостію, съ какою я ея встрѣчаю. Не льстися надеждою, чтобъ ты могла швоего опца испросить своими молитвами у премилосердаго Создателя; я ужè довольно чувствую, что солнце, шеперь заходящее, никогда паки надо мною не взоидетъ. Неизвѣстный гласъ, можетъ быть гласъ моего Ангела, внушалъ мнѣ шихо во время сна, подобно вздоху благочестиваго,

возвратившагося въ себя, и тихо молящагося Создателю: „полунощный часъ разорветъ всѣ узы, къ землѣ тебя привязывающія. Тогда ты съ глубокимъ и послѣднимъ вздохомъ испустишь освобожденную твою душу къ Богу, и начнешь твое великое опредѣленіе въ ономъ свѣтѣ. „ Тако вѣщалъ гласъ: предчувствуемое спокойствіе распространилось въ душѣ моей, и сладчайшее укрѣпленіе яко изъ врачебной чаши вливалось въ мои безсильные члены, боровшіеся уже цѣлый годъ съ рукою смерти.

На нѣсколько часовъ я еще возвращаюсь изъ укрѣпляющаго сна въ жизнь, и вижу послѣднее захожденіе солнца. Можетъ быть для тебя, дочь моя, я пробудился! Ибо впрочемъ, что такое я еще оставляю подъ солнцемъ, что бы меня возбудить могло отъ послѣдняго дреманія, и что бы на минупу въ состояніи было удержатъ мою уже оплешающую душу? О! ты единый предметъ моихъ попеченій, для которой я въ объятіяхъ смерти, при порогѣ неба, воздыхаю, и которой любовь столь сильная, какъ природа, старается о моемъ освобожденіи, и удерживаетъ сильнѣйшую удалиться желающую мою душу; повѣрь, духъ мой насытившійся наслажденіями земныхъ веселій и трудными удовольствіями, и поспѣшающій на-

на встрѣчу послѣдному своему опредѣленію, возвращается еще для тебя отъ пущи къ небу. Посреди торжественныхъ молитвъ, между прелетомъ смерти, стремятся его къ тебѣ мысли въ низъ на землю, и причиняютъ его разлуку съ плотскою жизнію тягчайшею. Я долженъ еще излить предъ тобою сердце исполненное отеческимъ чувствованіемъ; ибо когда оно совсѣмъ очистится отъ свѣтскихъ заботъ, то моя душа легче по единомъ вздохѣ поднимется на небо. Послѣднее благословеніе, любезное дитя, ты уже отъ меня получила. Слабыми руками, которыя едва уже могли обнимать, прижималъ я тебя къ моему помнобіющемуся сердцу. Я покушался говорить, и говорить многое, дабы въ сіи торжественныя минуты вліять въ нѣжное твое сердце наставленія, которымъ научаются только на краю гроба; но неизреченная горестъ окамѣнила дрожащій языкъ, и я остался безмолвенъ, приложивъ мои уста къ твоимъ. Мнѣ надлежало бороться со слезами моими, которыя хотѣлъ я отъ тебя сокрыть; когда съ твоихъ цвѣтущихъ щекъ слезы лилися рѣками. Въ то время, *Эпхарія*, когда душа моя не безъ борьбы должна была оставить свое жилище, я съ смертію боролся: ты покрыла лице

твое

твое покрываломъ и спѣшила изъ объятій моихъ, дабы въ уединеніи проливать обильныя слезы, и я уже думалъ, что я тогда умру. Глаза мои становились часъ отъ часу помнѣе, и я погрузился въ объятія укрѣпляющей дремоты.

Теперь я пробудился, какъ бы изъ мершвыхъ воскресъ, и небомъ укрѣпленъ; и какъ присутствіе твое нарушило бы пишину моихъ мыслей, то опеческое мое сердце должно излиться на сей листъ. Сіе есть послѣднее тебѣ отъ меня духовное завѣщаніе, любезная дочь! оно наилучшее завѣщаніе, если ты примешь.

Подъ руководствомъ нѣжнѣйшія любви со тщаніемъ воспиталъ я тебя, о надежда моя старости! отъ которой теперь смерть меня отторгаетъ, ты въ моихъ глазахъ разцвѣла, какъ прекрасный цвѣтокъ подъ смотрѣніемъ садовника. Всѣ попеченія уединенныхъ, печальныхъ моихъ часовъ, сіе тяжкое увѣщаніе твоя умирающія матери, оставленное мнѣ ею во всѣхъ моихъ объ ней горестяхъ, устремилися на тебя, и все мое сердце нераздѣльно принадлежало тебѣ. — Ахъ! сколь я былъ въ тебѣ шасливъ, ты возлюбленный образъ цвѣтущія матери, которой душа

ша была прекраснѣе, нежели тѣло, въ которомъ она обитала! Ты была еще младенцемъ; весьма молода, чтобъ чувствовашь потерю наилучшя матери, какъ она скончалась въ моихъ объятіяхъ. Но уже въ семъ юношествѣ явилось доброе швое сердце. Часто, когда на единѣ опершися на руку, я сидѣлъ, и слезы напоминанію швоея возлюбленныя матери посвященныя шекли тихо по моимъ щекамъ, ты между дѣтскими игрушками, пронутая равною печалію, взирала сострадательно на меня, стояла, какъ невинность, позабывала игру, возбуждала невинныя улыбки на швоемъ лицѣ покрыпомъ любезною горестію, и отвергавшемъ всѣ радости, и поспѣшала съ распростертыми руками въ мои объятія, которыя разверзались для тебя. Я скрывалъ отъ тебя мои слезы, прижималъ тебя къ упомянному моему сердцу, и ты внимала изъ моихъ устъ всѣ преподаваемыя мною тебѣ наставленія. Небо услышало мои молишвы, и попеченія мои о воспитаніи швоемъ благословило успѣхомъ. Ты находишься въ цвѣтущихъ лѣтахъ; но оно не благоволило мнѣ имѣть радости, которою наслаждается старость, узря добродѣтели своихъ дѣтей, съ трудомъ воспитанныхъ. Цвѣтокъ мною поса-

посаженный, и стараніемъ моимъ выращенный, не будетъ на меня испарять благовонія; — да благоухаетъ онъ достойному, заслуживающему обладать добродѣтельной помощницею! —

Скоро, дочь моя, я тебя оставлю; увы! въ опасныхъ лѣтахъ ты лишишься своего вождя, въ которыхъ спрости сильнѣе несовершеннаго разума. Цвѣтущее твое юношество щипаетъ только семнадцатъ лѣтъ: незрѣлый возрастъ противъ свѣтскаго прельщенія! мое отеческое сердце содрогается о тебѣ! о естли бы мнѣ небо даровало еще въ жизни сіе благополучіе, чтобъ видѣть тебя врученною объятіямъ честнаго и для тебя избраннаго возлюбленнаго, коль бы спокойна была смерть моя! коль бы спокойна! — Однако соизволеніе его не такъ рѣшило. Между тѣмъ слезы мои съ моими молитвами должны просить за тебя. Око мое будетъ еще взирать съ неба на тебя, и крылья Ангела, котораго оно даетъ въ защиту невинности, будутъ покрывать тебя. — Но ради всѣхъ заботъ, которыя несетъ чувствительное родительское сердце, и которыя мое сносило для тебя, ради сихъ слезъ, которыя проливалъ я при нашемъ разлученіи, при моемъ благословеніи, которое я тебѣ оста-

вляю, прошу тебя, любезная дочь, въ которой я оставляю на свѣтѣ мое сердце, не позабуди священныхъ наставленій мною тебѣ данныхъ. Помни всегда о увѣщаніяхъ мною повворяемыхъ, и вѣрь, что то истинна, чему обучаетъ умирающій.

Не отваживайся ни на какой опасной шагъ въ свѣтѣ; всякой проступокъ отдаляетъ отъ престола пупи, и приближаетъ къ гибели; разсуждай о каждомъ дѣйстви, и укрѣпляйся преодолѣть. Борись естъ опредѣленіе смертныхъ, на престолѣ и въ хижинахъ: въ оныхъ съ несчастіемъ, а тамо со счастіемъ, но вездѣ съ собственнымъ нашимъ сердцемъ. Да будетъ добродѣтель всегда твоимъ правиломъ; слѣдуй безпрестанно за ея стопами, хопя бы она повела тебя чрезъ тернѣ, стремнины и стѣпи, слѣдуй ей всегда! Небо благословило мои шруды, и тебѣ остается великое имѣніе. Но земныя сокровища суть плѣнны, дочь моя! хищеніе рока, пламени, времени и челоуѣческой злости, которая часто бываетъ всѣхъ свирѣпѣе, неизбѣжно. Не полагайся на плѣнныя имѣнія, безъ оныхъ и безъ палатъ богатаго, въ соломенныхъ хижинахъ обитаетъ истинный миръ и житейское счастіе; а посредѣ изобилія царствуетъ часто горестъ. Хопя имѣніе

ніе мною тебѣ оставляемое безгрѣшно. Нѣтъ на немъ никакого проклятія, никакая слеза ограбленныхъ вдовъ и сиротъ на немъ не пролипа. Все пріобрѣтено моимъ прилѣжаніемъ, или даровано небеснымъ благословеніемъ, ты можешь безъ препеши онымъ наслаждашься и что тебѣ Провидѣніе опредѣлило, то оно и сохранитъ для тебя, будущей сироты! Но можетъ быть оно вознамѣрилось искушать тебя! и что бы съ тобою тогда было, несчастная: естли бы оно у тебя взяло назадъ то, что оно тебѣ даровало; и естли бы ты на немъ основала всю надежду твоея жизни? Тогда бѣдность была бы для тебя несноснѣе стыда; твоя собственная гордость сдѣлалась бы тебѣ тогда ужаснѣйшимъ врагомъ; и ты немного уважала бы потерю невинности и добродѣтели, для пріобрѣтенія опятаго у тебя небомъ во искушеніи. Увы! коль многіе погрузились подъ симъ искушеніемъ! Опасность бѣдности уже многимъ невиннымъ измѣнила! — Познакомься заблаговременно съ бѣдностію и разсуждай прямо о чести. Она не всегда сопровождаетъ пышность. Обиталище ея есть добродѣтельное сердце. Храни сіе и полагай все твое достоинство въ томъ, чтобъ быть невинною и добродѣтельною; по-

гда едва ли будешь чувствовать бѣдность. — Правда, что бѣдность ужаснѣйшій имѣетъ видъ для гордости человѣческой, но добродѣтельный почитается и въ раздранномъ рубищѣ, его покрывающемъ. Добродѣтель блистаетъ во шмѣ бѣдныхъ жизни, какъ алмазъ въ пыли. На престолѣ она возбуждаетъ почтеніе, а въ рубищѣ удивленіе. *Памела* есть превосходнѣйшее имя женщины, гораздо значнѣе, нежели имя Царицы. Если бы небо опредѣлило, подвергнуть тебя сему искушенію, то прахъ мой еще въ земномъ нѣдрѣ чувствовалъ бы радость, и отшедшая душа моя ощущала бы болѣе возхищенія на небѣ, если бы возможно, увидя тебя добродѣтельною въ бѣдности.

Но если благость Божія оставляетъ тебѣ сіе имущество, то употребляй оное къ тому, къ чему она тебѣ даровала. Да изліется твое сердце и на стенающихъ подъ бременемъ житейскимъ. Бѣдность даетъ истинное право требовать состраданія обязывающаго къ помощи. Не допускай проливаться тѣмъ слезамъ, которыя ты можешь осушить; слезы нами неопираемыя тогда, когда мы можемъ, суть равны слезамъ, нами самими причиненнымъ. Поспѣшай охотно на помощь

мощь бѣдности прежде нежели она проситъ, и предупреждай щедростію прозьбу. Щедрость заплачена! увы! она дорого заплачена, естли она покупается вздохами, и ужè не имѣетъ на небѣ никакія заслуги. Разсѣвай щедро благодѣянія около тебя, и не стыдись той слезы, которая изпоргается изъ очей твоихъ при возрѣніи на бѣдность: она есть изпеченіе небесныя души, и печетъ съ восхищеніемъ, провождаема будучи небеснымъ спокойствіемъ, изъ щедрости и добродѣтели. Око подателя, при подаяніи неорошающаго очей своихъ слезами, показываетъ часто нечувствительное сердце. Сладость, произтекающая отъ благодѣянія, отъ него сокрыта. Коль пріятно душѣ воспоминаніе, что она отдавала нужду чловѣческую, облегчала опечаленное сердце, и помогала почтенной страдающей старости! Коль успокоиваетъ насъ внутреннее сіе чувствованіе, и приводитъ насъ въ состояніе нѣжнѣйшаго восторга! Разсѣянные благодѣянія, *Эпхарія*, суть сѣмена предбудущей богатой жатвы истинныхъ радостей. Уже въ жизни ихъ пожинаяютъ; но на краю гроба, о какое неописанное обиліе утѣшенія и спокойствія! повѣрь мнѣ, оныя теперь ощущающему!

Юношество весьма несклонно предаваться истиннымъ и важнымъ разсужденіямъ; оно думаетъ имѣть право на забавы прежде времени, и почитаетъ, что наилучшими разсужденіями скучно препровождать прекрасные свои часы. Но не прельщайся, дочь моя, общимъ предразсужденіемъ, не веди безразсудную жизнь въ разсѣянїяхъ, и не почитай важныхъ мыслей за задумчивость. Въ размышленіи состоитъ жизнь души, и въ разсужденіи главнѣйшее удовольствіе. Наше въ свѣтѣ путешествіе опасно и долго! Непогоды и бури колеблютъ безпрестранно исполненное каменными горами море, чрезъ которое переплыть мы должны! Путь опасенъ, дорога страшна, по правую и по лѣвую сторону лежатъ скрытые камни и мѣли. Время помышлять о томъ, пока мы парусы не подняли. Время учиться морской картѣ, и выучиться знать всѣ опасныя мѣста, примѣчать каменья и мѣли, предвидѣть бури, и предуготовиться ко всѣмъ возможнымъ приключеніямъ! Тогда мы будемъ готовы на всякую опасность, вооружены противъ всякаго непріятеля, и снабдѣны противъ всѣхъ приключеній. Ничто, по крайней мѣрѣ ни кошорая изъ сихъ самыхъ обыкновенныхъ приключеній, намъ не случится

чится нечаянно, и кто предвидитъ зло, тогдѣ ужѣ половину его преодолѣлъ. Ахъ! еще довольно остается приключеній, о которыхъ мы не думали; и можетъ быть не могли думать! — Однако тогда мы будемъ знать прописаны большей части оныхъ, и спокойны будемъ въ большей части нашей жизни.

Но тогда да не будетъ послѣднею своею мыслию, чтобъ разсуждать о намѣреніи своего путешествія, хотя бы сіе разсужденіе было и истинное — Но о концѣ подумай! что ты живешь для того, чтобъ умереть; не выпускай изъ глазъ твоихъ сего великаго и важнаго слѣдствія. Оно будетъ для тебя источникомъ наипревосходнѣйшихъ наставленій. Оно научитъ тебя болѣе, нежели всѣ училища наставить могутъ: сіе единое правило содержитъ въ себѣ болѣе, нежели цѣлыя книги, научайся умереть! тогдѣ только умѣетъ умереть, кто довольно смѣлъ, чтобъ смотрѣть въ глаза смерти, и тогдѣ только можетъ на ея взирать, которой съ нею сдѣлался друженъ. Вотъ пользы разсужденія: учишься умереть, великая наука! Что насъ нечаянно застигаетъ? Внезапной громовой ударъ, предъ нами поражающій, землетрясеніе открывающее подъ нашими но-

гами бездну, приводятъ насъ въ ужасъ; но смерть не принадлежитъ къ симъ нечаяннымъ приключеніямъ; она определена такъ вѣрно, какъ жизнь: и должна ли она насъ устрашать? Когда она устрашаетъ, то она есть наиужаснѣйшее, а при томъ самое неизбѣжимое зло! но взирай на нее, и приобучай себя къ размышленію, что ты должна умереть; то она потеряетъ свои ужасы. Что нестрашно, когда оно противъ нашего чаянія придетъ? Самое солнце, сей радостной свѣтъ разпространяющій день на прекрасную возобновленную землю, сіе блистающее сіяніе, прогоняющее ужасъ ночи, устрашило бы нѣсколько слѣпорожденнаго, естли бы судьба ему вдругъ отворила глаза. Громъ, который мы безъ страха слышимъ, поелику мы къ нему привыкли, повергъ бы съ ужасомъ на землю того, который въ первый разъ услышалъ бы его надъ своею главою. Но мы не спрашимся того, къ чему мы привыкли; и кто себѣ часто напоминаетъ, что онъ долженъ умереть, приобучаетъ себя наконецъ взирать на блѣдное свое тѣло бездыханно разпростертое, и на глаза закрытые, когда сердце уже больше не бьется, и кровь охолодѣла, какъ онъ безчувственеленъ и глухъ лежитъ на

ПОДО-

подобіе дерева , срубленнаго съ корня сѣкирою: онѣ пріобучаетъ себя помышлять о томѣ времени , въ которое онѣ простится со свѣтомѣ и исчезнетъ подѣ звѣздами: онѣ пріобучаетъ себя въ жизни тогда умереть , когда дни его совершатся , и какѣ спокойно онѣ претерпитъ смерть , которой онѣ ужѣ давно пересталѣ бояться!

Сіе разсужденіе , любезная моя *Эпхарія* , будетѣ обильно превосходными наставленіями: оно научитѣ тебя часѣ отѣ часу больше освобождаться отѣ оковѣ , которыми многія свѣтскія желанія привязываютѣ тебя къ землѣ; оно возвыситѣ взоры твои гораздо выше сей жизни , надежды твои направитѣ на вѣчные предметы , и жизнь твою сохранитѣ въ невинности. Ты будешь учиться , что ты ни о чемѣ не должна пещися , ни о сокровищахѣ , ни о чести , ни о другихѣ какихѣ предметахѣ , на которые склоняются земныя желанія , но единственно о твоей совѣсти. Кто хочетѣ спокойно умереть , тотѣ долженѣ самѣ съ собою жить мирно; онѣ не долженѣ въ себѣ имѣть врага; совѣсть его должна быть его другомѣ; онѣ долженѣ стоя на краю могилы и озираясь на свою жизнь , возрѣть на связь хорошихѣ предметовѣ , на благородныя

дѣла, и блистающія добродѣтели. Тогда онѣ умирая можетъ ожидать спокойствія. Но смерть злодѣя ужасна; хотя бы вся жизнь его была непрерывнымъ благополучіемъ: (ежели беззаконіе и благополучіе суть понятія другъ другу непротивныя) и пропекъ бы каждый его золошой часъ веселыхъ дней подъ розами удовольствія: однако минута наполненная смертнымъ страхомъ была бы ужаснѣе, нежели сколь пріятна цѣлая жизнь исполненная радостей.

Но о сладчайшій покой добродѣтели самой себя познающей, посредъ борьбы долженствующей разлучить душу отъ тѣла! никакія слова, дочь моя, не могутъ довольно изобразить, сколь много оный стоить; языкъ весьма недоспапоченъ къ изъясненію тебѣ всего того, что я чувствую, да и самыя сны ободрительны. Около меня стоятъ сіяющія лица, образы Ангеловъ, и я уже зрю на область веселія и непремѣннаго благополучія! — Естлибы ты могла видѣть то, что я вижу, чувствовать то, что я чувствую, и надѣяться, чего я надѣюсь! естлибы ты могла ощущать сіи успокоенія, и сію тишину царствующую теперь въ моемъ сердцѣ; то бы я могъ, о дочь моя, быть увѣренъ, что добродѣтель содержитъ

жать будетъ тебя вѣчно въ своихъ нѣжныхъ оковахъ, и что сердце твое забудетъ землю, и возгнушается порокомъ! — Однако я сего отъ тебя уповаю, поелику я тебя воспиталъ для добродѣтели и неба; я надѣюсь сего, и заклиная тебя въ часъ моей смерти, часомъ, въ которомъ ты мнѣ слѣдовать будешь, чтобъ ты такъ жила, чтобъ ты такъ могла умереть, какъ я. — Силы мои истощены, я долгъ мой исполнилъ, прими еще мое благословеніе, и живи щасливо, — живи добродѣтельно.

Перепелъ Василей Данилопъ.

III.

С О Н Ъ.

Никто не можетъ похвастаться счастливымъ, кромѣ того, который думаетъ о себѣ, что онъ счастливъ. Чтожъ значитъ думать о себѣ?

Я видѣлъ одного человѣка, который, какъ мнѣ сказывали, былъ сумасшедшій. О! вскричалъ онъ, какое удовольствіе! Посмотрите на сіи сады, мною и по моему вкусу разведенные; мнѣ принадле-
житъ

житѣ цѣлая земля. Я имѣю любви достойную супругу, которую я обожаю, и великой достатокѣ; нѣтъ ни одного человѣка, который бы мнѣ въ помѣ завидовалъ, кольми паче таково, который бы на меня злобствовалъ. О небо! какъ долженъ я тебя возблагодарить за всѣ сіи благодѣянія? — Прислали лекаря къ нему, чтобъ его вылечить отъ безпамятства сего. Онъ щупалъ его пульсъ и приписывалъ ему лекарства столь хорошимъ выборомъ и щасливымъ успѣхомъ, что больной пришелъ опять въ совершенный разумъ, и всѣхъ прежнихъ своихъ ложныхъ представлений о благополучіи, которыми онъ не владелъ, лишился. Лекарь требовалъ, по надлежащему, награжденія за свои труды: однако сколь велико было его удивленіе, какъ бывшій больной ему опказалъ бранными словами. Тебѣ, сказалъ онъ, тебѣ долженъ я дать награжденіе, тебѣ, который учинилъ меня несчастливымъ? за что? за то развѣ, что я теперь также думаю, какъ и другіе люди, за то, что ты у меня похитилъ мое удовольствіе; за то, что ты у меня опнялъ мое богатство, и исторгнулъ изъ объятій моихъ любви достойную супругу. Ты не долженъ имѣть ни одной полушки. Поди, или я тебѣ покажу дорогу. Лекарь

карь весьма удивился, и выходя отъ него сказалъ съ великою досадою: я вѣрно получу мою заплашу. Онъ пошелъ въ судъ, и приносилъ жалобу, почему другой и былъ къ оному позванъ. Судья спросилъ его, признается ли онъ, что находящійся тутъ лекаръ чрезъ свое стараніе возвратилъ ему разумъ? На что онъ отвѣчалъ: такъ, это справедливо. И такъ вы должны ему по праву заплашить десять талеровъ, сказалъ судья. Ни десяти полушекъ не хочу я ему заплашить, потому же праву, кричалъ обвиненный; ибо онъ меня сдѣлалъ несчастливымъ. Онъ у меня отнялъ мое государство, мои великолѣпныя замки, мои драгоценныя сады, моихъ слугъ, и что мнѣ всего дороже, мою прекрасную супругу. Другъ мой, отвѣтствовалъ докторъ, сіе было одно только твое пустое воображеніе. Конечно оно было воображеніе, сказалъ обвиняемый; однако не былъ ли я тогда столько же счастливъ, какъ естли бы я всѣмъ онымъ въ самомъ дѣлѣ владѣлъ? Положимъ, чтобъ не было пустыхъ воображеній, и я бы всѣмъ прежнимъ дѣйствительно владѣлъ, но при всемъ томъ былъ бы боленъ или безпокоенъ, то чувствовалъ ли бы я такое счастіе, какимъ я наслаждался чрезъ

чрезъ пустое воображеніе? Изъ сего заключаю я, что лекаръ требовать только по праву можетъ заплаты отъ богатаго человѣка, по излеченіи отъ болѣзни его безпокоевшей, а не отъ бѣднаго, который имѣлъ счастіе впастъ въ пріятное заблужденіе, что онъ богатъ и всѣмъ доволенъ. И такъ когда счастіе состоитъ только въ воображеніи; то прошу нижайше Доктора принудить, чтобъ онъ или мое воображеніе возвратилъ мнѣ по прежнему, или опдалъ мнѣ все свое имѣніе, чтобъ мой убытокъ хотя нѣкоторымъ образомъ чрезъ то наградился. Ибо я точно знаю, что его имѣніе не составляетъ государства. Судья разсудивъ довольно о всемъ настоящемъ, объявилъ слѣдующее свое мнѣніе: „какъ изъ представленія обвиненнаго видно, что его лекаръ совершенно вылечилъ, а только его веселое сумозбродство перемѣнилъ въ печальное; то обвиненный не только неповиненъ хотя малѣйшее что заплатить челобитчику; но сей долженъ сверхъ того обвиненному всякій годъ спавить приста бупылокъ хорошаго Венгерскаго вина, дабы онъ чрезъ сіе либо избавился отъ своей Меланхолии, или по крайней мѣрѣ перемѣнилъ бы печальное сумазбродство на веселое, и такъ бы послѣдо-

слѣдовало совершенное излеченіе. По чему челобитчикъ и не долженъ болѣе отговариваться въ поставкѣ Венгерскаго вина. А чшобъ обвиненный не былъ обманутъ и ему бы вмѣсто хорошаго Венгерскаго вина не поставили худаго и поддѣланнаго, то челобитчикъ долженъ намъ всякую недѣлю вино приносить, дабы мы его прежде могли опробовать.

*Перепелъ съ Нѣмецкаго языка
Папелъ Воейкоцъ.*

IV.

VIII. ПѢСНЬ

Надежда на управленіе Божіе.

Ты Боже, волею Своею
И чрезъ премудрый Твой совѣтъ,
Да правишь волею моею.
Ты произведѣ меня во свѣтъ,
Не можешь пварь свою презрѣши.
Отъземлешь иль даеши намъ,
Всегда швои бываемъ дѣши,

Послѣдую Твоей я воли,
Хотя бы повела она
Пушемъ терновыя юдоли,
Иль гнѣвъ постигъ бы Твой меня;
Сносить сіе съ весельемъ спану.
Единъ Ты силенъ все то знаешь
По Твоему предвѣчну плану,
Что можешь мнѣ спасенье дать.

Во всемъ намъ испинну вѣщаешь,
И Свяшы все слова Твои;
Ненарушимо сохраняешь
Обѣщанья, Боже, къ намъ свои.
Ты управляй душой моею.
И имѣешь помощь къпо Твою,
И утѣшается къпо ею,
Тому шлешь благость Ты свою.

Изъ сердца скорбь да изженется.
Господь мой въ небеси живешь,
И съ высоты о мнѣ печешься;
Его ушѣха солнца свѣтъ,
Кой въ мрачно утро здѣсь сіяетъ.
Съ надеждой буду сопряженъ,
И па меня да укрѣпляетъ:
Придешь правосудный день.

Когда сего не можешь быти,
Чтобъ власъ главы палъ безъ него;
Не силенъ ли онъ учиниши
Блаженства твердымъ моего?
Кто вѣруетъ въ него въ смиренъ,
Тотъ имъ бываетъ награжденъ;
Надежда въ немъ есть услажденье,
И свой не будетъ имъ забвенъ.

Здѣсь часто тщетно я рыдаю,
 Земной надеждой обольщенъ.
 Съ терпѣніемъ да ожидаю:
 Отверсна будетъ въ нѣкій день
 Сія мнѣ книга Провиденья,
 Гдѣ узряшъ и глаза мои,
 Колю всѣ достойны удивленья,
 О Господи! пуши Твои.

Спраданья, слезы, огорченья,
 Какія можемъ здѣсь сносить,
 Того не споятъ прославленья,
 Чшо должно мнѣ открыто бысть.
 Тогда воскликну въ восхищеньѣ
 Къ тебѣ о Боже Всевышній!
 И вознесу гласъ въ ушѣшенъѣ:
 Мнѣ велие содѣлаалъ Ты.

 V.

Пѣснь на Рождество Христопо.

Сынъ челоуѣческій, да будетъ восхваленъ!
 Онъ съ пренебеснаго нисходитъ къ намъ Престола,
 Желая, чшобы родъ Адамовъ былъ спасенъ,
 Одежду плошяну пріемлетъ смершна дола.

Всесильный всяческихъ Владыка и Творецъ,
 Которымъ швари всѣ и нынѣ содержимы;
 Его же прежде вѣкъ родилъ въ себѣ Ощецъ,
 Смирися равенъ намъ, спалъ челоуѣкамъ зримый.

Часть III. мѣс. Ноябрь.

Н

При-

Приходишь падшаго долгъ тяжкій понести,
Любви Божественной исполненъ и терпѣнья,
Вкусишь прокляшье, смерть и тяжкія мученья,
Подъ кои насъ законъ былъ мощенъ подвешенъ.

Насъ Ангелъ не возмогъ отъ клятвы искупить.
Да обратишься рокъ закономъ положенный.
Ходамай шаковый сіе могъ совершить,
Который безъ конца, числомъ неизочпленный.

Богъ близокъ былъ отъ насъ и помощь не отъялъ,
Вра, какъ во крови мы злощасны погружались,
Единороднаго за насъ онъ сына далъ,
Единымъ имъ судьбы ошдевы оправдались.

Владыко всѣхъ Ощецъ миръ тако возлюбилъ,
Что первенца ошдашь никакъ не пощадилъ.
Кто вѣрю въ Него Святою возрастаетъ,
Къ блаженству вѣчному того предназначаетъ.

Къ ушѣхъ онъ совѣтъ собой исполнилъ шотъ,
Сынами Божьими гдѣ избранъ смертныхъ родъ!
Исусъ грядетъ! обѣтъ имъ Ошчій совершился.
Яремъ грѣха на насъ тяжелый сокрушился.

Исполилъ онъ сіе зракъ рабій возпріавъ,
Не яко Судія грѣхи онъ осуждаетъ;
Но братомъ, другомъ, намъ училемъ представъ,
Онъ милосердіе и кропосшь изъявляетъ.

Я прежде бѣденъ былъ и нагъ, не облоченъ:
Теперь отъ яслей мнѣ богатство изліялось.
Ошринутъ прежде былъ и зрѣнія лишенъ:
Мнѣ шипло Божія днесъ сына даровалось.

Веселый нынѣ взорѣ къ Владыкѣ возвожу,
 О шило славное! о щасные пребезмѣрно!
 Не Бога гнѣвнаго, ошца въ немѣ нахожу,
 И примиреніе мое съ нимѣ спало вѣрно.

Что въ Сынѣ мнѣ Ощецѣ Небесный даровалъ,
 Когда мой духѣ о томѣ въ восшоргѣ размышляешъ,
 Чѣмѣ за любовь сію ему я долженѣ спалъ,
 Съ благоговѣніемѣ хвалы полнѣ ошущаешъ.

Соборѣ Небесныхѣ силѣ участіе беретъ,
 На искупленнаго съ любовію взирая,
 Съ Прешола Ошцаго на Землю шедшій свѣтъ,
 Со изумленіемѣ въ восшоргѣ прославляя.

Ихѣ гласѣ со звукомѣ дирѣ ко Господу лешитъ;
 Внимаешъ съ радостью сей сладкой ихѣ музыкѣ:
 Рожденѣ онѣ, вошюшъ, и въ пѣлѣнахѣ повитъ;
 Играешъ, смертные, шоржешъ въ веселомѣ ликѣ.

Изчезни сатана; дрожи, прочѣ убѣгай.
 Да всяческихѣ Господѣ пребудешъ славенѣ въ вышнихѣ
 Днешъ всякѣ съ весельемѣ мирѣ ниспосланный срѣтай;
 Пой Христіянинѣ днешъ во пѣсняхѣ всюду слышныхѣ.

Изчезни грѣхѣ и адѣ; окончанѣ смерти пирѣ.
 Се міра Царѣ, Герой, Еммануилѣ, Спаситель.
 Во вышнихѣ славенѣ Богѣ и на земли днешъ мирѣ,
 Рдемѣ Аллилуія: Онѣ грѣшныхѣ Искупитель.

VI.

Вечерняя Пѣснь.

Уже и сей сокрылся день,
 Взятъ моего съ собой часть вѣка!
 О Боже онъ исчезъ какъ пѣнь,
 Ему и вѣчность недалеко!

Превратность мнѣ сія немолчно ты твердишь,
 Что лучшее памѣ духъ опечество узришь.

Живопѣ, который ощущаю,
 Твоею силой сохраненъ;
 Твои щедроты познаваю
 И днесь побой я не забвенъ!

Источникъ всѣхъ благихъ, чѣмъ нынѣ упѣшался,
 Отъ бездны милосшей швоихъ мнѣ излілся!

Проникнули предъ Твой Престолъ
 Мольбы, что ушромъ возсылались;
 Спасенъ Тобою я отъ золъ
 Они напрасны не остались!

Въ дневныхъ шрудахъ помогъ, награду мнѣ по-
 (слалъ;

Какъ другъ усердный мой меня ты провождалъ.

Стараясь о моемъ спасеніи,
 Не внялъ Ты шщешныхъ прозбъ моихъ.
 Сердечны горькія бореньи

Суть даръ благихъ судьбъ Твоихъ;

Со удовольствіемъ шпрананія смѣшенны.

Съ коликой мудростью онъ совокупленны.

Ты пьмы мнѣ милостей явилъ,
 Кошорыхъ я совѣмъ не спою:
 Но ешьлибъ каждый грѣхъ казнилъ,
 Ошъ мукъ не зрѣлъ бы я покою.

Коль беззаконныхъ всѣхъ, о Боже, осуждалъ;
 То какъ бы предъ Тобой я грѣшникъ устоялъ?

Но благость вѣмъ швоя прощаетъ,
 Никто Тобою не презрѣнъ:
 Коль грѣшникъ слабость побѣждаетъ,
 Ты съ нимъ бываешь примиренъ.

Спокойство совѣсти его предходитъ ночи,
 И ушомленные шрудомъ смыкаешъ очи.

Щипомъ Твоимъ меня покрой,
 О, Саваоеъ! защипникъ буди;
 Да миренъ сонъ мнѣ дастъ покой;
 Въ ноци меня пы не забуди.

Ниже воздремлетъ шой, ниже когда уснетъ,
 Кошорой ошъ Небесъ Израила блюдетъ.

И въ смерти благость сокрываетъ,
 Храня въ обяшьяхъ насъ своихъ;
 Какъ даръ ее намъ посылаетъ,
 Ошъ узъ насъ разрѣшая сихъ.

Я ноць препровадя со пѣниемъ воспану:
 Все благо Ты создалъ; къ шебъ зываши спану.

VII.

Пѣснь Покаянія.

Тяжелѣ горы меня грѣхъ бременишѣ,
 Кипо мнѣ о Боже мой, кипо помощь мнѣ явишѣ?
 Меня свидѣтель мой всегдашній наказуетѣ,
 Всю внушренность мою Твой правый судѣ волнуешѣ,
 Гласѣ слова швоего какѣ страшный громѣ гремишѣ,
 Дымящійся Синай мой духѣ ужасишѣ зришѣ!

Чтобѣ сладостный союзѣ крещенія обновился,
 Мною часно еиміамѣ молишвы воскурился,
 Дабы возмогѣ я міръ сей льспящій одолѣшѣ
 И радость и покой въ Тебѣ одномѣ имѣшѣ,
 Но въ мигѣ, когда нога въ швой пущѣ уже вступаешѣ,
 Мя чувственность къ себѣ съ спремяемѣ увлекаешѣ.

Тщешна была мольба и духѣ не изученѣ,
 За благость опческу сколь мало Ты хваленѣ!
 Сколь много опягчалѣ я сердце суешою
 И къ гибели моей плѣнялся шой мечшою,
 Отѣ коей, чтобѣ мнѣ шомясь не погибашѣ,
 Всемѣрно долженѣ былѣ далече убѣгашѣ.

Я предстою шеперь шрепѣщущѣ и согбенный;
 Дерзнетѣ ли грѣшникѣ зрѣшѣ въ чершогѣ вознесенны,
 Гдѣ правосудія воздвигнушѣ Твой Пресшолѣ!
 Молю Тя не опринѣ исполненна всѣхѣ золѣ
 И Твоего лица не скрой предо мною;
 Не оправдишѣ бо никшо предѣ Тобою!

Надѣюсь Господи, Ты грѣшниковъ покровъ,
 Ты разрѣщаеши отъ тяжкихъ ихъ оковъ,
 Коль съ сокрушеніемъ духовнымъ припекаютъ
 И всѣхъ себя Тебѣ Зиждишело вручаютъ.
 Ты зришь Спасителя, что смерть за нихъ вкусилъ
 И на Голгоѣ ихъ блаженство совершилъ.

Упѣха сладкая! надѣянье блаженно!
 Помилваніе днесъ спало не сомнѣнно.
 Онъ милосердемъ мнѣ все небо ошворилъ
 И свыше вѣры свѣтъ мой разумъ озарилъ.
 Защищникъ Боже мой, мое Ты упованье,
 Убѣжище мое и все мое желанье.

Въ заповѣдяхъ твоихъ ходишь меня наставъ,
 И къ нимъ снопы моя Создателю направъ;
 Да спрахомъ я твоимъ Владыко наполняюсь
 И долгъ и истинну хранишь всегда спараюсь;
 Сердечну чистоту успрой и водвори;
 Самонадежность всю во мнѣ пребори.

Спаси о Всеблагій животъ мой отъ испѣнья,
 Не долженъ рабъ Твой въ власть во власть уничиженья,
 Не долженъ смертію шотъ грѣшникъ умирашь,
 Котораго главу благоволишь вѣнчашъ;
 Предъ Трономъ онъ Твоимъ пѣснь Агнчу воспѣвая
 Покой пріимешъ свой всупя въ Свяшыхъ Свяшая!

VIII.

Пѣснь кающагося грѣшника.

Тобой, о отчая любовь,
Создашешь и Владыко міра!
Горитъ моя внутрь сердца кровь,
Тебя поетъ духовна лира!

Рожденный въ мерзостныхъ грѣхахъ,
Очистишь ихъ я не спарался,
Презрѣлъ любовь, презрѣлъ и страхъ;
И въ бласъ злыхъ спрасшей валялся.

Какъ пѣна носится въ водахъ.
Въ нощи свѣтъ отъ луны приемля:
Такъ плавалъ я во суесахъ
И дмился, зла ученью внемля.

Мудрецъ мя свѣтскій наставлялъ,
Безбожныхъ почиташъ богами:
Въ паденьи семъ шоржествовалъ,
Щипалъ блаженныхъ всѣхъ скопами;

Я похлъ; а чаялъ возлѣчатъ;
Искалъ небесъ въ пещерѣ мрачной;
Гласъ совѣсти принудилъ спать;
Мнѣ гробъ, чершогъ казался брачной.

Во пропасть ослѣпясь бѣжалъ,
Куда духъ адскій влекъ усильно;
Отъ взора фурій не дрожалъ,
Мечталось, зряшъ онъ умильно.

Діаволъ, плоть и міръ,
 Мнѣ въ видѣ прехъ Сиренъ предстали;
 Они мнѣ предложили пиръ,
 И пѣснь волшебну воспѣвали.

И Вавилонская жена
 Мнѣ чашу съ ядомъ подносила,
 Хопя гнуна кровьюми она;
 Но грѣшника меня прельстила.

Тогда гласъ спрашный возгремѣлъ,
 Съ горящаго изшедъ Синая;
 Я адъ передъ собой узрѣлъ,
 Онъ влекъ меня въ себя зіяя.

Кто могъ тогда мнѣ помощь дать,
 Когда мой ближній ошдлаился;
 Едва я къ Богу могъ воззвать,
 И гибнувъ въ бездну ужъ валился.

Но Ты Спасишель мой предсталъ,
 И длань просеръ мнѣ узвленну;
 Адъ скрився горько возстѣналъ,
 Завидуя мнѣ искупленну.

Сладчайшій Иисусе мой,
 Спасишель, Богъ премилосердый!
 Надежда, вѣчность и покой
 Въ Тебѣ рабамъ швоимъ сущь шверды!

Ты грѣшниковъ спасши сѣизшелъ,
 Простилъ блудницу умиленну,
 И пищу съ мышалями бѣлъ,
 Далъ зрѣнье съ слѣпошой рожденну.

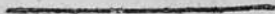
Меня худѣйшаго прими
 Твои объемяющаго ноги
 И въ ризу свѣта облеку,
 Чшобъ въ ней я могъ войти въ черпоги,

Въ черпоги, гдѣ Твой славный бракъ
 Священнотайнѣ совершился,
 Гдѣ Агничій узряшъ крошкѣй зракъ,
 Дѣвъ мудрыхъ ликъ гдѣ заключился.

Единъ Ты истинна и путь,
 Единъ живощъ всего неплѣнный!
 Единъ удобенъ въ насъ вдохнушь,
 Безсмершья Нарды драгоценны!

IX.

М Е С С І Я,
С В Я Щ Е Н Н А Я Е К Л О Г А

На подовіе Полліона Виргиліеца, сочиненная на Англицкомъ Г. Попе. Переподъ съ Французскаго.

Дщери Іерусалимскія! воспойте пѣснь, и да опвѣствуютъ гласы пѣнія вашего величественности предмета. Кристалло-видная прозрачность испочниковъ, тѣни лѣсовъ, виденія Пинда, и сообщеніе съ музами ужé больше для меня непріятны. О ты! который коснулся нѣкогда углемъ олтаревымъ усненъ Ілсаин, удостой оживити слабый гласъ мой.

Восхищенный духомъ въ будущія времена пророкъ возглашаетъ: се Дѣва зачнетъ, се Дѣва родитъ Сына. Я зрю отъ корене Іессеева произрастающую вѣтвь. Сей священный цвѣтъ наполнитъ небо своимъ благоуханіемъ. Духъ небесный легко помавать будетъ листвіе Его, и таинственная голубица снѣдетъ на верхъ Его. О небеса! ниспосылайте намъ драгоцѣнную росу сію при благоговѣйномъ молчаніи всея природы.

Спасительное растѣніе дастъ крѣпость слабымъ, здравіе немощнымъ,
при-

прибѣжище во время бури, и тѣнь отъ зноя солнечнаго. Престанутъ всѣ беззаконія, и древняя клятва упразднится. Правосудіе явится съ вѣсами въ рукахъ; миръ разпростретъ масличную вѣтвь свою по всей вселенной и невинность паки съ неба снидетъ. О времена! теки те, теки те спѣшно, и приведите намъ сей день Превѣчнаго.

Гряди Сыне Божій! явись. Природа тщишься принести въ даръ тебѣ первыя цвѣты свои, и всѣ благоуханія, которыми весна дышетъ. Кедръ ливанскій преклоняютъ гордыя главы свои; лѣса скачутъ на верьхахъ горъ, благоуханные пары возносятся въ низкомъ Саронѣ, и цвѣтушій Кармиловъ верьхъ благовонія свои до облакъ простираетъ.

Какой гласъ радости, слышится въ пустынѣ? Угопуйте путь! се Богъ, Богъ грядетъ. Ехо на горахъ повторяетъ Богъ, Богъ. Слава вѣчнаго снисходитъ на тебя, о земля! Прими неоцѣненный даръ сей. Горы склонитесь, долины возвышайтесь, кедръ преклоняйтесь для поклоненія Ему; да угладятся пути непроходимыя и быспропекушія рѣки да равліются въ тихіе источники. Се Спаситель грядетъ! Спаситель древними пророчествами предвозвѣщенный. Глухіе услышите Его, слѣпые узрите. Онъ дастъ

дастъ зрѣніе тѣмъ, коихъ очи покрыты густымъ мракомъ, и они узрятъ свѣтъ. Онъ исправитъ орудіе слуха, и усладитъ нечувствительныя уши сладостію согласія. Нѣмыя возопіютъ, и хромыя восхипясь вспляшутъ яко молодые елени. Не услышится болѣе во вселенной ни воздыханій ни ропота, и опымутся отъ очей слезы; смерть свяжется мѣдными узами, и блѣдный пиранъ парпара въ развалинахъ владычества своего вѣчно степенать будетъ.

Какъ Пастырь препровождаетъ свое стадо на чистый воздухъ и свѣжую паству, собираетъ распоченныхъ овецъ своихъ, не перяетъ ихъ изъ виду днемъ и въ нощи, для безопасности ихъ стоитъ на стражѣ, изъ рукъ своихъ питаетъ молодыхъ агнцевъ, и согреваетъ ихъ въ своихъ нѣдрахъ: такъ и вышній оный Пастырь покажетъ людямъ всѣ знаки нѣжнѣйшія къ нимъ любви своей. Онъ есть Отецъ будущаго вѣка.

Ужъ больше одинъ народъ противъ другаго не встанетъ; ярые ратаи не будутъ больше терзаться съ лютымъ остервененіемъ: челоукоубивственное желѣзо престанетъ блистать на нашихъ поляхъ, и ярость къ брани не будетъ возбуждаться звукомъ трубнымъ. Копья, будучи бесполезны, прекуются на

на серпы, и широкіе мечи вѣ сошники
премѣняшяся.

Тогда узрятся зиждущіеся дома,
сынѣ съ удовольствіемѣ кончатѣ дѣло,
котораго не могѣ окончать его отецѣ.
Онѣ препровождать будетѣ безпечаль-
ные дни вѣ тѣни винограда своего, и
рука, которая посѣетѣ, соберетѣ жа-
тву. Пастырь съ удивленіемѣ раство-
реннымѣ радостію узритѣ произраста-
ющіе изѣ земли лилѣи, и пріятную зе-
лень на землѣ безводной: онѣ съ спо-
спѣшностію пойдетѣ вѣ угрюмыя пу-
стыни слушать печеніе источниковѣ,
кои восхипятѣ его шихимѣ своимѣ
журчаніемѣ. Каменистыя разсѣлины
скрывающія вѣ себѣ драконовѣ, по-
крыты будутѣ тростникомѣ. Безплод-
ныя долины щетинившіяся прежде не-
годнымѣ кустарникомѣ, произведутѣ
высокія ели и маслины; цвѣтущіе паль-
мы заступятѣ мѣсто деревцевѣ неимѣ-
ющихѣ листвѣй, и пахучія мирпы ядо-
витыхѣ растѣній. Волки паспись бу-
дутѣ на мягкой правѣ вмѣстѣ съ агн-
цами, и дѣти на цвѣточныхѣ сворахѣ
водитѣ будутѣ пигровѣ; волѣ и левѣ
естѣ будутѣ вмѣстѣ у однихѣ яслей,
и змѣи лизать станутѣ ноги мимохо-
дящихѣ. Младенецѣ отѣ груди опня-
тый смѣясь, лобзаетѣ будетѣ василиска

и ехидну, и любуясь живыми ихъ цвѣтами играшь будешь развилыстымъ ихъ языкомъ.

Иерусалиме! вознеси величественную главу твою вѣчннную славою! виждь многочисленное потомство покрывающее распутія твои; сіи суть дѣти долженствующіе родиться отъ тебя. Они стремятся въ лоно твое, желая жизни, и счастья допущенными быть въ пребываніе со Святыми. Виждь варварскіе сіи народы приходящіе ко вратамъ твоимъ, стремящіеся къ свѣту твоему, и приклоняющіе колѣна свои въ Храмъ твоимъ! виждь блестящіе Олтари твои, покрытые Савскими куреніями, и окруженные поклоняющимися Царями! для тебя Ідумейскіе лѣса выпускаютъ свои благоуханія, для тебя сіяетъ злато въ горахъ Офирскихъ. Виждь свѣтозарный сводъ Небесъ разверзающійся на изліяніе тебѣ источниковъ свѣта! ужъ больше восходящее солнце не будетъ тебѣ обѣщать свѣтлыхъ дней, и луна не станетъ бросать на тебя сребренныхъ лучей своихъ; но всѣ свѣтила поглощены будучи свѣтомъ твоимъ, узрятъ бездну славы покрывающую распутія твои, и вѣчный день Господа заступитъ мѣсто ихъ. Изчерплются моря, небо распоржется, камни въ прахъ обратятся

ся, и горы исчезнутъ; но слово Господа естества есть неподвижно; спасительное Царство Его непоколебимо; Престолъ Его вѣченъ. Сіе есть Царство Мессіи, тебѣ обѣщаннаго.

Х.

ПИСЬМО

СИЛИИ КЪ ПАРМЕНИДУ.

Я не довольно была постоянна, къ исполненію твердаго моего намѣренія. Несчастная тайна сердца моего вырвалась изъ устъ моихъ; и моя спремительность признавалась тебѣ въ слабости, которую, можетъ быть, ужѣ прежде тебѣ измѣнила моя спыдливость, и нѣкоторые вздохи — ахъ! *Парменидъ!* и такъ не могла ли я остаться тебѣ неизвѣстною? Для чего ты гналъ бѣдную дѣвицу, искавшую въ уединеніи, и въ незавидной пишинѣ своего удовольствія, и охотно не желавшую знать того пола, которой моему причиняетъ столь многое беспокойство? Сколь мало ты снискалъ, и сколь многого я лишилась! — Беспокойная, мучительная любовь! я имѣла право,

право, оной остерегаться. Смятеніе, въ которомъ я теперь нахожусь, убѣждаетъ меня въ томъ. —

Тебѣ извѣстна моя слабость. Не доволенъ ли ты еще симъ? Сколь не насыпны вы мушины. — Я вознамѣрилась никогда не повпорять моего признанія! но дадители вы и намъ время, найди спокойную минушу, посовѣтоваться съ нашимъ разумомъ? Я не напрасно удалилась отъ твоего присутствія; я вознамѣрилась, естли бы то было мнѣ возможно, забыть тебя. Я думала, что я уже начала тебя позабывать; но жестокіе любовники! они насъ окружаютъ не отступно; они преслѣдуютъ насъ даже до глубочайшаго нашего уединенія; естли они не могутъ говорить, то пишутъ: и для сего непремѣнно надобно объ нихъ вспомнить. —

И такъ ты хочешь подвергнуться моей волѣ; ты хочешь дать мнѣ время, обо всемъ разсудить: да и не хочешь меня больше видѣть: только я тебѣ позволила бы, писать ко мнѣ, и иногда увѣрять себя, что я тебя не ненавижу. — Ахъ! ты уже вѣрно знаешь, что я къ тебѣ должна писать! тщеславіе твое не довольно изустнымъ признаніемъ; оно желаетъ письменнаго.

Часть III. мѣс. Ноябрь. О Хоро-

— Хорошо, *Парменидъ*! не должно презиратьъ нѣкотораго и уничиженія, естли единожды учинена слабость. — Я тебѣ сказала, что я тебя люблю; и не должно ни въ чемѣ увѣрять, что не всегда смѣешь повторять; и такѣ я ни въ чемѣ не опазываюсь.

Но что значить подарокъ, присланной мнѣ тобою? Когда я люблю, то хочу удалить отъ себя и малѣйшей видѣ, составляющей корыстолобивую любовь. Любовь съ лишкомѣ благородна, чтобѣ могла сдѣлаться посредницею корыстолобїя. Естли она имѣетъ еще что другое предметомѣ, кромѣ взаимной любви; то она не то значить, какою она себя показываетъ. — Возьми его назадъ, *Парменидъ*: я бы не хотѣла ни за какое блаженство въ свѣтѣ имѣть той славы, что я тебя любила извѣ корыстолобїя.

Я все сдѣлала, чего ты отъ меня требовалъ; время, чтобѣ и ты отдалъ мнѣ справедливость. И такѣ я тебѣ опишу мнѣнїе мое безъ всякаго зазрѣнїя; и оно составляетъ наиважнѣйшую часть моего письма.

Чѣмѣ мнѣ начать? — Увы! я опасюсь, что ты то, что я имѣю сказать припишешь безпристрастности! и тогда могѣ бы ты думать. — Чего не думаютъ

ютъ мушины, когда мы видимъ себя принужденными сказать имъ, что нельзя любить! однако же пускай время меня оправдаетъ.

Я обо всемъ разсуждала, *Парменидъ*; и нахожу, что мы должны преодолѣть нашу любовь. Мои подруги, разумъ мой, и самое мое сердце мнѣ сіе совѣтуетъ. Мы ничего не имѣемъ, какъ только что мы приобретаемъ нашимъ трудомъ. Безъ достатка подвергаются съ лишкомъ многимъ и великимъ заботамъ. Терпятъ всякія приключенія. Нужды умножаются, и наконецъ превосходятъ силы прилѣжанія. Недостатокъ тяжкое зло. Не могу помыслить о томъ; чтобы томъ, котораго я люблю, ради меня долженъ былъ вести столь трудную жизнь: я бы себѣ предпочайшія дѣлала укоризны. Онъ бы могъ быть щасливымъ но онъ несчастенъ, единственно для меня. — Самая терпѣливая прилѣжность удручается на конецъ. Увы! есть ли бы я принуждена была дожить до того мученія, чтобы ты раскаивался въ своей участи, чтобы ты равнодушно. — Нѣтъ я не могу отважиться на такую опасность. Любовь моя съ лишкомъ нѣжна; я хочу избѣжать мученій, которые сдѣлали бы меня несчастною, и лишили меня

О 2

жив-

жизни: и естли ты справедливъ, *Парменидъ*, то подкрѣпи себя и меня въ семъ намѣреніи. По крайней мѣрѣ ты не можешь меня ни чѣмъ склонить къ перемѣнѣ онаго; но можешь меня убѣдить, что ты любишь меня безъ корыстолюбія. Будь доволенъ тѣмъ, что я предпочитаю тебя всѣмъ прочимъ въ свѣтѣ; что не могу никогда любить другаго; что намѣреніе мое требуетъ преодоленія самой себя, принуждающаго меня тихія проливать слезы — Увы! будь доволенъ тѣмъ, что я вознамѣреваюсь, быть несчастною единственно для того, чтобы намъ обѣимъ не сдѣлаться несчастными.

Сердце мое будетъ тебѣ всегда принадлежать; да и тогда, когда оно кромѣ дружбы, ничего больше не должно будетъ чувствовать. Я тебя прошу, *Парменидъ*, естли ты когда нибудь ощущалъ ко мнѣ истинную нѣжность, то не старайся, поколебать столь нужное намѣреніе. Оставь меня оплакивать твою потерю; и не употребляй власть, которую нѣжность моя даетъ тебѣ надъ моимъ сердцемъ, чтобы склонить меня къ другому предпріятію. Можетъ быть была бы я довольно слаба, чтобы дать себя уговорить: я опасуюсь всего отъ моей любви. Но
 можетъ

можетъ быть, и твои старанія подали мнѣ о тебѣ другія не столько выгодныя мысли, какъ я имѣла прежде; можетъ быть, я начала почитать тебя за несправедливаго, и думать, что твоя любовь не столько совѣстна, какъ моя; что она не повинуется разуму, и потому больше слѣпа, нежели постоянна, больше сильна, нежели продолжительна, больше корыстолюбива, нежели нѣжна. И сколь бы мнѣ тогда прискорбно было, естли бы я не нашла тебя, столько благороднымъ, какъ надѣялась!

ХІ.

П И С Ь М О СИ Л И К Ъ Т О М У Ж Ъ

Конечно, *Парменидѣ*, я должна быть невѣрною: я предвидѣла попреканія. На семь писемъ ни одного отвѣта! — Но скажи мнѣ, что мнѣ отвѣчать? Ты еще не опровергнулъ ни одного изъ моихъ сомнѣній. Какъ ты можешь быть столь несправедливъ и приписывать по самовольному выбору, что необходимость велишь? — Ты не довольно великоду-

шенѢ; и я должна опасаться собственной моей слабости. МнѢ надлежало отъ себя привести себя въ безопасность: и счастье свое сполна мнѢ жертвы . . которая . . которая . . Но ты думаешь, что я уже тебя больше не люблю. Продолжай такъ думать: оно служитъ къ твоему и моему покою.

Я предвѣла, что не могу сдѣлать твоего счастья; и такъ надлежало намъ разлучиться. Я уѣхала, чтобъ испытать, какое дѣйствіе въ тебѣ и во мнѣ возымѣло бы отсутствіе. Но ты всегда оставался, *Парменидомъ*, а я — я не могу знать, кто я еще. Я получала одно письмо за другимъ; я не смѣла отвѣчать: но старалась преодолѣть себя. Ты не преставалъ меня просить: я ежедневно опасалась больше собственного моего сердца; и на конецъ принялъ на мѣреніе, такъ разлучиться, чтобы мнѣ не лзя было, согласиться на твое самовольное несчастіе. Однимъ словомъ, *Парменидъ*, какъ я не могу тебя ошастливить; но ты меня принудилъ другому обѣщать свою руку — А сдѣлаю ли того благополучнымъ, время покажетъ!

И такъ мы разлучились, *Парменидъ*, и мое сопряженіе мнѣ ничего больше не позволяешь, какъ только возды-

дыхать о судьбинѣ, которая не позволяла нашему соединенію. Надобно нѣсколько уважать щастіе своего возлюбленнаго: и я лучше хотѣла собою жертвовать, нежели подвергнуться опасности, сдѣлать тебя несчастнымъ. Ты не можешь меня безъ несправедливости обвинить въ вѣроломствѣ. Я тебѣ ничего не обѣщала; я тебѣ говорила только, что я тебя любила: и тогда по крайней мѣрѣ я не говорила ничего такого, чего я не чувствовала. Но теперь долженъ ты состоянію моему отдать справедливость, и больше не спрашивать меня о нынѣшнемъ чувствованіи моего сердца.

Я надѣюсь, что я не буду несчастливою: а если сдѣлаюсь, то по крайней мѣрѣ буду наслаждаться радостію, что тебѣ облегчила выборъ щастія, а себя сберегла отъ укоризны, что не все сдѣлала, что могла. Теперь, *Парменидѣ*, мнѣ ничего больше не остается, какъ тебя просить, чтобъ ты употребилъ твою вольность въ томъ намѣреніи, въ которомъ я тебѣ ее возвращаю. Забудь любовь, которая не могла служить ко взаимному нашему успокоенію: я должна ее также позабыть. — Назовешь ли ты мое намѣреніе легкомысленностію, или припишешь его корыстолю-

бію: то и сіе обвиненіе охотно снесу, естли оно только тебѣ поможетъ, позабыть твою любовь, соединиться съ щасливѣйшею меня особою, и заставить Силію твою спрдасть вѣ чемъ она была обязана добродѣтели, хотя бы она была щаслива или нѣтъ. —

ХІІ.

П И С Ь М О

СИЛІИ КЪ ТОМУ ЖЪ

Три мѣсяца прошли, и ты меня еще не позабылъ: я къ тебѣ писала, что другому принадлежу, и ты не пересталъ еще меня любить, тебѣ предлагали наиблагополучнѣйшую невѣсту, и ты ее отвергъ. — Я начинаю теперь думать, что ты такъ любишь, какъ я желаю быть любимою!

Изъяснилось сердце твое вѣ строкѣ, вѣ которой поздравляетъ меня моимъ щасливымъ союзомъ. Такъ я думаю: и твое поздравленіе конечно исполнится.

Однако для чего я себя принуждаю, скрывать мою тайну, которую уже не лзя болѣе таить. Конечно, я еще

Силія

Силія, и швоя Силія, ешьли тебѣ угоднo. Извини мое невинное притворство спoившее мнѣ споль многого! — Я тебѣ любила, и желала, любима бышь сполько тебою, какъ я сама люблю, и вознамѣрилась подвергнуть тебѣ искушенію. — Какъ велико для меня спраданіе! я мучилась, обеспокоила собственное мое сердце, обезпокоивая тебѣ. — Богатство и честь приманчивы; тѣмъ больше будетъ швоя радость, говорила я самой себѣ, когда онѣ, ради бѣдной дѣвицы, откажетъ гордой дочери богатаго, которая ему предлагаетъ всѣ выгоды, удовольствія и чести. Я тѣмъ еще была недовольна; и спаралась ободрить тебѣ моимъ примѣромъ. И такъ я вымыслила союзъ, кошорой мнѣ хoзя часто былъ предлагаемъ, но о кошоромъ я ни когда не думала — Увы! сколько я беспокоилась присемъ опважномъ искушеніи! однако же я преодолѣла себя, чтобъ три мѣсяца ни на одно изъ твоихъ писемъ не отвѣчать. Я была между тѣмъ та, кошорая давала тебѣ случай промѣнять твою Силію на щасливѣйшую. И ты думаешь, что малаго спoитъ, давать самой себѣ соперницу. — Я знаю, коль долго надлежало мнѣ борoшься съ моею спрастною любовію!

Мнѣ подали о швомъ родѣ такія понятія, которыя привели меня въ страхъ и шрепетъ. Я сама видѣла примѣры, которыхъ я должна была гнушаться; и я твердо вознамѣрилась, никому мушинѣ не вѣришь. — Сіи вѣроломные, могутъ клясться! они не имѣютъ никакой совѣсти! — Они называются нашими невольниками; они предъ нами никакъ не гордятся — О! какъ они уничижены, какъ крошки и сколь ниски! но какъ скоро видятъ, что мы довольно слабы вѣришь ихъ ласкательствамъ, то какими мучителями дѣлаются они тогда, какъ они во зло употребляютъ любовь, которую они прельстили. — Потомъ мы имъ наскучимъ, они не хотятъ быть отвержены никакому закону, и никакимъ обѣщаніямъ; намъ ни чѣмъ не клялись, и заставляютъ насъ плакать — Они называютъ сіе обыкновеніемъ нынѣшняго свѣта! — Безсовѣстные!

Такъ я думала о швомъ родѣ, прежде нежели узнала, что *Парменидъ* есть. Какъ я сего человека увидѣла; какъ услышала его рѣчь; какъ разсмотрѣла внимательнo каждое изъ его дѣйствій, которые казались мнѣ наиоспорожнѣйшими; то я думала, что увидѣла совсѣмъ новое, совсѣмъ не обыкновенное явле-

явленіе. Сердце мое потчасъ приняло въ немъ участіе; я не знаю какъ! оно хотѣло меня увѣрить, что онъ не избѣхъ мушинъ. — Но не могутъ ли они всѣ притворяться? Да, такъ, такъ они кажутся; такъ они всѣ начинаютъ! — Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не хотѣла любить!

Развѣ я себѣ въ чемъ измѣнила? — Посмотрѣла ли на тебя нѣжнѣе, нежели я хотѣла? Воздыхала ли я? — Какіе глаза имѣютъ наши гонители! знаешь ты примѣшилъ, что я была не безпристрастна; и я надѣялась, скрыть оное отъ себя самой. Ты меня просилъ любить: я не хотѣла любить, однако предложеніе твое меня обрадовало. Какая странная радость? — Ты предлагалъ мнѣ союзъ. Я удивлялась, что мы уже такъ далеко дошли: я думала, что мы еще не начали! — ты мнѣ даже сказалъ: будто бы я тебя обнадеживала; будто бы тебя увѣряла, что тебя люблю — какъ? Я это сказывала? — Я не могу повѣрить, что бы я въ состояніи была то сказать. Не говорила ли я тебѣ, что не хочу любить? — Я думаю еще въ сію минуту, что ты меня совсѣмъ иначе разумѣлъ: однако на сіе можешь ты имѣть право.

Конечно я тебя любила, и сія любовь довольно меня превозжила! я отвергла разныя предложенія, не разсуждая объ нихъ болѣе. Откуда произошло, что такъ часто о твоёмъ разсуждала? Едва могла я еще вспомнить, что я никакихъ дѣлъ не хотѣла имѣть съ своимъ поломъ!

Однако сердце мое не все еще преодолѣло въ разсужденіи тебя. Дѣло стало важно между имъ и моимъ разумомъ. Я опасалась, чтобы ты не такъ любилъ, какъ всѣ мужчины любятъ; а такъ быть любимой, я бы не могла перенести. Я прежде хотѣла знать, какъ ты станешь любить; и моему сердцу пріятно бы было принять договоры. Сіе условіе было опытомъ, которой долженъ былъ претерпѣть его любимецъ. Оно въ самомъ дѣлѣ довольно противилось; однако я укрѣпилась.

Первое намѣреніе; мною предпринятое состояло въ томъ, чтобы лишить тебя всей надежды; и я нашла такіе помѣшательства нашему союзу, которые должны были казаться тебѣ важными. — Должна ли я была съ тобою говорить? Я себя знала: я проникнула, что не возможно было тебя склонить симъ способомъ, но предать се-
бя

бя въ твою власть. И такъ мнѣ не надлежало съ тобою больше видѣться, но надлежало писать. Десять разъ я начинала мое письмо: послѣ трехъ дней, оно наконецъ было готово — отослать ли его въ самомъ дѣлѣ? Покрайней мѣрѣ оно было запечатано. — Для чего мнѣ его такъ беспокоить? — Онъ меня любитъ — онъ сего не заслужилъ — онъ почтетъ сіе за легкомысленность — ежели онъ сдѣлается холоднѣе ко мнѣ — ежели онъ перестанетъ любить: — то я тому причиною — и такъ будетъ онъ долженъ всю надежду поперять; онъ ея лишится, и онъ скоро позабудетъ меня у другой — у другой? Сіе представленіе возмутило мое щеславіе; мнѣ надобно сіе испытать — въ состояніи ли онъ то сдѣлать, увы! если въ состояніи! то сіе меня оскорбитъ; сіе мнѣ стоить будетъ слезъ; но тогда онъ не такъ постояненъ, какъ онъ долженъ быть, дабы меня ошастливить. Я бы его когда нибудь лишилась; и если мнѣ его лишиться, то сіе время самое наилучшее. Побѣжденіе за вѣчныя томленія! — Письмо было послано! и я была еще довольно спокойною. Но я скоро примѣшила, что хотѣла начинать размышлять. Сердце мое начало биться нѣ-

сколько

сколько скорѣе; я опасалась, чтобы оно не причинило мнѣ беспокойствія, и потчасъ удалилась вѣ сообщество, которое было у моей шепки; дабы ни о чемъ не думать.

Какъ ты могъ бы опмспитъ, естли бы ты зналъ, какую препертѣвала я скуку, и какъ я беспокоилась, пока получила твоя отвѣтъ? Но ты потчасъ отвѣчалъ съ довольною укоризною, прозьбами, обвиненіями и обнадеживаніями; но не съ хорошими опроверженіями на мои предложенія: и подлинно, первое мнѣ было пріятнѣе всего. — Онъ не можетъ снести опыта, говорила я себѣ, но онъ не такъ скоро отъ сего избавится. — Я спутила шагомъ далѣе, и не отвѣчала. Другое еще пришло письмо: я сдѣлалась еще упрямѣе; я замолчала, и уѣхала странствовать. — Мнѣ вспало на умъ, не полюбилъ ли ты меня можетъ быть изъ корыстолюбія? Я представила себѣ, что ты удобно могъ получить нѣкоторое извѣстіе о моихъ обстоятельствахъ, сколь попечительно я ни старалась оныя скрывать: и я хотѣла охотно выпши изъ сего сомнѣнія. Оно подкрѣплялось во мнѣ тѣмъ самымъ, я не знаю какъ, что ты ко мнѣ писалъ шесть разъ сряду; не получая никакого отвѣта.

По-

Послѣ выдумала я послѣдней опытѣ, которой я могла избрать, и въ предпріятіи, узнать его слѣдствіе, поѣхала я опять къ моей петушкѣ назадъ.

Первымъ моимъ упражненіемъ было, избрать тебѣ любовницу, а мнѣ соперницу, такъ соперницу: — Тетка моя хотѣла мнѣ отсовѣловать: „ онъ можетъ „ прельститься, говорила она, а особливо „ когда другая не только одну любовь, „ но щеславіе и корысполубіе удоволь- „ ствовать въ состояніи „! — не ужли онъ къ тому склоненъ? То онъ и безъ меня можетъ быть щасливымъ; и такъ любовь моя совсемъ для него вещь безприспρασная? — Суешно ли я разсуждала? Я предспавляла себѣ, что одну только можно любить особу; ея только можно быть щасливою, естьли и она должна быть щаслива. Я не думаю, чтобы сіе было такое мнѣніе, которое вперила въ меня больше гордость моя, нежели нѣжность моя любви. — И такъ на что я отважилась тогда? Потерять такого любимца, которой могъ обойтись и безъ меня; которой спасться можетъ со временемъ докажетъ, что онъ бы безъ меня могъ обойтись! но какая же мнѣ прибыль? О! не сравненно большая! совершенное успоксеніе всѣхъ моихъ сомнѣній; безопас-

зопасность, что я любима, и всегда бы была любима; извѣстность, что я бы одна составляла твое благополучіе. Надобно уже на чтонибудь отважиться, чтобы столько выиграть.

Я слышала, что мое стараніе было тщетно: и что тебѣ дѣйствительно представили богатую невѣсту. Не могу сказать, что сіе меня обрадовало. Но я слышала также; что ты ей отказалъ; и я не могу тебѣ выразить, сколько сіе меня восхитило. Тогда-то сѣла я, отвѣчать на седьмое твое письмо. Я написала тебѣ, что я согласилась на другое предложеніе. Я шрепешала отдавая письмо изъ моихъ рукъ; я размышляла десять разъ, и кликала десятую подашеля назадъ, но наконецъ одержала я самую тяжчайшую надъ собой побѣду и послала его.

Вѣстникъ возвратился: и не имѣлъ отъ тебя ни одной строки. — Да, да, говорила я себѣ, онъ вѣдь такой же мужчина! — Ни одной строки! Не должно ли ему было отвѣчать, хотя вѣ одной строкѣ? Я ему довольно внятно сказала, что я его не охотно лишаюсь, естли я должна его лишиться! — Однажды онъ могъ бы еще написать. Не столь легко лишиться надежды, то сохранить, чего не охотно лишаешься! — Я весьма пре-

вожилась. Я бы охотно пожаловалась моей теткѣ, если бы я не знала, что буду виновна въ ея глазахъ. Между тѣмъ спрашивала я вѣстника, что ты сказалъ, и какой ты имѣлъ видъ! — „Совсѣмъ разсѣянъ, и весьма негодующъ!“ — „Что же онъ сказалъ?“ — „Хорошо!“ — „Ничего больше? никакого поклона? никакого?“ — Больше ни слова! — Я заперлась въ мой покой, бросилась къ моему столу, положила голову на руку, и ожидала съ часу на часъ: но никакого письма. Ночь наступила; но никакого письма, и какая ночь!

Я думала, что въ слѣдующее утро рано встала, но ты всталъ еще ранѣе; я уже нашла отъ тебя письмо. Я распечатывая его вскорости, разодрала бумагу, и принуждена была куски соединить съ великимъ трудомъ, чтобъ его прочитать. Я читала: „Невѣрная!“ — какъ я могъ то думать! — Такъ „непостоянна, такъ легкомысленна!“ — „Я себя утѣшу —! Я охотно отступлю отъ моего права! Я позабуду, что я „любилъ —“, двѣ страницы наполненные такими выраженіями прочитала я: нечаянно взглянула на число, и нашла, что они были прошедшаго вечера написаны.

Лишь только начала его во второй разъ читать; то получила другое письмо; я распечатала его немедленно: что

Часть III. мѣс. Ноябрь. П онъ

онъ теперь скажетъ! — Поупру въ пятомъ часу. — (И я также рано встала.) „Извини меня во вчерашней моей „вспыльчивости, дражайшая, налюбезная Силія — Какое преодолѣніе самого себя, когда должно жертвовать побую щастію другаго! „ — Но ты думаешь, что мы не можемъ въ нашемъ состояніи быть щастливыми. — Я не могу любить столь корысполюбиво, чтобъ сдѣлать тебя несчастною — Если бы ты могла наслаждаться вожделѣннымъ благополучіемъ! — Сколь искренно я сего желаю! — „ Теперь онъ другимъ говоритъ языкомъ! — Въ воспоржествованіи побѣжала къ моей теткѣ. Она еще не встала; но я не могла воздержаться, и она должна была выслушать письмо на постелѣ. Я читая его, не позабыла возвышать мой голосъ при нѣкоторыхъ выраженіяхъ, копорыми я особливо величалась предъ моимъ любовникомъ. — „ Мнѣ предлагали самую богатую невѣсту: но я ненавижу богатство, поколику она не Силія — Я ни когда не буду думать о такомъ союзѣ. Я — „ Сіи были выраженія, копорыя надлежало читать весьма громко! —

Такъ ты любилъ бѣдную Силію, предпочиталъ ея всѣмъ прочимъ; презираешь для нея богатства, потому только что та особа не Силія? — Хорошо,

я стану отвѣчать за себя въ препятствіяхъ, которыя я сдѣлала въ разсужденіи нашей бѣдности. Я не богата, но столько имѣю, что намъ нечего опасаться недостатка. Сверхъ того шепка моя не малое имѣніе отказала мнѣ. Я для того только почитала себя бѣдною, чтобъ меньшимъ гоненіямъ своего пола быть подверженной, и не быть жертвою хищности его корыстолюбія.

Иди, любезной, дорогой *Парменидѣ*, иди въ мои объятія, раздѣли со мною малыя выгоды щастія, и сердечное блаженство наинѣжнѣйшей любви.

Перепелъ Алексѣй Жилинъ.

ХІІІ.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ЭГИНГАРДА и ЭММЫ.

Эгингардъ, тайной Секретарь Карла Великаго, служилъ со славою и былъ при Дворѣ почитаемъ; страстно влюбленъ былъ въ Императорскую дочь Эмму, помолвленную за Греческаго Царя. Съ обѣихъ сторонъ нѣжности отъ принужденія вседневно умножались: ибо они долго не осмѣливались открыться, и удалялись другъ отъ друга, дабы Императора не оскорбить; но наконецъ

скрытая любовь всегда поржествуетъ. Сей великій мужъ осмѣлился въ тайно въ ночное время въ дѣвичью горницу, постучался по тихоньку, и былъ впу-
щенъ подѣ видомъ Императорскаго при-
каза. Тогда были они одни, и время
прошло въ шептаніи, цѣлованіи и
любви. Эгингардъ хотѣлъ при темнотѣ
ночи назадъ возвратиться. Но уже по-
гда показывался свѣтъ, и онъ къ сво-
ему несчастію увидѣлъ, что напалъ
на дорогу снѣгъ, по которому муже-
скіе слѣды можно было примѣнить.
Нѣсколько колебались они страхомъ;
но Эмма, ободренная любовію, рѣшилась
Эгингарда нести на своихъ плечахъ до
его жилища. По несчастію Императоръ
не спалъ, и увидѣлъ изъ окошка съ уди-
вленіемъ и чувствительнымъ огорче-
ніемъ, какъ его дочь подѣ тягостію
бремени согнувшись шла чрезъ замокъ, а
потомъ опять по тѣмъ же слѣдамъ
назадъ возвратилась. Императоръ долго
скрывалъ свое чувствованіе и молчалъ;
но Эгингардъ угрызаемъ былъ совѣ-
стію, ибо онъ зналъ, что сіе приклю-
ченіе не можетъ остаться навсегда
тайнымъ. Почему нѣкогда палъ онъ къ
ногамъ Императора и просилъ неоп-
ступно себѣ отставки, подѣ видомъ
будто бы его заслуги худо награждены
были. Императоръ обѣщалъ ему то
сдѣ.

сдѣлать, и назначилъ для сего день, въ которой собравъ всѣхъ своихъ Вельможъ рассказалъ имъ о причиненномъ оскорбленіи своему Величеству, и требовалъ приговора преступнику. Всѣ были тронуты симъ неслыханнымъ поступкомъ. Многіе полагали, что должно наказать его безпримѣрно, другіе, изгнать его; иные, будучи разумнѣе и снисходительнѣе, просили Монарха, чтобъ онъ благоволилъ поступить при семъ случаѣ по своему благоразумію. Пусть будетъ такъ, сказалъ Императоръ, часто провидѣніе преклоняетъ и зло къ добру, и для того я ужѣ теперь о семъ болѣе не сѣшю. Я не хочу подвергнуть человека столько мнѣ служащаго никакому наказанію, которое моглобъ уничтожить поношеніе дочери моей. Пускай они соединятся законнымъ бракомъ, и такъ наказанія достойное дѣло загладится моимъ великодушіемъ. Все собраніе съ радостію прославляло милость и снисхожденіе Императора въ семъ случаѣ. Эгингардъ не думавшій, что его поступокъ извѣстенъ, позванъ былъ къ Императору, которой говорилъ ему съ спокойнымъ видомъ слѣдующее: ты жаловался, что я твои заслуги худо награждаю. Ты самъ Эгингардъ былъ тому причиною. Ты бы давно мнѣ о семъ напомнилъ,

потому что я всего упомнить не въ состояніи. Служи мнѣ впредь такъ вѣрно, какъ прежде служилъ, а я въ награжденіе отдаю тебѣ дочь свою въ супружество, ... кто можетъ себѣ вообразить Эгингардово удивленіе . . . . швою носильщицу, продолжалъ Императоръ съ улыбкою, шу, которая, подобравшись такъ высоко, сдѣлалась тебѣ подвласною. . . . Потомъ позвана была Эмма; она предстала, имѣя лице покрытое отъ стыда пріятнымъ румянцемъ, и родительскою рукою отдана въ руки Эгингарду.

XIV.

П И С Ь М О

СОФРОНИИ КЪ ФЕДОНУ.

Могу ли безъ стыда, невѣрной! еще произнести имя швое, имя прежде столь мнѣ пріятное и любезное? Ты хочешь оставить меня! ахъ! никогда не почитала я тебя столь низкимъ. Если бы я могла думать, что злое швое сердце могло скрывать шоликую подлость подъ столь многими ласкательствами, которыми изобиловали ядовитые уста швои; то невинность моя была бы отъ тебя въ безопасности: я бы презирала того, такъ какъ ни къ чему годнаго, котораго я, обманутая, начала

чала любить какъ честнаго. Но ты подѣ прекрасною лаврою добродѣтели побѣдилъ меня; какъ по дѣлають всѣ лицомѣры; побѣдилъ также подло, какъ и пользовался своею побѣдою. Хотя я тебя равно любила. — Да изыдешь въ послѣдній разѣ слово сіе изъ устѣ моихъ! — Не ласкай себя однако, чѣтобъ я была довольно слаба и спала просить тебя о взаимной любви. Соверши намѣреніе швое: невѣрность швоя отмститѣ тебѣ за меня!

Ты никогда со всѣмъ своимъ припворствомъ не освободишься отъ стыда, чѣто бы тебя не почитали за измѣнника, нарушившаго святѣйшія увѣренія, вѣрность, невинность, любовь, благодарность и правила честности, и раздражившаго небо. Сей срамъ отмститѣ за меня.

Хвалися только подлою своею побѣдою и распостраняй злость швою! смѣйся надъ слезами моими, и радуйся выгодѣ швоей: совѣсть швоя скоро проснется, дабы совершить мщеніе мое надъ тобою. — Или думаешь ты, чѣто я возму мое прибѣжище къ слезамъ и прозьбамъ, дабы паки привлечь тебя? Я не требую дурнаго швоего сердца. Я не хочу такого сердца, которое могло бытъ подлымъ; когда я тебя любила, то добродѣтель швоя была оправданіемъ

емъ слабости моей; добродѣтель сія, которую я надѣялась найти въ тебѣ, и отъ которой ты столько теперь отрицаешься. И такъ оставь меня, оставь: но выслушай прежде, сколько ты неблагороденъ, я хочу, я должна тебѣ напомнить о присягѣ и о безчестности твоей, и еще уязвить тебя убѣгающаго отъ меня. Ты долженъ знать самага себя и гнушаться собою. Человѣколюбія должность уязвить порочнаго до внутренности сердца и мучить его возбужденною его совѣстію. Небо позволяетъ сіе мщеніе добродѣтели. Гдѣ ты только услышишь имя мое, тамъ да изъявитъ покраснѣніе невѣрности твою; безпрестанное безпокойство за тобой да слѣдуетъ, и будешь слышать всегда вздохи невинной, лишившейся тобою покоя своего; доколѣ раскаяніе сдѣлаетъ тебя столь несчастливымъ въ теперешнемъ твоёмъ торжествѣ, — сколько я буду! или пока оно не обратитъ тебя къ добродѣтели, которая до сего была только можетъ быть въ тебѣ притворствомъ! О сколь пріятно бы мнѣ было сіе позорище, видѣть тебя просящаго опять о любви тобою презираемой! тогда бы я первую свою слабость загладила благороднымъ мщеніемъ, преодолѣла бы разумомъ любовь свою и сама разорвала союзъ нашъ. —

Однако какъ могу я себя ласкать симъ воображеніемъ? Мщеніе! — пустое слово въ устахъ людей влюбленныхъ! естли бы ты возвратился, ах! *Федонъ*, то опасаясь, чтобы я — не простила тебя. Одна слеза, которую можетъ быть паче прищворство нежели любовь извлекло бы изъ очей твоихъ, преодолѣла бы меня, и уничтожила на-мѣреніе, которое только можетъ мучить меня. Собственное мое сердце, любезной вѣроломецъ, вспомоществовало бы тебѣ прошиву моего разсудка. Нѣжность моя выдумала бы для тебя извиненія, и я почла бы тебя столь невиннымъ, сколько желала бы чтобъ ты былъ, и сколько бы ты долженъ быть. Я скоро бы перестала думать, что ты могъ быть невѣрнымъ. Я зачала бы заключать по моей любви и о твоей; протекшіе блаженные часы нашей любви представились бы мнѣ паки. — Сколь нѣженъ былъ онъ тогда! съ какою нѣжностію умѣлъ онъ уничтожить всѣ мои сомнѣнія и опровергнуть всѣ мои возраженія! *Софронія* была единой предметъ всѣхъ его желаній. — Съ какою терпѣливостію и ревностію преодолѣвалъ ты всѣ препятствія меня видѣть? Какое восхищеніе распространилось на лицѣ твоёмъ когда я появилась. Ты позабывалъ всѣхъ другихъ те-

бя окружающихъ, и былъ столь слабъ, что не могъ скрыть тайну сердецъ нашихъ отъ глазъ зрителей. Ахъ сколь радовалось сердце мое пріятной сей слабости, хотя она споила мнѣ стыда! хотя часто просила я тебя скрывать любовь твою, и наказывала сію слабость, спойвшую мнѣ стыда, однако я дѣлала сверхъ моего желанія; ты былъ столь нѣженъ, что не могъ преминуть, чтобъ не повторить сихъ проступковъ! проступковъ, которые я наказывала не охотно, и всегда желала чтобъ они были повторяемы! когда же ты иногда больше себя принуждалъ скрыть любовь, тогда какое безпокойство возмущало мое сердце! сколько порицала я страхъ мой и ненавистную благоприспособность! — Я часто говорила себѣ, должна ли я стыдиться открытія любви добродѣтельной и невинной? Да будетъ проклято припворство и принужденіе, научающее невинныя сердца казаться иными, нежели какъ они въ самомъ дѣлѣ находятся. — Нѣтъ! я не хочу болѣе наказывать любезнаго своего за то, что онъ любилъ столь нѣжно, что не можетъ сносить сего принужденія! его припворство причиняетъ сердцу моему чрезмѣрно много безпокойствія и заботы! я не могу терпѣть на его лицѣ сего холоднаго вида,

вида, хотя онъ притворной. Я не могу перпѣть, не перзаясь сердцемъ, когда онъ насильно отвращаетъ отъ меня глаза. Лучше хочу я отказаться отъ общества, нежели видѣть, какъ онъ съ принужденною нѣжностію разговариваетъ съ другою. Онъ долженъ взирать на меня одну, обходиться единственно со мною, мнѣ одной изъяслять любовь свою взорами. — Я тебѣ охотно прощала спыдъ мнѣ тобою причиняемый. Ты знаешь еще (хотя о томъ съ холоднымъ только духомъ вспоминаешь) сколь нѣжны были мои укоризны; укоризны любовію почитаемыя за увѣщаніе преступать еще и впредь: однако я никогда тебѣ не прощала, когда ты выговоры мои разумѣлъ такъ худо, и могъ принудить себя послушаться моего приказанія. — Да Федонъ, тогда ты любилъ меня, когда ты былъ столь непослушенъ. — Ахъ! какъ ты могъ перестать любить? Можетъ ли любовь столь скоро перемѣниться? Для чего же я чувствую, что мнѣ не возможно тебя не любить?

Нѣтъ, ты не можешь вознамѣриться оставить меня, естли ты любилъ меня когда нибудь: собственное мое сердце мнѣ вѣ томъ порукою, что ты не можешь меня покинуть! и какимъ увѣреніямъ, о небо! должна я вѣрить, естль-

естли голосъ природы можетъ обма-
 нуть? Глаза твои, взоры твои, каждая
 черта на лицѣ, каждое движеніе мнѣ
 извѣждало, что ты любилъ меня, хопя
 бы и увѣренія, прозвбы, вздохи, кляп-
 вы твои, хопѣла я почипать подозри-
 тельными. Или не сходна любовь сама
 съ собою? не обладаетъ ли она однимъ
 сердцемъ равно какъ и другимъ, и имѣ-
 етъ ли она разные законы, по которымъ
 управляетъ она различными нашими по-
 лами? Ахъ! это было то самое при-
 ятное чувствованіе, которое ты ощу-
 щалъ, когда ты обнималъ меня, и ко-
 торое я чувствовала въ твоемъ объятіи!
 самое то великое желаніе видѣть меня,
 съ коимъ я поспѣшала глазамъ твоимъ
 на встрѣчу. Очи твои устремлялись на
 меня, и взоры мои обращались на твое
 лице. Я чувствовала, когда ты меня
 обнялъ, и когда сердце твое лежало на
 моихъ персяхъ, тогда чувствовала я,
 какъ оно билось съ моимъ сердцемъ.
 Вздохъ одного соотвѣтствовалъ вздоху
 другаго, и радостная слеза, съ возхище-
 ніемъ пролитая, извлекала такую же
 радостную слезу изъ очей другаго. Ду-
 ши наши равныя имѣли чувствованія,
 мысли и желанія, равныя надежды обѣ-
 щали намъ златые предбудущіе часы,
 равныя радости собирались около насъ,
 когда мы были вмѣстѣ, равная задум-
 чи-

чивость обезпокоивала насъ при нашемъ разлученіи. Одна любовь *Федонъ*, одна любовь обладала обоими нами; должна ли она въ продолженіи только быть различна, бывши равно нѣжна, равно сильна? Никакое время не истребитъ мою любовь; ибо я чувствую, что никакое время не имѣетъ надъ нею власти; а твоя должна ли? — Нѣтъ *Федонъ*, ты вѣренъ, ты любишь меня, ты долженъ меня любить! — Ахъ! не мучь меня долѣе, любезной юноша, не мучь долѣе свою *Софронію* притворною твоею холодностію! можетъ быть ты хочешь испытать ея любовь: заключай объ ней изъ ея безпокойства, изъ ея слезъ, изъ ея мученія.

Слабая, обманушая *Софронія*, ахъ! съ лишкомъ правда, что ты обманута, весьма подлинно, что ты любила невѣрнаго! все увѣряетъ тебя въ томъ, всякое обстоятельство обличаетъ его, никакой видъ правды не извиняетъ его: а ты еще ласкаешься, что онъ можетъ быть еще вѣренъ! слѣпая любовь! она закрываетъ глаза отъ того, что они могутъ видѣть, и выдумываетъ невѣроятныя свидѣтельства, дабы укрѣпиться въ любезномъ своемъ обманѣ! — извинися по крайней мѣрѣ, я прошу тебя, извинися *Федонъ*, естли ты меня любишь еще столь много, что же-

ла-

лаешь мнѣ еще мнимымъ наслаждаться покоемъ! онъ не очень долго продолжится и весьма скоро исчезнетъ, яко несуществующая тѣнь! въ пыгость ли тебѣ припворяшься, тебѣ, которому не въ пыгость было обманывать меня припворною нѣжностію? Увы! это тебѣ не можетъ быть труднымъ, продолжай только какъ ты началъ! тебѣ не надобно учиться новому искусству припворять любовь; вошъ въ чемъ состоитъ сіе искусство; сколь легко должно тебѣ быть сіе искусство, въ которомъ ты уже давно упражнялся.

Нѣтъ не обманывай меня, убѣгай отъ меня, и естли ты еще довольно благороденъ, то приди самъ ко мнѣ на помощь, чтобъ я могла съ меньшимъ мученіемъ позабыть того, котораго должна я позабыть. Первое мученіе я уже преодолѣла; не будь столь суровъ, чтобъ обманутое мое сердце еще разъ уговаривать, и свергнуть меня паки въ то состояніе, въ коемъ я еще разъ должна преодолѣть сіе мученіе. Скажи мнѣ, что ты уже не любишь меня больше, дабы сердцу моему ничего не оставалось чѣмъ ласкать себя; дабы я побѣдила любовь свою разумомъ и силою, и въ забвеніи того, коего я болѣе всего любила, паки обрѣла наконецъ нѣкоторое спокойствіе.

*Перецель съ Нѣмецкаго языка
Михайло Жуковъ.*

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Декабрь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

I. Опшельникъ или Аминпоръ и Ѳеодора - - -	239
II. Ночь - - -	285
III. Письмо Церима къ Харипесу	286
IV. Письмо Церима къ Харипесу	304

МОСКОВСКОЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

ОТШЕЛЬНИКЪ

или

АМИНТОРЪ и ФЕОДОРА.

Въ сей красной обширности, гдѣ Атлантическій Окіанъ спремитѣ свои валы, изъ одного міра вѣ другой, лежитѣ послѣдней изъ Гебридическихъ островѣ, которой уподобляясь спражу береговѣ Бретаніи своей матери, подѣмлетѣ до небесѣ вершину горы Ильды.

Блаженный островѣ, хотя подверженный вліянію ледовитой медвѣдицы, тебѣ неизвѣстны те художества, кои благоучреждаютѣ и повреждаютѣ наипріятнѣйшіе климаты; ты наслаждаешѣ

Часть III. мѣс. Декаб.

Р

ся

ся сокровищами простаго естества и простой добродѣтели. Никогда не видано было плавающихъ при берегахъ твоихъ окровавленныхъ знаменъ, и никогда смертоносный мечъ не опустошалъ благословенныхъ твоихъ нивъ. Имя роскоши, сей обольщающей спраси, напаяющей народы ядовитымъ нектаромъ, въ сей щасливой странѣ совсѣмъ неизвѣстно. Тихое спокойствіе, древняя вѣрность, сопряженіе сердець, и невинность сущь его домашніе боги. Они одаряютъ жителей сего малаго міра блаженствомъ жизни, душою неперзаемою неистовствомъ злыхъ спрасей, и тѣломъ болѣзнямъ прошивостоящимъ. Данитъ сихъ обитателей покрываются розами здравія, крѣпко сплешенныя жилы тверды являюся во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Житель острова пріобученный бурею къ опасностямъ и къ трудамъ, борется съ морскими валами, вздираясь на вершины каменныхъ горъ. Труды возбуждаютъ его на разсвѣтѣ, и пруды смыкаютъ очи его спокойнымъ сномъ въ то время, какъ въпры и волны ударяюся о камни въ оплотъ имъ положенные. Вольность изъ всѣхъ сокровищъ, неизвѣстныхъ никогда сребролюбю и честолюбю, есть лучшая его драгоценность, она яко по-

подруга независимости, любящая пещеры и пространные степи, съѣмъ пріятности свои посреди юнаго и мужественнаго возраста.

Дщерь неба и естества, о Муза чувствованія! молю тебя о помощи! хопя при захожденіи солнца пролетая въ дремучей лѣсѣ; или при явленіи Авроры преносся на высочайшія Алпійскія горы; или во время дневнаго зноя удаляясь подѣ зеленую кущу осѣневающую прекрасную долину; или при брегѣ сего пихаго попока, внушенія и разума, приклони ухо свое, *и будь мнѣ наставница*; да вознесется гласъ мой къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ имѣешь ты свое пребываніе; пріиди, и будь мнѣ путеводительницею.

Простри могущественныя свои крилъ надѣ сими спрощивыми волнами; въ слѣдѣ тебѣ да вознесусь я на верхѣ здѣшнихъ неприсступныхъ береговъ. Настрой лиру мою на гласъ бурливыхъ вѣтровъ, прорывающихся сквозь сіи обнаженныя горы; да соединится мѣра твоя и строй твой съ господствующею въ сихъ дикихъ мѣстахъ вольностию, и да пріобщится жалостной гласъ твой къ плачевному сему пѣснопѣнію, которое предпринимаю я провозгласить въ слезныхъ сихъ стихахъ.

На семъ мѣстѣ Авріель, добродѣ-
 тельнѣйшій Авріель обрѣлъ свое изгнаніе.
 Могла ли его горестъ изыскать глубо-
 чайшее сего уединеніе? Неправосуднымъ
 рокомъ и несчастіями брани изгнанный
 изъ тѣхъ пріятныхъ мѣстъ, которыя
 видѣли его рожденіе и возвышеніе, въ
 опдаленныхъ сихъ пустыняхъ влачитъ
 онъ изнуренныя бѣдствіями ошатики
 дней своихъ. Жестокое воспоминаніе
 твердитъ ему прошедшее блаженство,
 вѣрную супругу, избранную самою лю-
 бовію и разсудкомъ, дочь, въ нѣж-
 нѣйшемъ цвѣтѣ своей младости, пре-
 данную во власть непріятели, въ коемъ
 междоусобная брань заглушила гласъ
 совѣсти.

Терзаемъ сими воображеніями, на-
 полняетъ онъ воздухъ спенаніемъ, смѣ-
 шиваетъ свои жалобы съ звукомъ мор-
 скихъ водъ, и препровождаетъ цѣлыя
 ночи простершись на камнѣ поражаемомъ
 вѣтрами и волнами.

Въ таковомъ - то состояніи находи-
 лась душа его, до тѣхъ поръ, пока
 время, сей великій врачъ жизни, единъ
 вѣдающій таинство смыкать очи печա-
 лію отверстыя, и изглаждаетъ слѣды
 мрачной задумчивости, сіе мощное вре-
 мя вліяло въ распаленныя его жилы ти-
 хое и цѣлебное врачеваніе. Послѣ же-
 стоѣ

спокихъ страданій слѣдуетъ нѣкое успокоеніе, которое однакожъ не безопасно, ибо оно есть слѣдствіе вреющихся волнъ угрожающихъ еще ужаснѣйшею бурей. Но наконецъ вступаетъ разумъ на свой престолъ. Авріель обращаетъ очи къ небу, и сквозь густыя облака, покрывающія чувства человѣческія, съ благоговѣніемъ зрѣтъ онъ Вышнее Существо, единого посредника судебъ нашихъ, всегда правосуднаго, и всегда премудраго, коего милосердая Десница разитъ и въ то же время исцѣляетъ. При сихъ мысляхъ чувствуетъ онъ успокоеніе терзающихъ его страстей: неукротимый гнѣвъ, жестокое мщеніе, сіи ужасныя чрезвычайности и слабости исчадія обуздываются рукою добродѣтели. Заблужденія, коихъ человѣкъ бываетъ игралищемъ, исчезаютъ подобно парамъ испаряющимся отъ лучей восходящаго солнца. Вознесенный вѣрою превыше міра сего временемъ ограниченнаго, въ коемъ водворяются смерть и грѣхъ, видитъ онъ изыщную дальновидность небснаго царствія исполненнаго свѣта и любви. Вздохи изъ его сердца излепающіе исторгаются едиными только именами супруги и дщери возлюбленной, и воображеніями тѣхъ бѣдствъ, кои онъ изъ нѣжности къ нему претерпѣваютъ, доставшись въ користь

непріятеля, невнемлющаго гласу жалости.

Солнце находясь въ созвѣздіи *близнецовъ* сниспосылало сему острову пріятнѣйшее годовое время, какое бываетъ въ немъ въ прочіе мѣсяцы только въ полдень, хотя положеніе его есть на самыхъ предѣлахъ обширнаго владычества мразовъ, однакожъ изобильно пользуется лучами благотворящаго свѣшила. Пригорки и долины покрыты полыню, цвѣтущимъ ландышемъ, и Ароматическимъ кармелемъ: (а) повсюду наслаждаются въ немъ здоровымъ благоуханіемъ. Въ самыхъ каменныхъ горахъ, коими обнесенъ островъ, являются щедрости весны. Сіи водяные камни бывшіе прежде сего пустыми, населены нынѣ бесчестнымъ множествомъ пшицъ, прилетѣвшихъ изъ неизвѣстныхъ странъ. При гласѣ природы дерзали они предпринять дальній путь, и сверхъ пространнаго Окіана преносясь чрезъ безпредѣльную обширность небесъ, умѣли сіи пернатые достигнуть къ назначенной точкѣ и найти тамо брачное свое ложе.

Аврїель

(а) Извѣстное Бошаникамъ растѣніе, подъ именемъ *Argatilio Sylvaticus*, кое жители сихъ острововъ весьма почитаютъ.

Аврїель примѣчаетъ сихъ воздушныхъ жипелей, потомъ опуская очи свои на движущуюся степь моря, гдѣ взоръ его гибнетъ и мысли возвышаются, благословляетъ всемогущую Десницу содѣлавшую одрѣ неизмѣримой сей глубинѣ и заключившую въ вѣчные круги жидкость ея сферы, Десницу, копорая женетъ вѣтры отъ одного полюса къ другому, дабы совокупить вмѣстѣ разсыпанныя міры, и соединить въ заимномъ вспоможеніи и любви цѣлое племя земли. Пріятный часъ вечера приближался: солнце спускаясь бросало на Окіанъ позлащенные лучи свои: пурпуровидное стекло отражало блистательный его образъ, вокругъ коего испещренные облака составляли прекраснѣйшую воздушную картину. Изгнанникъ пораженный велѣбіемъ сего позорища преисполнялся восхищительнымъ восторгомъ, и предаваясь въ глубокое размышленіе имѣлъ обращенный взоръ на гладкую плоскость водъ, какъ вдругъ изъ подъ земныхъ заклеповъ, изрытыхъ моремъ, воспаетъ глухой шумъ, и наподобіе жалостнаго вопля изъ пещеры въ пещеру отглашается. Птицы прерываютъ свое пѣніе, Зимородокъ произнесъ печальный крикъ излетаетъ изъ гнѣзда своего, и спремится къ морю. Ночь прежде обыкновен-

наго часа наступаетъ и распилаетъ по волнамъ страшный мракъ: колеблющіяся воды содрагаются: шествуетъ громада густыхъ облаковъ, неся во чревѣ своемъ бурю и смерть: ужасный полуденный вѣтръ спремится съ яростию на препещущія моря. Съ поверхностей каменной горы, коей вершина бурь не боится, взираетъ неподвижный Авріель на сіе престрашное смятеніе. Взоръ его оспанавливается на водныхъ сихъ горахъ, и слухъ его сопрягается отъ грома необузданныхъ волнъ морскихъ. Тамо, гдѣ взоръ его кончается, и гдѣ отдаленные валы соединяютъ съ облаками сѣдую свою пѣну, вдругъ открывается ему корабль, яко капающійся съ воздуха. Сей непонятный предметъ гонимъ бурю наконецъ приближается, и уже различаются на немъ вѣтрила и щеглы. Авріель преслѣдуетъ его примѣчательнымъ окомъ, и призываетъ на помощь того, коего гласу вѣтры повинуются, и коего мановеніемъ усмиряется волнующееся море: онъ молитъ его да призритъ съ небесъ на несчастныхъ погибающихъ въ сихъ мракахъ посреди кипящихъ пучинъ, окруженныхъ ужасомъ смерти. Но, о главы на смерть осужденныя! ни мольбы ваши, ни мольбы вамъ подобныхъ, не могутъ

гуть отсрочить послѣдняго часа вашего. Мгновенно шумный духъ бури оставляетъ глубокую свою пещеру, въ которую не проникалъ никогда свѣтъ дня; онъ выходитъ изъ сей пропасти съ угрожающимъ взоромъ; ужаснувшіяся волны бѣгутъ съ ревомъ предъ лицомъ его. Потомъ издаетъ зловредное велѣніе и топчасъ неистовые Аквилоны распростирая черныя свои крылья, обремененныя градомъ и сильнымъ дождемъ, погоняютъ предъ собою бурю, разсѣдающуюся съ трескомъ: порывистое ихъ дыханіе достигая до дна самой пучины, поднимаетъ и опрокидываетъ цѣлую груду водъ. Слабое игралище сего ужаснаго рвенія, корабль, крушится съ чрезвычайною силою, руль преломляется, мачты раздробленныя упадаютъ, парусы раздранные летятъ далече въ воздухъ. Небо, спаси сихъ несчастныхъ! Половина Океана вздымаясь, наклоняетъ слабое судно и покрываетъ смертною тѣнью; потокъ проливается, несчастныя утопаютъ, а корабль на вѣки поглощается.

Авріель бывъ всему оному свидѣтель; проливъ воли орошаетъ слезами поблекшія отъ древности ланины свои; отвращается и бѣжитъ плачевнаго сего предмета, и имѣя удрученное горестію сердце, шествуетъ въ безмолвіи: буди

воля твоя, Всевысочайшій Правитель судьбъ! но смерть испоргаетъ слезы, и человѣкъ долженъ чувствовать несчастіи человѣчества.

Въ нѣкоемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ былъ онъ зрителемъ сего жалостнаго дѣйствія, тамо, гдѣ мысль углубляясь обращается къ полюсу, возвышалась гора наподобіе висящаго свода: утвержденная собственною своею тяжестью, представляется она яко врапа нѣкоего древняго храма. Авріель погруженный въ мысляхъ проходя сію пещеру, внезапно слышитъ своды оглашенныя шумомъ и воплемъ. Онъ остана-вливается, возводитъ очи, и зритъ многихъ островскихъ жителей толпящихся около человѣка, изверженнаго моремъ на брегъ сей. Приближается, и находитъ разпростерта на песокъ. Въ померкшихъ его очахъ не горитъ болѣе огонь жизни, ланиты его лишились живаго цвѣта, коимъ они одушевлялись; смертная блѣдность покрывала обезображенныя его черты, съ власовъ его спекала соленая вода, въ рукъ держалъ онъ опломокъ весла, яко свидѣтеля, шѣхъ усилій, кои употреблялъ онъ въ бореніи съ волнами. Младъ, и сотворенный руками естества съ пріятностію, смѣлая черта лица соединялъ съ красотами стройнаго его

его стана. Подвигнутый жалостию Авриель, возвелъ просящія очикъ Небу; и зная, что искра жизни скрывается иногда удалившись въ самое средоточіе, и тамо сохраняетъ она силу свою, повелѣваетъ не мѣшкавъ опнестъ въ свое жилище бездыханное сіе тѣло. Услужливая рука согрѣваетъ оледенѣвшіе его члены, разныя благовонія изгоняютъ зловредныя пары обременяющія его мозгъ, выжатое изъ горныхъ травъ питіе течетъ въ его жилы. Вскорѣ слабое движеніе возвращается въ остановившійся его пульсъ; въ лицѣ зрится кровь пріемлющая прежнее свое теченіе; мало помалу возвращается онъ изъ сего смертнаго страха, подобно возбуждающемуся съ великимъ трудомъ отъ ужаснаго сновидѣнія.

Возвращеніе къ жизни и скорби купно явилось въ полуоткрытыхъ очахъ его мещущихъ пусклый блескъ. Онъ обративъ ихъ томно къ небу, потомъ на окружающихъ его слезящихся незнакомцовъ, затворяетъ паки не возмогши сносить жизни и свѣта. Наконецъ прерывающимся голосомъ произнесъ онъ едва дышущъ нѣсколько словъ, изъявляющихъ безпорядокъ чувствъ его: „Опускайте, опускайте всѣ пары, сы. О небо, сжался надъ нами! Ахъ! весь Окіанъ спремится на главы наши.

„ Пог.

„Послѣдняя надежда моего сердца,
 „нѣтъ, нѣтъ мы не будемъ разлуче-
 „ны. Пособите, пособите мнѣ, сія
 „волна ея съ собой уноситъ. О когдабъ
 „какой нибудь небесный пламенникъ
 „освѣтилъ сію мрачную пучину! опда-
 „ленна! поглощенна! увы! я тебя на вѣкъ
 „лишаюсь.

Онъ замолчалъ, и шрепетъ об-
 емлетъ всѣхъ блѣдныхъ зрителей. Аврі-
 ель ихъ оппустилъ съ благодарностію и
 знаками дружества. А оставшись одинъ
 съ чужеземцемъ, взирая на лице
 его, примѣчаетъ безпокойнымъ окомъ
 всѣ его движенія, всѣ его вздохи. Ино-
 гда избираетъ онъ минушу, желая по-
 дать ему нѣкоторое утѣшеніе, иногда
 удерживается страхомъ встревожить
 священный покой, нужный въ злополу-
 чіяхъ.

Межъ ихъ владычествуетъ печаль-
 ная, глубокая и шоржественная пишина.
 Наконецъ возопилъ Авріель: о ты извер-
 женный чудомъ изъ бездны моря! ест-
 ли ужè ты очувствовался, по можешь по-
 знать всемогущую Десницу, тебя сохра-
 нившую! такъ благослови же ея! Заклю-
 ченный въ непроницаемой пучинѣ гласъ
 Всемогущаго повелѣлъ смерти возвра-
 щить свою корысть, дабы ты суще-
 ствовалъ подобно зданію удивленія и
 любви

любви . . . . Онъ меня не слушаетъ: какоенибудь чудное несчастіе удручаетъ его? какая ниестъ мучительная тайна грызетъ его сердце, и извлекаетъ сіи горькія слезы? . . . Открой мнѣ внутренность твоей души! Сколь ни велико было бы твое прискорбіе, знай, что я самъ чрезъ многія бѣдствія приобрѣтаю право раздѣлять злополучія, я умѣю возвращать чадамъ горести, слезы за слезы, и воздыханія за воздыханія.

Что слышу я? вскричалъ чужестранецъ, по вѣскомъ удивленіи и ужасѣ. На сей неизвѣстной смертнымъ землѣ, близь отдаленнѣйшихъ предѣловъ естества, языкъ столь мало сходствующій съ симъ грубымъ климатомъ, и откровенное къ чувствованіямъ нѣжнѣйшей жалости сердце! Великодушный незнакомецъ, если бѣдствія непріемлющія врачеванія предали тебя навсегда отчаянію, то зришь ты предъ собою достойнаго товарища въ твоемъ несчастіи, кого свѣтъ утра не призоветъ никогда къ радованію, ни ночь не пригласитъ къ сладкому покою. Повѣрь мнѣ, во цвѣтѣхъ лѣтѣ твоихъ можетъ быть и твое сердце чувствовало сіи движенія, сіе пріятное смятеніе, раждающееся при возрѣніи на божественную красоту, когда она въ первый разъ предъ насъ являет-

является. Казалось ли тебѣ, что само небо благословляло сію добродѣтельную склонность? Сниспослало ли оно тебѣ сіе непріобрѣтаемое никакими сокровищами щастіе, по щастіе, которымъ могущество Царей наградить не можетъ, по небесное блаженство, пламящее любовію за любовь? Извѣстны ли тебѣ были сіи спремленія взаимной нѣжности и вѣрности, отъ коихъ сердце восхищается? Естли судьба швоя была такова, то познавъ мои утѣхи, познаешь мое и отчаяніе. Сіе блаженство, сіе столь зависти достойное блаженство, поглощено вѣ сихъ пучинахъ. О небеса! предавшія вѣтрамъ и волнамъ невинную, вы одни можете сказать чего я лишился. О несчастный любовникъ, о горькій Аминпоръ! . . . слезы и рыданія прервали его голосъ, онъ сдѣлался нѣмъ вѣ своемъ отчаяніи и повергся вѣ прежнюю грусть.

Вѣ сіе время вечерній часъ освѣщавшій слабымъ лучемъ изчезъ, и темная ночь наступила на его мѣсто, коей ужасъ сдѣлалъ еще печальнѣе сей жалостной разговоръ. Авріель почувствовалъ всю его силу. Сила природы довольно была ему извѣстна, почему не дерзалъ онъ сразиться съ отчаянною любовію. О Аминпоръ! почто не могу по-

помочь, рекъ онъ, тѣмъ нещастіямъ, кои я самъ съ побою раздѣляю: свидѣтельствуюсь тебѣ Небомъ, зрящимъ твои слезы! я избавляю душу твою отъ жестокихъ ея скорбей. Ибо сіе справедливо есть, когда разсудокъ и любовь проливаютъ слезы на единомъ гробѣ! иди, да смѣсятся совокупно рыданія наши для той, которую почитала твоя добродѣтель, и о которой рвется твоя вѣрность. Всякой день, едва Аврора повлапитъ наши горы, едваночь покроетъ ихъ своею тѣнію, всѣ пріятности лица тебѣ любезнаго, всѣ красоты души ея будутъ составлять разговоры наши. Потомъ услышишь ты плачевное повѣствованіе. . . . Аминторъ! сердце твое вострепещетъ отъ всякаго воображенія тѣхъ горестей, отъ коихъ оно обливаешь кровію. Но ночь приближается и уже наступаютъ часъ опдохновенія: да дадутъ тебѣ небесныя посланники, бдящіе надъ бѣдными смертными, покойной сонъ, да предложатъ тебѣ образъ свѣта, и да вдохнутъ въ душу твою святыи миръ, въ возмездіе за добродѣтель.

Полночь приближалась, густая тѣма покрывала всю Гемисферу. Сквозь ужасъ мрака вѣтры испускали свой страшный свистъ; волны еще раздраженные уда-

ударяясь о каменные горы, служащія острову оградой, спремилы свои угрозы до ушей Аминпора. Онъ мня себя еще уносима свирѣпостію вѣтра, и покрываема морскими грозными валами, пребываетъ въ трудахъ и движеніи. Память изображаетъ ему блѣдными красками бурю и ея ужасъ; впрочемъ видитъ онъ себя оппоргаема отъ предмета своей нѣжности, который любитъ онъ паче жизни. Наконецъ удрученная душа тягостію тѣла, погружается въ сонъ, и забываетъ плачевное свое приключеніе.

Покой маловременный! Хотя разумъ засыпаетъ, но воображеніе пробуждается. Оно изводитъ изъ скрытныхъ жилищъ суетныхъ призраковъ чадъ страха и тщетной надежды. Вдругъ воздухъ помрачается, море волнуется, Аминпоръ, иногда стѣсненный водною горою, стремящеюся его покрыть, иногда взброшенный на вершину волнъ, лишась чувствъ, зритъ себя несомая изъ одного облака въ другое. Иногда выброшенный на неизвѣстный брегъ въ обширную пустыню, гдѣ вѣчно господствуютъ тьма и молчаніе, влечется онъ съ великимъ усиленіемъ скипаяся по пространнымъ пескамъ, слышитъ издалека ревушія въ сихъ степяхъ волны, и почи-

почитаешь лепящимъ себя отъ ужаснаго паденія въ центръ Хаоса.

Однакожь находитъ тамо Θεодору со всѣми ея пріятностями, принимающую его съ нѣжною улыбкою: очи ея, подобно чистому и безоблачному небу, открываютъ всю ея душу: преступленію она непричастна, и желанія свои не скрываетъ: тамо благоухающія мирты и цвѣты растутъ и преклоняются на подобіе кущи, соловьи произносятъ брачныя пѣсни, любовники прогуливаются и рѣзвятся по испещренному цвѣтами лугу, и во взаимныхъ своихъ восторгахъ перемѣняются сердцами.

Три раза Аминторъ покушается заключить въ свои объятія Θεодору, и три крапы убѣгаетъ она и исчезаетъ въ воздухъ. Остановись! куда бѣжишь ты? вопіетъ онъ, но вдругъ пробуждается, и въ восхищенныхъ его чувствахъ оспается одно воображеніе: сей прекрасный образъ пребываетъ еще въ его глазахъ, сей любезный гласъ повторяется еще въ ушахъ его.

Увы! пріятная мечта! размышленіе ее прогоняетъ, и онъ обрѣтаетъ единую свою тоску. Кидается съ своего ложа, и скипаясь во тьмѣ по берегу, подобно привидѣнію, изгнанному мученіемъ изъ своего гроба, восходитъ

на каменную гору и покушается низринуться въ волны морскія; но воля небесъ въ томъ ему пропивится; ибо страсть сія неспособна приниматьъ отъ разума совѣты: однако гласъ надежды вопіялъ еще ему: можетъ быть утлая ладія, которой вручилъ онъ свою возлюбленную, предстанетъ его взору, почему обращаетъ повсюду пламенные очи свои, но не зрѣтъ Теодоры, ни мертваго ея тѣла, которое бы орося своими слезами, возмогъ покрыть землю.

Ужè недремлющіе часы отворяютъ врата востоку; Аврора выходитъ съ пурпуровиднымъ въ рукъ пламенникомъ. Обширной горизонтъ поднимаетъ завѣсу, и являетъ величественное и дивное позорище для очей Аминшора, когдабъ могъ онымъ наслаждаться. Подъ ногами его глубокое Сѣверное море простираетъ на безконечное пространство клубящіяся свои волны. Въ разныхъ мѣстахъ зрятся какъ будто исходящія по степенямъ изъ утробы его сіи безчисленные острова, драгоцѣнные украшенія Албіониной Короны.

По ту сторону высокихъ горъ являются багряновидныя облака. Ближе безчетныя картины поражаютъ удивленный взоръ. Здѣсь обнаженная каменная гора, поставленная на столпахъ изъ
утѣ-

утѣсистыхъ каменьевъ , составляетъ странное зданіе ужасной вышины. Тамо, дикой пополь, развѣсистой дубъ, вздымающая главу свою сосна, позлащаютъ зелень свою лучами солнечными.

Между тѣмъ, возбуждаясь Авріель изъ покойнаго сна, коимъ воздержаніе награждаетъ, помышляетъ соединиться съ младымъ чужеземцемъ, и воспринять попеченіе, внушаемое сожалѣніемъ.

Но прежде всего, возвыся сердце свое къ сотворшему его чувствительнымъ, вѣщаетъ тако: „ Начало свѣта, о Ты, „ у коего заимствуетъ солнце свое сіяніе, источникъ жизни и любви, коего милосердый взоръ одушевляетъ въ сіе мгновеніе все естество; о первѣйшее и изыщнѣйшее Существо! коего неизреченное бытіе удаляется отъ изысканія челоуковъ; однакожъ смертный, хотя поставленный на первѣйшій степень изъ всѣхъ земныхъ, можетъ читать безпредѣльное твое могущество, высочайшее твое всевѣдѣніе, начертанное въ твоихъ дѣлахъ писменами подобными древностью и безконечностью солнцу. Всегда пребывающее благочестіе, всегда одинакое, проспирающееся во вѣки вѣковъ отъ міра до другаго міра! пріими мои мольбы, о премилосердый, коего дѣйствія пролива-

С 2

„ ются

„ ются отъ превознесеннаго престола
 „ на землю, на воздухъ, на воды, и
 „ входитъ во все оживотворяющееся. Вся-
 „ кое животное на земли, въ волнахъ и
 „ въ воздухъ, возсылаетъ къ жилищу
 „ твоему безкончныя хвалы. Общій
 „ Отецъ! да проспрется гласъ мой,
 „ оживотворившійся благодарностью по-
 „ среди сей всемирной пѣсни; да озна-
 „ менуетъ онъ тварь одаренную вольно-
 „ стію, способную быть добродѣтельнойю
 „ и блаженною, сотворенную съ шѣмъ,
 „ чтобъ познавать Тебя и поклоняться
 „ Тебѣ.

„ Хотя ты хочешь продолжитъ
 „ жизнь мою, или хотя въ сей часъ при-
 „ ближается ко мнѣ смерть, не воз-
 „ гнушайся, о Отче и друже мой! напра-
 „ вишь стопы моя непорочны посреди
 „ спезей мрака, въ которомъ обитаетъ
 „ страхъ и грѣхъ, къ свѣтлому жилищу
 „ мира и истинны.

По семъ возвышеніи искренной ду-
 ши, изходитъ Авріель и шествуетъ
 твердыми стопами на каменную гору,
 съ тою крѣпостію, которою награждаютъ
 воздержаніе, труды и спокойная совѣсть,
 сія великая подпора поддерживающая
 жизнь даже до глубочайшей старости.

Онъ зрѣтъ незнакомца распроспер-
 шагося по землѣ и погруженнаго въ глу-
 бокія

бокія размышленія. О зрѣлище! вѣщаетъ Авріель, о зрѣлище, могущее извлечь слезы изъ очей и самой пышности! пошѣ, которой зрѣлѣ себя вчерась исполненна дарами любви и щастія, облада-телемъ всего того, что только пред-ставляло воображеніе пріятнѣйшимъ ему, нынѣ валяется по песку, подѣ неизвѣст-нымъ небомъ, лишенный всего, даже и самой надежды. О вы препровожда-емые утѣхами, увѣнчанные величес-твомъ, щастливые смертные! возрите, во что вы вѣ единый часъ можете превра-титься!

О небеса, услыште несчастнаго, вскричалъ Аминторъ; да превратится перзающая меня скорбь вѣ ужасное неистовство, да ввергнетъ оно меня вѣ смертельную горесть. Свѣтъ мнѣ мер-зокъ, текущіе вѣ жизни моей дни ни-что иное суть, какъ тьма и опчаяніе. .... Но кто произноситъ жалобы, забываетъ что онѣ смертенъ..... О дщерь невинности! естли посреди покоя, гдѣ ты теперь вознесена, превыше плѣннаго неба, могутъ еще тебя про-нуть святѣйшія на земли имена, кои были для тебя драгоценнѣйшими, имя друга, имя любовника: попроси на меня лучъ свой, яви мнѣ то несчастное мѣсто, на кое безжизненное твое тѣло

брошено было волнами: да возмогу я ..... Жестокій рокъ, не ужè ли сохранилъ ты любовника для столь горестнаго исполненія! да, отдамъ я симъ драгоценнѣйшимъ остаткамъ послѣдній долгъ, обливъ хладную ихъ руку моими слезами, и да приближу тотъ часъ, въ которой смѣшается прахъ мой съ драгимъ симъ прахомъ!

Таковы были и мои сѣтованія, сказалъ Авріель приближась. Все, что сердце можетъ чувствовать, мученія, горести и ярости, перзало другъ за другомъ мою упробу. Внемли, добродѣтельный юноша, и изъ чрезмѣрныхъ моихъ несчастій научись сносить свои собственные. Ты зришь предъ собою челоуѣка, коего начало и середина жизни употреблена съ честію въ подвигахъ добродѣтели, имя коего почитаемо было симъ малымъ числомъ людей, коихъ хвалы исполнены славы. Сей другой долговременнѣйшій источникъ щастія, миръ, домашняя любовь, проливали сладость на дни мои. Обладая совершеннѣйшею супругою, узы дружества сплеченныя съ узами любви соединяли вмѣстѣ наши воли: мы имѣли единый страхъ, единую надежду, единую землю и единое небо. Я обрушился, Аминпоръ, со щастливаго сего состоя-

нія

нія вѣ изгнаніе, вѣ нищету, причисленѣ кѣ злодѣямѣ, зрю себя низверженнаго симѣ общенароднымѣ мщеніемѣ, коего позорѣ долженѣ простираеться надѣ единымѣ токмо преступникомѣ.

И сіе, о высочайшій разумѣ, и сіе простирается отѣ власти похищающей твое могущество, присвояющей себѣ божеское право, для нарушенія безѣ наказанія законовѣ, сохраняющихѣ черты твои!

О ты, искусившійся долговременнымѣ изгнаніемѣ, Монархѣ, возчувствовавшій бремя утѣсненія, внемли гласу твоего народа, воздыхающаго подѣ подобнымѣ сему игомѣ, онѣ заклинаетѣ тебя тѣми днями, кои провелѣ вѣ скудости и вѣ горести, сжался надѣ бѣднымѣ его состояніемѣ.

Бѣги однакожѣ отѣ меня далече, сіе необузданное своевольство, скрывающее подѣ именемѣ любви кѣ опечеству ненависть кѣ законному правленію. Да будутѣ законы хранителями Государя и народа! да утвердятѣ они таковымѣ образомѣ первѣйшее наше право, первѣйшій нашѣ достатокѣ, душу всего радованія, вольность, наслѣдство всѣхѣ мыслящихѣ тварей, наслѣдство неоспоримое человѣческое.

Но естѣлижѢ, отвергая даруемое намѢ небомѢ, дерзнетѢ презираѢть МонархѢ то, что изящнѣйшимѢ дѣлаетѢ его право кѢ престолу, естѣли вмѣсто паспыря народа, сдѣлается онѢ расхитителемѢ онаго; то покорность сему тирану учинится измѣною противѢ рода человѣческаго; великѢ ли небо благословляѢть морѢ, или землетрясеніе, вѢ то время, когда свирѣпость ихѢ пожираетѢ тысячи жертвѢ.

Но однакожѢ, о скорбѢ! вѢ такомѢ состояніи находилось несчастное наше отечество. ЗвукѢ нашихѢ цѣпей, гласѢ нашихѢ вздоховѢ, исходящихѢ изѢ дикихѢ пещерѢ, достигнувѢ неба, пролилѢ мольбу свою на ожесточенную и истребляющую десницу мучителя, которой долженѢ былѢ не упоминая тиранства, братолюбіемѢ обращатѢ кѢ раскаянію.

ВѢ сей то безднѢ исчезло мое блаженство. Я самѢ, АминшорѢ, подобно общенародной заразѢ, казался опаснымѢ обществу, ненавидимѢ всѢмѢ естествомѢ, осужденѢ, не бывши призванѢ предѢ Судей, и не удостоенѢ вниманія, мзда крови положена была на главу мою; устремили на меня убійцевѢ, возбужденныхѢ сребролюбіемѢ кѢ человѣкоубійству: недостойное дѣло! на сіе направитѢ ихѢ поручено было смертельному моему врагу, человѣку извѣстному, ненавидимому

за-

за неслыханныя дѣла ужаснаго варварства! подлогъ, о небо! дерзну ли я оной изречь не воспламенивъ твоей молніи! подлогъ вѣры учинилъ сего кровожаждущаго челоуѣка жестокосердиѣе живущихъ въ лѣсахъ чудовищъ. Онъ вооружаетъ полчище своихъ сообщниковъ, изученныхъ во всемъ томъ, что могло изобрѣсть искусство мучительства, злодѣевъ пріобыкшихъ къ најестпочайшимъ преступленіямъ. Пламя предъ ними предшествуетъ, грабительство оставляетъ слѣды за собою. Сіе уединеніе, сія сѣнь, въ коихъ издавна любовь и добродѣшель избрали себѣ убѣжище, кои сама брань пощадила, сдѣлались позорищемъ ихъ свирѣпости. Супруга моя, дщерь моя, посреди времени посвященнаго покою, посреди вопля тѣхъ, кои были свидѣтелями подлой сей свирѣпости, отторгаются немилосердно отъ своего одра и отъ своего дома. Онъ желаетъ извлечь отъ нихъ угрозами признаніе о мѣстѣ моего убѣжища. Удерживаетъ ихъ яко невольницъ въ своемъ ненавистномъ жилищѣ. Ахъ! да не коснется ни едина моя мысль къ сему несчастному берегу. Опасаюсь погубить возстановленный толикими усиліями душевный покой мой; воспоминаая всѣ мои напасти, опасаюсь, чтобъ небесная

сная надежда не попонула въ моемъ отчаяніи; Емилія, дражайшая супруга, и ты моя Теодора, единый залогъ нашей любви!

Онъ продолжалъ еще свою рѣчь ..... Но, о жалостная муза, вся твоя сила прободающая сердца, останавливающая кровь въ замерзшихъ жилахъ, весь твой съшующій голосъ, всѣ выраженія горести, довольно ли сильны изъяснить чувства Аминтора! О небо! что слышалъ я, Авріель! ..... О смятеніе! ужасъ! ты - то тотъ, съ коимъ поступали столь несправедливо, ты - то несчастнѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ! увы, ты былъ родитель? На семъ несчастномъ брегѣ ..... Твоя Теодора ..... При сихъ словахъ онъ упадаетъ, смертный мразъ сжимаетъ его сердце, душа его вторично стремится отлетѣть.

Подобясь путешественнику, при ногахъ коего разселась съ трескомъ громовая стрѣла, онъ пребываетъ отъ ужаса окаменѣвшимъ; очи его неподвижны заблуждаются, члены его нѣмбуютъ, и тѣло уподобляется мраморному изображенію страха; такимъ являлся сей несчастный родитель при семъ ужасномъ, хотя въ половину выговоренномъ, но довольно внятномъ словѣ; лишается онъ силъ испустить дыха-

ха.

ханѣ и пролить слезы; всѣ члены его замерзаютъ отъ испуга: вдругъ, подобно чловѣку, коего мозгъ злое сновидѣніе поколебало и возпламенило неистовствомъ, встаетъ Аминшоръ, и извлекаетъ кинжалъ: „Я, вскричалъ онъ, я „одинъ достоинъ великимъ мученіямъ „неправосудія; и вотъ тако кончаю я „люпость моей судьбы“. Онъ возноситъ руку, Авріель его схватываетъ, озираетъ очами исполненными страха и съ трепещущимъ сердцемъ всѣ черты сего прекраснаго юноши, дабы вспомнятъ не знакомы ли они ему: о вредное предпріятіе! вскричалъ онъ наконецъ. Кто бы ты таковъ ни былъ, берегись посягать на свой животъ. Не присовокупляй къ твоимъ преступленіямъ, естли ты тому причастенъ, такого злодѣянія, котораго и само естество трепещетъ. О Всевышній Судія! дерзнешъ ли смертный нарушить твои повелѣнія, и во время своей ярости предстать предъ страшное лице твое обогранный еще тою кровію, которую не пощадилъ онъ пролить! призови, Аминшоръ, твой разумъ, помысли о себѣ, о законахъ и правосудіи держащаго въ сіе самое время надъ главою твоею десницу. Но повѣдай: хотя еще я и дрожу отъ ужаснаго твоего предпріятія.

пріятія, однакожѢ неперпѢливо желаю
узнатьъ что сіе значитѢ . . . . . Увы! я
не долженѢ болѢе спрашивать! Моя Фе-
одора . . . . . О небо! не ужѢ ли грѢхи
мои превзошли милосердіе швое? но я,
укрощающій неистовство сего юноши,
долженѢ самѢ предаться подобнымѢ
перваніямѢ? Небо даровало мнѢ его
услыша мои молитвы, Небо беретѢ оный
дарѢ своея милости; буди оно равно-
мѢрно благословенно вѢ обоихѢ сихѢ
разпредѢленіяхѢ.

АминшорѢ исполненный стыда и
удивленія, приходитѢ наконецѢ вѢ са-
маго себя. ОнѢ бросается кѢ ногамѢ
старца, прилѢпляетѢ сѢ восхищеніемѢ
кѢ рукѢ его дрожащія свои уста; на
исполненныхѢ слезами очахѢ его является
страхѢ, смятеніе и почтеніе, они вмѢ-
сто словѢ вѢщають, ищуть и убѢгаютѢ
взоровѢ почтеннаго пустынника; сму-
щенныея движенія едва позволяють дро-
жащему его гласу произнести сіи рѢчи:
„АхѢ! что ты сдѢлалѢ? по что спа-
„самѢ недостойнаго? Ты не можешь его
„узнать, его не возненавидя. Твоя честь,
„швоя любовь, швоя вѢрность, всѢ сіи
„долги меня осуждаютѢ. Я есмь . . . . .
„АхѢ! отврати швои взоры, сіи ужас-
„ные и величественные взоры; поз-
„воль не зрѢть мнѢ, что я ненавижу.

„О

„ . . . . . О небо, о добродѣтель, про-
 „ спите мнѣ когда отрекусь я отъ по-
 „ чтенія къ тому, кого естество ува-
 „ жать повелѣваетъ! оно дало мнѣ оп-
 „ цемъ Роланда; но узами святѣйшими
 „ самыя природы, я непричастенъ его
 „ преступленіямъ . . . . О Всесильный Бо-
 „ же! сынъ Роланда у моихъ ногъ, въ
 „ моей власти! какая ужасная брань про-
 „ исходитъ въ моей душѣ! . . . . Коле-
 „блющійся мой разумъ . . . . . единымъ
 „ ударомъ, не взирая на раздѣляющій
 „ насъ Окіанъ, поразитъ сердце моего
 „ врага . . . . Бѣгите прочь отъ меня
 „ несвойственныя добродѣтельной душѣ
 „ движенія, не ужѣ ли предамся я тѣмъ
 „ злодѣяніямъ, кои скверными мнѣ кажутся
 „ въ моемъ гонителѣ; во время сихъ рѣ-
 „ чей держалъ онъ внесенный кинжалъ,
 „ внесенный надъ лежавшимъ у ногъ его
 „ юношею: Аминторъ распроспря руки
 „ казался предускоряющъ принять губи-
 „ тельной ударъ. Но смертоносное желѣ-
 „ зо упадаетъ изъ рукъ Авріеля, жалость
 „ торжествуетъ; онъ намѣревался ея изъ-
 „ явить, какъ вдругъ толпа островскихъ
 „ жителей собирается вокругъ ихъ. Они
 „ приходятъ, слѣдуя древнему обычаю,
 „ которой они благоговѣнно хранятъ, пред-
 „ ставить свое попеченіе и свою помощь
 „ чужестранцу.

Предводитель ихъ мудрый Монтанъ, коего главу время покрыло снѣгомъ, и коего очи проникаютъ въ предвѣдущее.

Авріель помѣшавъ немного отводитъ его въ сторону, и поручаетъ ему Аминтора. Спаси его отъ самаго его, рекъ онъ, и не ожидая на оное отвѣта, удаляется и относитъ въ свое жилище превозжущія его мысли.

Солнце возстало превыше горъ, стоящихъ на полуденной странѣ Килды, воздымающихъ до небесъ тройныя свои главы, оно кидало сильныя лучи на долину. Спада тихими шагами влеклися къ берегу, ища себѣ межъ камнями горькую и здравую пищу. Вѣрное природное побужденіе являло имъ часъ прилива, не взирая на производимыя свѣтиломъ ноши въ непостоянномъ своемъ теченіи перемѣны. Посему-то предчувствованію животныхъ простодушные ихъ пастыри учреждаютъ въ полдень умѣренную свою трапезу.

Одинъ Авріель пребываетъ нечувствителенъ къ естественнымъ требамъ, помышляя безпрестанно о своихъ несчастіяхъ. Печальныя воображенія представляя ему, что дщери его нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и что судьба его супруги неизвѣстна, ожесточаютъ ту горесть, которою

порою онъ равно какъ мучительнымъ невѣдѣніемъ попеременно терзается. Разумъ и природа вступають въ брань, въ коей побѣда зрится преклоняющею вѣсы на обѣ стороны. Наконецъ призвавъ всѣ силы добродѣтели, полагаешь онъ на несильную подпору слабости; отдается въ его волю, и посвящаетъ вышшей Власти чувства родительскаго сердца. Драгоценное воспоминаніе, извлекающее изъ души его вздохи, начинаетъ понемногу исчезать. Слезы, которые испочить и печаль и радость имѣють право, окропляютъ наконецъ ланины его; слезы горячности орошающія лице наше вдругъ отъ печали и радости непостижимою силою наконецъ проливаются.

Спокойствіе начало показываться сквозь бурю колеблющую его душу, разумъ кидаетъ свѣплый свой лучъ приносящей ободреніе и крѣпость, внезапно изъ далека видишь онъ приближающагося тихими шагами Аминтора. Скорбь разсѣвала на печальныхъ его чертахъ тайную пріятность. Благородная и величественная его осанка прогаетъ пустытника; жалость, любовь, подвигаютъ его сердце; онъ садится на сдѣланную изъ дерна скамью и юноша начинаетъ рѣчь тако:

Пре-

Преклони внимательное ухо къ повѣствованію Аминтора, и да осудитъ или разрѣшитъ его твое правосудіе. Но могу ли я изречь имя родителя, когда истинна воспящаетъ присовокупить къ оному похвалы? сіе имя, кое небо учинило священнымъ, вкругъ коего естество поставило честь, должность и любовь наподобіе проякой ограды, къ коему никакая дерзкая мысль не можетъ приближиться. Глаза мои были свидѣтелями, увы! они зрѣли весьма близко мерзкія дѣла кровожадущей ревности; до какой крайности доходитъ она, возбуждена будучи недоспойными священниками, готовыми бытъ всегда орудіемъ свирѣпаго ширана, и одѣвать святымъ кровомъ ужасныя свои святошества! склоненъ къ искушенію, склоненъ къ воспламененію, вскорѣ заразился Роландъ жестокостію и яростію.

Ярость безчеловѣчная, которую пронуть не могла невинность, которую не могло удержатъ уваженіе къ полу и возрасту! . . . . Прославившаяся чета, чувство твоей добродѣтели подкрѣпляло тебя прошивъ свирѣпости твоего рока, прошивъ угрозы и прошивъ самой смерти. Ты явила сію твердость презирающую жалобы и сѣтованіе, невооружающуюся гордостью, и неприемлющую

щую отъ похвалъ подпору; спокойна съ постоянностію, и величественна безъ ужаса, слѣдовала ты наставленіямъ разума и повиновалась небу!

Но гдѣ сыскать толико выраженій къ продолженію моей повѣсти? Почто не могу я занять сладкаго гласа Филомелы, когда весна и любовь одушевляють пріятныя ея пѣсни, и къ которымъ улыбающаяся природа кажется приклоняетъ ухо! тогда конечно услышалъ бы ты безъ труда, что происходило въ сердцѣ Аминшора, когда тайное чувствованіе, которое подобясь сперва тусклому свѣту, и которое легко можно было почесть за людскую простоту, сдѣлалось нѣжнѣйшимъ чувствіемъ; любовь, есть единое мое преступленіе, если можно дать ей таковое имя, когда добродѣтель возжигаетъ ея пламенникъ, и когда почтеніе служитъ ей пупеводителемъ.

О Θεодора! кто бы могъ видя толико собранныхъ вмѣстѣ прелестей не быть пронутъ! сей цвѣтъ младости, блистающей во всѣхъ твоихъ красахъ, сія нѣжная душа являющаяся въ прекрасныхъ твоихъ очахъ, сіе достоинство соединенное съ пріятностію произведенными рукою благоразумной природы. Толико изящнѣйшихъ превосходствъ

Часть III. мѣс. Декаб. Т сѣбди-

сѣдиненныхъ не въ столь ослабляющемъ
сколь нѣжномъ образѣ, на коемъ печаль
разсыпала свои легкія тѣни, *дѣлающія*
сіяніе его нѣжнейшимъ; слезы были ему
украшеніемъ. Обольщающее могущество,
какое могу дать я тебѣ имя? Когда
любовь заимствуетъ взоры великодуш-
наго сожалѣнія, дѣлая предметъ гони-
мый судьбою превосходнѣйшимъ, по-
гда непорочнѣйшая страсть пользуется
всѣми достоинствами добродѣтели; *она*
сходствуетъ съ сими пріятнѣй-
шими высочайшими чувствами, и вку-
шаемою въ небесахъ любовію. Сіи по-
чтенныя искренняго и нелицемѣрнаго
сердца увѣренія возвѣмили наконецъ
надъ дражайшею Теодорою свое дѣй-
ствіе; она внимала моимъ воздыхані-
ямъ; пріятная улыбка, взоръ, соеди-
няющійся съ краскою цѣломудрія, увѣ-
домилъ меня что добродѣтельная ея
душа не нечувствительна къ моей горяч-
ности. Щасливое время, которое пред-
видѣлъ я для того только дабы силь-
ная возчувствовать ужасъ предвѣдущаго!

Вотъ верьхъ моихъ злополучій! Кра-
сота Теодоры поразила очи Роланда. Лю-
бовь, естли не можно нанести ей оскор-
бленія имянуя ее неистовой страстью,
любовь коснулась сей гордой души
..... Но языкъ мой не дерзаетъ по-
вѣ-

вѣспововати преступленія родителя; и я желалъ бы одѣть ихъ завѣсою вѣчнаго молчанія.

Будучи опверженъ съ достойнымъ презрѣніемъ и гнѣвомъ, объемлется душа его ужаснѣйшимъ бѣшенствомъ. Справедливо, вскричалъ онъ, тому, кто ищетъ презрѣнія, терпѣть отказъ. Я буду умѣть доспавить намъ обоимъ способъ не подвергнуться стыду, ей за ея притворство, а себѣ за низкія мои ласки. Сіи жестокія угрозы были послѣднимъ ударомъ огорченной Емилиі. Ядъ скорби вкрадывающійся съ давняго времени мало по малу, достигъ наконецъ до источника жизни ея; она пала подъ жестокимъ игомъ безчестія и омерзенія. О Авріель! оскорбленный паче всѣхъ человѣкъ! дерзнули я продолжать и увѣдомлять себя о новыхъ злоключеніяхъ, присоедили отчаяніе къ печали? ее - - - уже нѣтъ болѣе.

О строгое Провидѣніе! вскричалъ Авріель поражая себя въ грудь. Но удерживая вопорично движеніе души, обудываетъ несправедливый вопль; и въ горячайшей распрѣ природы, не исходитъ изъ устъ его никакая жалоба; онъ подвергаетъ свою волю Всевышнему соизволенію. . . . . Не долженъ ли я получа отъ милосердія его полико

благодѣяній пріяшь отъ того же милосердія и болѣзни? что есть сіи болѣзни, естьли не сокрышыя милости и пріутоповленныя божественною милосердою десницею врачеванія для неисцѣлимѣйшихъ ранъ моихъ. Дражайшая чета, блаженнѣйшая чета, пріими послѣднія мои прощанія! еще нѣскольکو дней горести, и горести болѣе не будетъ. А ты, о юноша! позволь мнѣ назвать тебя моимъ сыномъ, твое дружество, и участіе, которое принималъ ты въ моихъ злополучіяхъ, пріобрѣли тебѣ сіе имя; не опасайся продолжать твое повѣствованіе; я одинъ, когда разитъ меня небо, долженъ внимать и его благословлять.

Стоя на колѣняхъ у одра твоей супруги, продолжалъ Аминпоръ, имѣя очи исполненныя слезъ пребывали мы отъ грусти въ молчаніи. Емилиа возведъ на меня умирающій взоръ, потомъ усупремя оный на дражайшую свою Теодору вопіетъ ко мнѣ: спаси! спаси дочь мою! сказавъ сіе упадаетъ она въ дрожащія ея руки, и предается не испуспя ни единого воздыханія сладкому сну смерти. Я зрѣлъ предаемое землѣ ея тѣло; просилъ добродѣтельной ея душѣ вѣчнаго покоя; пролилъ надъ гробомъ ея слезы истиннаго благоговѣнія,

и что оставалось болѣе чести и любви, какъ не бѣгство отъ сего злощаснаго жилища насилія и смерти. Въ томъ часѣ ноши, когда мракъ и безмолвіе покоряютъ себѣ всю природу, луна при ущербѣ восходила уныло на средину своего печенія; въ семъ мѣстѣ, внушающемъ ужасъ, въ сей мрачной пещерѣ, гдѣ покоилась Емилиа, узрѣвъ я единую мою Θεодору, преклоншу колѣна надъ гробомъ. Объятый почтеніемъ и священнымъ страхомъ происходящимъ отъ тогдашняго часа и того мѣста, преклонилъ и я трепещущія мои колѣна; мы сѣдинили надъ гробомъ сей почтенной матери наши руки, клялись симъ ужаснымъ мѣстомъ, мрачною областію смерти, блѣдною царицею ноши и велебной свитою сихъ блистательныхъ огней горящихъ вокругъ ея, симъ холоднымъ прахомъ, бывшимъ существомъ оживотвореннымъ, а болѣе всего тою превосходнѣйшею частію сего бытія, сего расторгнуваго узы свои духа, невидимаго свидѣтеля клятвъ нашихъ, мы клялись что ни время, ни судьба не возмогутъ поколебать нашу вѣрность, и что едина рука смерти прерветъ сіи святыя и сладкія узы.

Я отвелъ мою Θεодору; скрытое въ густыхъ деревьяхъ у подошвы

крушой скалы въ неизвѣстномъ заливѣ судно насѣ дождалось. Мы отбѣгаемъ. Но увы, опче мой, какъ могу кончить я мое повѣствованіе! Окіанъ чернеетъ, буря реветъ, вѣтрилы раздираются, гребцы объемяются ужасомъ. А любезная моя Теодора, я зрю ее, еще зрю я ее; я чувствую сердце ее біющееся о мою грудь; слышу ее возсылающую къ небу мольбы обо мнѣ единомъ; приближаю уста мои къ блѣднымъ и хладнымъ ея ланипамъ. заклинаю проливая слезы, расточаю злато, уговариваю отважнѣйшихъ пловцовъ спасти въ ладѣ сіе драгоцѣнное сокровище. Спѣшу за нею послѣдовать. Въ самое сіе время подѣмлется волна и поглощаетъ ее со мною вмѣстѣ. О чудесное Провидѣніе! не ужè ли несчастная моя любовь навлекаетъ на дражайшую сію главу потѣ праведной судѣ, которой заслужили я и мои родители, или хранишь ты единого Аминтора для всѣхъ ударовъ швоего мщенія, для ужаснѣйшихъ бурь и на безкончныя лѣта смерти? Гласъ въ устахъ его исчезаетъ, слезы отъ горести не льются; распростертыя его руки и устремленныя въ небо очи являютъ образъ отчаянія.

Свѣтило дня хотя ужè далече въ своемъ теченіи уклонившееся прости-
 рало еще лучи свои и теплоту.

Пріят-

Пріятные пары поднимаясь изъ чрева моря, составляли спѣшно изящную завѣсу, умѣряющую зной пожигающихъ землю огней. Авріель проводилъ своего гостя въ пещеру изъ дикаго мрамора составленную; чистѣйшая вода исходящая изъ оной двумя обильными источниками, пропекала съ журчаніемъ; Зефиры рѣзвясь обмакали въ оной свои крылья. Тамъ-то безпрепятственно можно дожидаться времени прохладенія; опшуда открываешся весь островъ, шалашъ его столица, коего домашніе боги суть миръ и здравіе, пашня перемѣшенная съ полями и паствами орошаемыми ручейками, сельскій храмъ, покрытый соломой, въ которой не дерзала никогда вступитъ гордость, и въ которой едино благоговѣніе приноситъ свои дары.

Авріель ушѣшаетъ взоры свои, воздыхаетъ и начинаетъ рѣчь тако: всѣ чада земли раждаются чадами печали; горестное сіе наслѣдство получаемое ими отъ предковъ, оставляется потомству. Всякій имѣетъ свою долю несчастія. Обращи Аминторъ взоръ свой на сію долину, отверзающуюся съ стороны востока. Аминторъ повинуется. Онъ зритъ съ удивленіемъ девять женъ, обремененныхъ полевыми орудіями, упражняющихся въ обработываніи земли

кѣ сѣву. Однѣ изъ нихъ раздираютъ пѣло ея острыми заступами, и разбиваютъ ударами глыбы: другія шествуя тихими шагами разсѣваютъ вокругъ предъ собой дары Цереры. Послѣднiяжъ влача съ усиліемъ тяжелую бразду, закрываютъ драгоценнѣшiя зерны.

Ты видишь, продолжалъ Авріель, въ мучительной долѣ опредѣленной слабому полу столь тяжкіе труды; ты видишь, чего требуетъ жестокая нужда. Двенадцать разъ зрѣли онѣ закатывающееся солнце съ тѣхъ поръ, какъ супруги ихъ отправились въ ладіяхъ на промыселъ годоваго запаса, оставивъ въ сѣбѣ свои сіи безчисленные спаницы рыбъ, кои скипаясь отъ берега къ берегу, приходятъ ежегодно населять наши заливы. Жестокая буря занесла сихъ несчастныхъ въ открытое море и погрузила въ слезы сеи малый народъ братьевъ и друзей. При приближеніи ночи прибитыя волнами остатки досокъ и сокрушенныхъ веселъ явили предъ очами истинные опыты злощастнаго кораблекрушенія, въ коемъ еще только сомнѣвались; общій вопль отчаянія поразилъ уши; берега огласились воплемъ горести; жены сіи утопая въ слезахъ препровождали на льдистыхъ

горахъ цѣлыя ночи; жадные взоры ихъ казались обтекающими землю и моря; наконецъ, съ вершины сихъ высокихъ горъ, кои тебѣ предстоятъ, узрѣли мы девять огней, подѣмлющихъ въ воздухъ пламя свое, и кажущихся между собою спорящими въ сіяніи съ тѣми воздушными явленіями, кои скипаютъ при темношѣн очной; но сіи огни являясь многократно каждую ночь, возстановили радость со всѣми ея пріятными слезами и горячайшими восторгами на мѣсто сѣтованія; но однакожъ сіе веселіе превозжено было поразительнѣйшими заключеніями, какъ избавить сихъ несчастныхъ заключенныхъ глубокими хлябями на водномъ камнѣ? Вся надежда къ вольности исчезла вмѣстѣ съ ихъ судомъ! какую подать имъ помощь противъ неизбѣгаемыхъ опасностей? но надежда всегда бываетъ несчастному подпорою. Ты зришь нынѣ сихъ вѣрныхъ супружницъ, коихъ любовь исполнена искусствомъ и силою, превыше ихъ пола, упражняющихся другъ передъ другомъ въ сихъ осеннихъ полевыхъ трудахъ и отправляющихъ работу свою съ радостію.

Аминторъ, пронувый симъ повѣствованіемъ, вспомянулъ жестокости

своего рока, печаль овладѣла его душою; онъ ославляетъ приговоръ не удостоивъ его своимъ возрѣніемъ, направляетъ неизвѣсныя свои стопы къ берегу; щещно природа являетъ предъ нимъ велелѣпное зрѣлище; красота мѣстъ чрезъ кои проходитъ, безчисленное множество птицъ достойныхъ примѣчанія разпещренными перьями, веселостію и сладостію ихъ пѣнія, въ восторгъ приводящее позорище солнца, готовящагося окончатъ свое печеніе, и коего послѣднія лучи кажутся спорящими межъ собою о славѣ въ распоченіи злата и пурпура по оставляемому ими горизонту, щещно всѣ сіи предметы поражаютъ взоръ и слухъ Аминтора. Стѣсненная его душа отвергаетъ все ея окружающее; пораженное его воображеніе вмѣсто сихъ веселыхъ предметовъ занимается горестію; онъ думаетъ, что онъ находится на ужасныхъ берегахъ, населенныхъ грустію и отчаяніемъ. Между тѣмъ достигши моря, возводитъ онъ наконецъ очи, и зрѣтъ въ недалъномъ отъ себя разстояніи исходящія изъ судна двѣ толпы незнакомцовъ, коихъ тѣлодвиженія наполняютъ его удивленіемъ. Сступивъ на брегъ кинулись они всѣ вмѣстѣ на колѣна, поднявъ руки къ небу, возсылали къ нему похвалы и его благословляли. Потомъ приближались они

тихими шагами къ тому мѣсту на ко-
 емѣ находился Аминторѣ; онѣ зрѣтъ
 посреди незнакомцовѣ юную опрочковицу
 поддерживаемую съ обѣихѣ сторонѣ, едва
 влекущуюся, блѣдну, прискорбну, за-
 думчиву; подобно человѣку удрученно-
 му болѣзнію, или поверженному въ глу-
 бочайшее уныніе. О всемогущее небо!
 вскричалѣ Аминторѣ, устремя на оную
 и душу свою и взоры, епо сонѣ . . . . .
 Нѣтъ, сему никакѣ быть не лзя . . . .
 Кровь моя замерзаетѣ . . . . . Истинно
 сей есть ея образѣ . . . . . О обманчивая
 мечта . . . . Духи скитающіяся по сему
 обширному Океану и обитающія на сихѣ
 отдаленныхѣ островахѣ, производятѣ по-
 добныя сему призраки, и утѣшаются
 играя несчастными. . . . Они облекли меч-
 тающееся существо всѣми прелестными
 дражайшія моея Феодоры!. Но что вижу
 я? Удивленные глаза ея останавливаются
 на моихѣ; она кажется быть внѣ себя! она
 лишается силѣ! она упадаетѣ! . . . Онѣ бѣ-
 житѣ, кидаетѣ, и пріемлетѣ въ свои обѣ-
 ятія тѣло своей любезной. . . . . Что,
 она, это моя Феодора! . . . . . О Всесильный
 Боже, безпредѣльное милосердіе! твоя
 благотворительная Десница! — . . . . .
 Моя любовь . . . . . Моя жизнь! . . . . .
 Онѣ проливаетѣ слезы, сердце его пре-
 вожится радостью, сомнѣніемѣ и стра-
 хомѣ;

комъ; очи его прилѣпляются къ его любезной. Душа жизни моя! вскричалъ онъ въ восторгѣ, предметъ моей горячности, и всѣхъ моихъ желаній! возвратись, возвратись паки къ жизни и къ твоему любовнику. Любезные друзья, спѣшите подать ей помощь! о дражайшая моя Феодора! возбудись, эпо я, Аминшоръ тебя призываетъ! при семъ столь сильномъ словѣ душа ея отъ вратъ смерти возвращается, она подымлетъ дрожащія взоры на Аминшора, и прижавъ главу его къ своей груди, произноситъ имя своего любовника; отъ неожиданнаго, превыше ея силъ, чрезвычайнаго щастія упадаетъ она вполрично, и лишается силъ въ рукахъ Аминшора, подобно недавно распустившейся отъ утреннихъ лучей солнца розѣ, засыхающей и увядающей отъ полуденнаго зноя.

Состояніе Феодоры повергало еще Аминшора въ жесточайшее невѣдѣніе, какъ незнакомцы уже возвратились съ требуемою отъ нихъ имъ помощію: какимъ пораженъ былъ онъ удивленіемъ узнавъ сихъ вѣрныхъ и храбрыхъ плывцовъ, коимъ вручилъ онъ свою Феодору! наконецъ возрѣбла сія дражайшая любовница на свѣтъ; и подобно первымъ утреннимъ лучамъ Авроры блиста-

стающимъ въ томъ мѣстѣ пурпуромъ, гдѣ прежде господствовала тьма; новая жизнь ея одушевляетъ и возвращаетъ ея ланипамъ всѣ ихъ прелести. Аминпоръ извѣстился отъ спасшихъ ея гребцовъ, что будучи они прибиты къ Борерскому острову, девятеро островскихъ жителей бывшіе на ономъ съ недавнаго времени заключенными, приближились чрезъ безсчетныя опасности и неимовѣрные пруды, и проводили съ горы на гору, и съ камня на камень какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ судно даже до сего щастливаго берега. Аминпоръ не могъ болѣе слышать ихъ рѣчей; чувства его, взоры, вся его душа устремилась къ единой Θεодорѣ; онъ восхищается слухомъ Ангельскаго гласа исходящаго изъ устъ ея. Аминпоръ, сладкая надежда моей души, возвращенная паки мнѣ, о ты, которой соспавлялъ все мое опчаяніе и все мое блаженство, не мечта ли это? Пребываю ли я еще на земли? Тебя ли объемятъ мои руки? Глубокое море, незнакомыя берега, дикія мѣста, скажите мнѣ, могу ли вѣрить моимъ чувствамъ? Такъ, онъ это, почто онъ, сердце мое его узнаетъ: владѣтельница души моя еще живъ! но я не могу снести моихъ воспорговъ! радость и восхищеніе плѣняющія мою душу,

шу, становятся мнѣ вредными. О дражайшій мой Аминторъ, не ужè ли лишусь я еще разъ жизни? Не уже ли встревожу опять свое сердце! чрезмѣрное ея веселіе извлекло изъ очей слезы, удрученная душа ея почувствовала отъ оныхъ облегченіе.

Между тѣмъ временемъ, любовникъ ея подобясь Ангелу хранителю, недреманно бдящему надъ врученнымъ ему залогомъ, примѣчаетъ съ молчаніемъ, и съ нѣжною тревогою всѣ ея поступи, занимаясь единственно одною ею; онъ покушается успокоить ея движенія и пріуготовить ея къ новымъ смятеніямъ. О щасливѣйшая Θεодора! тебѣ извѣстна еще только одна часть твоего благополучія: да зберетъ душа твоя всѣ свои силы, да остережется она отъ чрезвычайныхъ изумленій радости и отъ необычайныхъ восхищеній. Познай, но умерь свои восторги, познай что скрывшійся на семъ островѣ спокойный и исполненный крѣпости, почтенный твой родитель еще пребываетъ живъ. Воздержись, я тебя заклинаю! вопъ онъ къ намъ приближается..... Она поспѣшно вырываетъ свою руку изъ его, и прелетаетъ какъ молнія раздѣляющее ее съ Авріелемъ мѣсто. Онъ ея зреть, познаваетъ, глядитъ
на

на ея съ удивленіемъ..... Дражайшая его Θεодора у ногъ его, предъ нимъ на колѣняхъ! онъ беретъ ея въ свои объятія и прижимаетъ къ груди. О опче мой! о дщерь моя! сіи единыя слова произносятся они оба; сильное безмолвіе изображаетъ состояніе ихъ души. Преклоншіяся на перси другъ къ другу, сердце ихъ кажется какъ будто споряще въ томъ чье превзойдетъ къ Вышнему Существо въ благодарности; вся природа беретъ участіе въ ихъ умиленіи; воздухъ, земля и море являющія плескающими имъ похвалы; небо возврѣло на нихъ веселымъ и благословляющимъ окомъ. Радость разнеслась по всему острову; сердца восплакали отъ любви и радванія.

II.

Н О Ч Ъ.

Въ темнотѣ глубокой ночи
 Воспряни смущенный духъ!
 И возведъ болящи очи,
 Приклони прельщенный слухъ!
 Виждь, внимай и ужасайся,
 Гдѣ ты, что ты, разсмотри;
 Изъ темницы возвышайся,
 И крыле свои простири.

Сколь ты часто ощущаешь
 Тѣсношу оковъ своихъ,
 Ты помишься и страдаешь
 И не знаешь благъ твоихъ.
 Рабъ несчастный, заключенны,
 Прежній санъ пощись пріять!
 Узы плочи слабы, плѣнны,
 Силься ихъ ты разорвать!

Усмиряй страстей волненье;
 Ты Владыка, Царь земной;
 Тѣлу давъ, душѣ, цѣленье,
 Вознеси ты ихъ съ собой!
 Иль подобясь безсловеснымъ,
 Міра сладости вкушай;
 Чадомъ бытъ преставъ Небеснымъ,
 Прахъ и пепелъ обожай!

 III.

Письмо Церима къ Харитесу.

Когда щастіе наградило твою добро-
 дѣтель, честность твоего сердца, друж-
 бу, оказываемую тобою печальному мо-
 ему отцу, и любовь, которую ты имѣлъ
 къ безпушному его сыну; по каждой
 часѣ

часъ твоея жизни долженъ быть столь спокоенъ, столь благополученъ, сколько жизнь погибшаго твоего друга несчастна и бѣдственна.

Небо доказало на мнѣ свое правосудіе: я между злополучными самый несчастливѣйшій; а чтобъ наполнить мѣру страданій моихъ, по собственная моя совѣсть говоритъ мнѣ, что я не заслуживаю лучшія участи.

Если я, твой озлобитель, осмѣлюсь еще возмутить священное спокойствіе твоея души моею горестію: чистѣйшій! если я могу пребовать еще нѣсколько слезъ сожалѣнія отъ того, котораго я принудилъ, уязвляя жестоко, оплакивать судьбину любезная твоея сестры! по внимай, какъ за тебя и за твою сестру небо опмщаетъ на мнѣ! —

Или ты истребилъ меня изъ памяти твоей, и раскаяніе мое не можетъ надѣяться никакого прощенія? — Ахъ! нѣтъ; наполни мѣру дружества твоего, и не откажи въ упѣшеніи тому, котораго ты въ жизни не могъ сдѣлать счастливымъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ могъ умереть покойнѣе. Позволь, чтобы я тебѣ писалъ обо всемъ; чтобы я излилъ все мое сердце предъ тобою, и по крайней мѣрѣ, яко несчастный, надѣялся прощенія, въ которомъ ты дол-

женѢ отказать порочному. Или когда самопроизвольное несчастіе не можетѢ требовать никакого сожалѣнія: то прости безпутному сыну ради наилучшаго отца.

Но что я говорю? Я несчастный! хотя бы я могѢ и всего уповать отѢ твоея дружбы, но знаю ли я, попадетѢ ли сей листѢ, вѢ которомѢ я описываю мои спраданія, когда нибудь вѢ твои руки? — Я извергнушѢ изѢ свѣта; выброшенѢ на самые отдаленные предѣлы, гдѢ человѣчество кажется исчезнувшимѢ; между варварами, ощущающими удовольствіе вѢ мученіи людей. Прочіе люди лучшія части земли кажутся для насѢ, какѢ будто бы они совсѣмѢ не существовали. — Едва получаемѢ мы иногда извѣстіе, когда желаніе набогатиться, или буря, заноситѢ корабль на наши берега, что кромѢ сея части свѣта живутѢ еще люди. Горы, лѣса и моря заграждаютѢ насѢ отѢ сообщества съ ними: и могу ли я ласкать себя, что судьба, извергнувшая меня отѢ нихѢ, перенесетѢ къ нимѢ мои вздохи?

Однако я хочу писать, поколику я нахожу вѢ писаніи облегченіе вѢ угрызающихѢ меня моихѢ горестяхѢ. Я хочу съ моимѢ любезнымѢ разговаривать, какѢ будто бы онѢ былѢ предо мною: и

учи-

учинить по крайней мѣрѣ листъ мой свидѣтелемъ моего раскаянiя; когда рокъ мой не позволяетъ мнѣ жаловаться людямъ. О какое прiятное, какое сладкое облегченiе, естли я могу плакать и писать! Чувствованiя мои изливаются столь же спремительно, какъ и мои слезы, вѣ жалобы, и каждая слеза кажется облегчаетъ опягощенное мое сердце.

И сіе есть всегдашнимъ и любезнѣйшимъ моимъ упражненiемъ; единое вѣ моемъ несчастiи прибѣжище. Когда жаркiй полдень мнѣ, утомленному работою, позволяетъ насладиться опдохновенiемъ часъ на приморскихъ поляхъ; когда со-товарищи мои лежатъ разпростерты, дабы укрѣпить себя короткимъ сномъ къ новой работѣ: то я ишу на берегу подъ печальными каменными горами уединенiя, и изписываю каждой листъ, нечаянно попадающійся вѣ мои руки съ моими чувствованiями. Печальныя сосны, надо мною шумящiя: дикiя одна на другой стоящiя спремнины, и вѣ нѣкоторыхъ только мѣстахъ покрытыя сухими хвороспинами: глубокiя вѣ каменныхъ горахъ пещеры, опзывающiяся моими вздохами, изображаютъ около меня дикое позорище, столь унылое и безмолвное, какъ мое сердце.

Здѣсь сижу я, размышляю, чувствую, въздыхаю, плачу и пишу: ибо въздыхать, плакать и писать — увы! печальное упражненіе! — есть теперь самое пріятнѣйшее, которое я могу имѣть. Не думай, любезный мой *Харитесъ*, чптобы сіе письмо было первое, которое я кѣ тебѣ посылаю. Оно повпоряетъ только ежедневные мои въздохи, и говоритъ тебѣ еще разъ о томъ, о чемъ я пысячу разъ можетъ быть тщетно сказывалъ. Сколько утѣшала меня ежедневно надежда моя получить извѣстіе изъ твоего свѣта. Я благословлялъ каждой вѣтеръ, вѣявшей отъ вашихъ береговъ; и уповалъ съ каждымъ кораблемъ, которому взоръ мой издали стремился во срѣщеніе, получить письмо. Чего не надѣется несчастный! Но какая надежда его исполняется! Никто ужè не знаетъ меня болѣе кромѣ варваровъ, которыхъ соповарищество я охотно промѣнялъ бы на ужаснѣйшее уединеніе. Никакой вѣстникъ о мнѣ не спрашиваетъ, никто никакого не имѣетъ опдасть мнѣ письма, никто не имѣетъ сказать мнѣ ни единого слова. Да и какое дѣло имѣютъ люди лучшаго свѣта съ порочными, изгнанными гнѣвомъ судьбы изъ сообщества ихъ? Что за союзъ имѣетъ

имѣетъ дружба съ неблагодарнымъ, поправшимъ ногами всѣ права ея?

Однакожъ я не перестану писать, отправляя тысящу уже напрасныхъ писемъ, доколѣ сердце мое биться и чувствовать и рука моя писать могутъ.

Я не хочу паки растворять твоихъ ранъ. Если бы я не проходя чернаго списка моихъ озлобленій могъ только увѣрить тебя о искреннемъ моемъ раскаяніи, и каждое загладишь слезами: то пусть они всѣ въ глубокомъ погребутся забвеніи. Но о томъ днѣ, въ которой я тебя въ послѣдній разъ видѣлъ, о томъ несчастномъ днѣ долженъ я тебѣ напомнить.

Послѣдней шагъ къ моему несчастію былъ уже сдѣланъ: отецъ мой былъ бѣденъ, послѣдняя сумма денегъ, которую я выманилъ изъ его рукъ злосташною ложью, для заплашы долгу, сей послѣднѣйшій остатокъ всего его имѣнія, долженствовавшей защитить домъ его отъ варварскихъ рукъ заимодавцевъ, былъ уже въ хищныхъ когтяхъ игроковъ. — Какое мученіе можетъ сравниться съ воспоминаніемъ, когда я помышляю о словахъ, которыя онъ промолвилъ, отдавая мнѣ оную! Слезы стояли въ его очахъ скопившись: однако же онъ принуждалъ себя скрыть отъ меня свою печаль. Я ви-

дѣлѣ, съ какимъ напряженіемъ духа старался онъ уяснить свое лицо и показать спокойной видѣ, дабы пощадить меня отъ укоризны, которая должна бы была умертвить меня, естли бы сердце мое не было тогда безчувствительнѣе, нежели теперь. — Однако несчастный старикъ пролилъ слезу, которую онъ не могъ удержатъ. „Возьми сіи деньги, сказалъ онъ, успокой моего заимодавца. Они составляли послѣднее мое имѣніе: сія сумма и домъ, въ которомъ я родился, и въ которомъ я бы охотно желалъ закрыть глаза мои, составляли все то, что у меня оставалось. Но возьми деньги: за честное имя не можно никогда дороже заплашить.„

Я пошелъ съ тронутымъ сердцемъ исполнить его приказаніе: но знать судьба моя уже была опредѣлена! не засталъ заимодавца дома: я возвратился назадъ. Въ самой несчастнѣйшей часъ вздумалось мнѣ употребить сію минушу, въ которую сердце мое было пронуто, и сдѣлать Царинѣ горестнѣйшія укоризны, и отказать на вѣки вредной ея любви. —

Она сдѣлала меня невѣрнымъ къ своей невинной сестрѣ: она начала меня портить: можетъ быть она должна бы-

была совершить несчастіе мое, и купно отмстить мнѣ за пороки, до которыхъ она меня довела. — О проклятое напоминаніе! О злощастнѣйшій часъ моя жизни! — Я безумной думалъ, что ярость, которую любовь моя притворяла, чтобъ обмануть мой разумъ, была бы, естли не вѣчная зависть, то по крайней мѣрѣ непреодолимая холодность къ сей измѣнницѣ!

Царина посмотрѣвъ на меня, приняла меня съ холодностію. Можешь ли ты думать, что мнѣ, знавшему злобное ея лукавство, пошедшему къ ней съ твердымъ вознамѣреніемъ, чтобъ по крайней мѣрѣ отмстить за несчастіе мое сильными попреками, которой отъ сей холодности еще больше имѣлъ права совершить намѣреніе свое; можешь ли ты думать, что мнѣ самая сія холодность спала несносною? — Злощастная моя любовь скинула теперь ларву, подъ которою она до сего времени скрывалась. Въмѣсто того, чтобъ плашить достойнымъ презрѣніемъ за новую сію несправедливость, въ сію минушу не пронуло меня никакое другое несчастіе, какъ опасность, чтобъ не потерять *Царину*. Я паки сдѣлался ея невольникомъ: я ужè не имѣлъ никакого намѣренія: не доставало мнѣ даже

великодушія, съ малѣйшимъ попреканіемъ дасть ей чувствовать, что я приписывалъ ей развореніе мое.

Царина уже знала, что имѣніе отца моего уже почти все было въ рукахъ заимодавцевъ. Она уже услышала, что онъ подѣ свои деревни послѣднюю занялъ сумму для заплаты долгу, которымъ она наслаждалась. Словомъ, она знала, что я уже ничего больше не имѣлъ. Если бы несчастная моя страсть хотя на малѣйшее употребленіе разума оставила еще въ моей власти; если бы я не былъ совсѣмъ слѣпъ, совсѣмъ безчувственъ ко всему прочему, кромѣ моей любви; то бы надлежало мнѣ увидѣть, что холодность ея происходила изъ наиподаѣйшихъ побудительныхъ причинъ: что она меня любила только для того, чтобы похитить мое имѣніе, и отвергаетъ меня по испощеніи всего. — Но что можетъ видѣть легкомысленный юноша глубокою воспламененный любовію!

Хотя я за нѣсколько минутъ предъ симъ самъ съ собою и размышлялъ: рассуждалъ о всѣхъ волокитныхъ ея измѣнахъ, и увѣрялъ себя, что *Царина* была безпутница: но сколь долго любящій увѣренъ бываетъ о злости своей возлюбленной? Сколь долго онъ видитъ,
сколь

сколь долго онъ разуменъ, сколь долго можетъ онъ имѣть хорошія вознамѣренія? — Одно слово, одинъ взглядъ, одно мановеніе, одинъ взоръ, по все уже изчезло!

Гдѣ было шоржество, копорымъ я по крайней мѣрѣ вознамѣрился удовольствоваться еще честолобіе мое прошивъ моего раззорительницы! Я шрепеталъ предъ моею озлобительницею. Одинъ взоръ повергъ меня къ ея ногамъ. Она была обижена, она была несчастная; я, я былъ теперь пресшупникомъ. Едва я могъ извѣститься въ изумленіи моемъ о причинѣ такой необыкновенной холодности; едва могъ я сказать ей, что я не заслужилъ такого пріему. Я хотя несчастливъ, говорилъ я ей, и вижу имѣніе мое въ рукахъ другихъ, и сія послѣдняя есть сумма — (я вынулъ вексель, и держалъ его въ рукѣ) — копорую я отдаю намѣренъ — Ты знаешь за кого! но естли я, по потерянніи всего имѣнія, еще лишуся и швоея любви — Увы! Царина, естли ты когда нибудь любила меня; то не подавай мнѣ причины мучить себя печальнымъ подозрѣніемъ, что ты сдѣлаешься теперь хладнокровою, поколику я уже ничѣмъ не могу больше жертвовать моею любви!

Царина посмотрѣла на бумагу; она молчала нѣсколько минутъ, и казалась быть въ размышленіи. Потомъ я ее увидѣлъ въ жестокомъ движеніи. Разныя быстрыя страсти казались боролись въ ея сердцѣ; грудь ея сильно подымалась и опускалась; блѣдность и румянецъ покрывали попеременно ея щеки. Она оперлась головою на руку, попупила глаза свои, слезы капились по ея ланитамъ. Я видѣлъ необыкновенныя прелести: я оцѣпенѣлъ, не совращалъ глазъ съ нея; сердце мое билось подобно какъ ея. Наконецъ встала она съ смущеннымъ вздохомъ, пошла поспѣшно ко мнѣ на встрѣчу съ разпаленными очами, нѣжными взорами, распроспертыми руками, оборопилась паки назадъ, сложила руки, и воздохнула: не возможно! нѣтъ: я не могу! — Но! онъ называетъ по холодностію: онъ называетъ по холодностію! „

О проклятыя хитроси прелестницы, кто можетъ вамъ противиться! какихъ пороковъ гнушаемся мы, къ содѣланію которыхъ не были бы мы привлечены ложною, вѣроломною и жестокою слезою! я стоялъ, яко окаменѣлый: не разумѣя ни слова *Царины*, хотя потрясли они внутренность мою. Они казались выражали тайну глубокія печали, они казались

лось изъясняли ея ко мнѣ нѣжность: Сего было довольно для меня. Я уже не имѣлъ болѣе никакого права: казалось, что я ощущалъ въ себѣ, что я не имѣлъ никакого права; собственное мое сердце казалось сказывало мнѣ объ ономъ, и совѣсть моя наказывала меня. За что? — Почему я знаю? безъ всякой произшедшей переменны видѣлъ я все иное. Царина была невинна; Царина была честна и вѣрна! ибо она плакала. Жестокая ея холодность не была уже ужаснѣйшею измѣною; она была любовію, печалію обо мнѣ, она была опчаяніемъ. Царина совершенно возпоржеспвовала.

Едва могъ я говорить: однако движеніе мое позволило мнѣ еще просить у нея прощенія, признаться ей въ заблужденіи моемъ, спросить ее о причинѣ ея безпокойства. Теперь она паки ко мнѣ обратилась; слезы ея покапились ручьями: „чего ты ищешь? сказала она. „Единой ли ты, которому мое несчастіе „не извѣстно? я знаю, чего ты лишился! „но знаешь ли ты, чего я лишуся! „ — Она заключила меня крѣпко въ своихъ объятіяхъ, и испощала слезы на моихъ персяхъ. Я былъ безмолвенъ; я не могъ говорить; я былъ въ изумленіи, умоизступленіи и внѣ себя. Я не думалъ уже болѣе объ моемъ уронѣ; я думалъ только объ ея. — „Ахъ!

„Ахъ! продолжала она, могъ ли ты
 „меня споль долго оставлять? — Ка-
 „кія произошли перемѣны между симъ
 „временемъ! — Теперь, когда я вижу себя
 „на краю гибели, теперь, когда я не
 „знаю уже что придумать больше для
 „себя, когда намъ разлучиться надобно, те-
 „перь ты пришелъ! — для чего ты по край-
 „ней мѣрѣ не пощадилъ меня отъ муче-
 „нія увидѣть тебя въ ту минуту, въ ко-
 „торую я должна съ тобою разстаться „?

Какой кинжалъ въ моей груди! я
 уже ни мало не взиралъ на потеряніе
 всѣхъ моихъ знатныхъ богатствъ. Хотя
 я былъ бѣденъ, и не видѣлъ никакого
 разумнаго средства, какъ бы себѣ до-
 стать больше, нежели бѣдное пропита-
 ніе: высокія мои намѣренія, гордыя мои
 расположенія всѣ исчезли; я видѣлъ какъ
 моя вѣра (credit) и честь моя приходили
 купно съ имѣніемъ моимъ въ упадокъ, и
 былъ споль близокъ къ презрѣнію, сколь-
 ко и къ бѣдности: но я ничего еще не те-
 рялъ; услышавъ, что я долженъ поте-
 рять Царину. Если бы я еще все
 имѣлъ, то бы я все отдалъ для сохра-
 ненія ея. Какъ могъ споль легкомыслен-
 ный, споль неразумный, споль безумно
 влюбленный умедлить, послѣднюю сум-
 му, которую онъ имѣлъ въ рукахъ, отъ
 опчаянной щедрости поставить на игру?

Те-

Теперь совершенная моя гибель, честь моя, хорошее имя, разореніе, жизнь несчастнаго отца соспоjali въ произволеніи корыстолюбивой и безстудной прелестницы, которой подобныя никогда въ свѣтѣ не бывало.

„Ничто, сказалъ я, не возможетъ разлучить тебя со мною. Я буду почи-
 „пать жизнь свою ни за что, когда я дол-
 „женъ буду потерять тебя. Или, еслили
 „жизнь не можетъ споспѣшествовать
 „къ избавленію тебя отъ опасности,
 „то я опдамъ то, что я еще выше по-
 „читаю оной. Возьми сію росписку: она
 „послѣдняя, которая могу я лишиться,
 „послѣдняя, которую отецъ мой напи-
 „сать могъ. — У насъ ничего болѣе
 „не остается кромѣ сей росписки, кото-
 „рую ты здѣсь видишь — Наличныя
 „деньги, деревни, сады, дома — все про-
 „пало. Бѣдной старикъ имѣетъ еще од-
 „ну хижину, въ которую онъ можетъ
 „приклонить свою голову, еслили забо-
 „ты и заблужденія несчастнаго его сына
 „дозволятъ ему когда нибудь насла-
 „диться спокойствіемъ. — Но возьми ее;
 „позволь мнѣ почувствовать всѣ грызе-
 „нія совѣсти, только не мученіе поте-
 „рять тебя!„

Я подалъ ей росписку на двѣ тыся-
 чи палеровъ: она отторгнула мою руку,

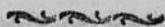
вырвалась изъ рукъ моихъ , закрыла лице свое , и оставила меня . Не поспря на меня , возопила она съ испущеніемъ глубокихъ вздоховъ : „ Пусть я „ буду несчастна , пусть я одна буду не- „ щастна , но неподла ! „ Не сказавъ больше ни одного слова , побѣжала она въ другую комнату .

Сей прищворной опытъ самыя некорысполубивыя любви , наивеличайшаго отверженія собственныя ея пользы , благороднѣйшаго стыда , совершилъ бы побѣду *Царины* , естли бы всѣ мои вознамѣренія уже не соспоали въ ея повелѣніяхъ . Естли бы онъ былъ больше , нежели прищворство , естли бы онъ былъ то , за что я его почиталъ ; то бы *Царина* была достойна всѣхъ чувствованій , любви и почтенія , которыя человѣческое сердце ощущаетъ ко всякой добродѣтели : то бы ты самъ почелъ любовь твоего друга благородною , и , можетъ быть , извинилъ бы невѣрность его къ любезной твоей сестрѣ . Столь сильна , столь привлекательна естъ власть добродѣтели и надъ самымъ такимъ сердцемъ , которое само не можетъ хвалить себя ни за какую добродѣтель . Но какое несчастіе , что часто не лзя различать почно самаго величайшаго злодѣйства съ самою благороднѣйшею добродѣтелію ! что на-
руж-

ружной видъ заступаетъ мѣсто истинны: что самыя наилучшія наши чувствованія предають насъ часто въ руки злобѣ, пороку, и гибели! Нещастное юношество! оно есть великій невольникъ первыхъ своихъ неиспытанныхъ чувствованій, оно съ лишкомъ мало опытно, съ лишкомъ мало познательно въ сердцахъ человѣческихъ, дабы точно судить о ихъ дѣйствіяхъ. Оно рѣшитъ по всякому наружному виду: каждый нечаянный случай, оное прогающій, довольно силенъ опредѣлитъ вознамѣренія онаго. Сердце его отдается съ выблущающею неизвѣстностію всѣмъ спрасьямъ послѣдственно. Оно въ одно мгновеніе прогнѣвается, склоняется, ненавидитъ, любитъ, гнушается, почитаетъ.

Еслили неразуміе юношества, еслили по себѣ благородное, но безвременное чувствованіе и любовь къ добродѣтели могутъ еще извинить порокъ, къ которому они насъ привлекли; то можетъ быть и я бы — Нѣтъ! преступленіе учинить отца нещастнымъ съ лишкомъ велико! пролетай всѣ мысли, которыя могли еще льстить мнѣ наималѣйшимъ видомъ, что я не совсѣмъ порочно поступилъ. Увы! теперь я признаю, сколько собственное наше сердце насъ прельщаетъ! Всякая страсть

страсть хочетъ имѣть разумъ предводителемъ. Мы только для того раскаяваемся, поколику мы чувствуемъ слѣдствія сего грѣха : и еслили бы мы тогда только могли преодолѣть склонность нашу ко злу ; попому что то самое есть мгновеніе ока, принадлежащее намъ и разуму. Нещасливъ тотъ, кто его пропустилъ ! наказаніе его и раскаяніе будутъ для него щепнымъ наставленіемъ. Первая его склонность паки возбудится, онъ въ другой разъ проступится, начнетъ самого себя оправдывать, и не перестанетъ больше грѣшить.

Не зналъ ли я, что Царина наиподлѣйшее имѣла сердце ? — Что я говорю ! можетъ быть я и не зналъ : ибо что знаетъ прельщенный слѣпою любовію ? Онъ ничего не знаетъ, и вѣритъ всему, къ чему желаніе его стремится ! — Но не довольно ли научилъ меня печальнѣйшій опытъ ? Не чувствовалъ ли я ? Не имѣлъ ли я друзей, меня остерегающихъ, отца, меня со слезами увѣщавающаго, невѣсты покорно меня просящія ! Не былъ ли я бѣденъ ? Не жертвовалъ ли я ей и ея подлому сотоварищу всемъ ? Не видалъ ли я самыя слезы моего отца ? Не предарѣлъ ли я неминуемую гибель ? —

Сжался надо мною, любезный другъ, естли пы еще можешь сожалѣть о несчастномъ, котораго никакія увѣщанія, никакія укоризны, никакія прозбы, никакія слезы, никакой собственной опытѣ не могли вывечь изъ погибели, которой онъ безумно предался! — Увы! и естли бы я одинъ только чувствовалъ слѣдствія моего безумія! естли бы небесное правосудіе излило всю мѣру справедливости на одну только виновную мою голову! естли бы только невинный не плакалъ съ виновнымъ! — Но можетъ бытъ принадлежитъ сіе къ моему осужденію бытъ въ оковахъ и въ неволѣ, ни кѣмъ не оплакиваему, всѣми презрѣнну, и отъ бывшихъ моихъ благодѣтелей прокляту. —

Здѣсь долженъ я остановиться: сердце мое съ лишкомъ исполнено; рука моя дрожитъ стараясь писать, и слезы мои заглаждаютъ все, что она ни напишетъ. Короткой часъ спокойствія, которой скупость немилосердаго господина дозволяетъ невольникамъ своимъ, протекъ. Скоро позоветъ онъ меня паки на поля для обработыванія земли, и для отправленія работы вола. Такимъ образомъ невольническія работы перемѣняются здѣсь со слезами!

О любезный мой *Харитесъ*, съ ко-
рымъ могу я только мысленно говорить,
съ дражайшею тѣнью котораго могу я
только обходиться; хотя не смѣю
надѣяться, что участь принесетъ ког-
да нибудь въ твои руки хотя одну
только строчку отъ сихъ листовъ, орошен-
ныхъ моими слезами, и о моемъ из-
писанныхъ несчастіи: хотя ты и не слы-
шишь, когда я тебя призываю, и не чув-
ствуешь, когда я тебя благословляю:
однако я хочу часто съ тобою разгова-
ривать, и изливать предъ тобою мое
сердце. Любезная, драгая тѣнь, прости
теперь! Завтра я паки тебя здѣсь найду,
между сими дикими каменными горами,
подъ сею печальною сосною, здѣсь на бе-
регу шумящаго моря.

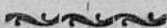
*Перецель съ Нѣмецкаго языка
Алексѣй Жилинъ.*

IV.

Письмо Церима къ Харитесу.

Печальная ночь прошла. Полуденное
солнце благословляетъ жаркія поля и
невольниковъ оныя обрабатывающихъ.
Скупость даетъ мнѣ паки свободный
часъ; и я опять возвращаюсь къ моимъ
спремникамъ для продолженія несчастныя
повѣсти, мною начатая.

Когда я, извергну́тый изъ общества че-
ловѣческаго, не имѣю никакого друга, ко-
порою бы внималъ сострадательнымъ
ухомъ жалобамъ моимъ и пролилъ хотя
единую слезу надъ моими вздохами, лю-
безная тѣнь моего *Харитеса*! по присуп-
ствуй ты и заступи у меня мѣсто свѣ-
та. Или слушайте вы мои вздохи, вы
каменистыя горы! здѣсь хочу я начер-
пать плачевную исторію моего жизни:
и естли никакая благосклонная судьба
не хочетъ перенести ни одного изъ
вздоховъ *Церимопыхъ* къ любезному его
Харитесу: то сія пещера, въ каменистую
копорья подошву море съ жалостнымъ
ударяетъ журчаніемъ волнами своими,
да сохранишь списокъ о моей несчастной
жизни. Можетъ быть заблудшій кора-
бельщикъ, занесенный бурей, подобно мнѣ,
на сей безлюдный берегъ, спанетъ искать
со временемъ по прошествіи морской опа-
сности краткаго въ сей пещерѣ прибѣ-
жища. Да найдетъ онъ тогда здѣсь сіи ли-
сты, оплачетъ со слезами умершаго, ихъ
написавшаго, надъ которымъ можетъ
быть никакой вздохъ не выпускался: ни-
какія слезы не изливались; да оставитъ
онъ, предостереженъ будучи моимъ при-
мѣромъ, сей несчастный берегъ, и воз-
метъ сіи листы, яко свидѣтельства
моихъ слезъ и раскаяній съ собою въ луч-
шую

шую часть свѣта. Благосклонный вѣтрѣ да освободитъ его изъ рукъ сихъ варваровъ, и унесетъ его! — О! естли бы я могъ сего надѣяться! — туда, куда стремятся вздохи мои: дабы, естли еще живѣ хопя одинъ изъ всѣхъ моихъ друзей, онъ прочиталъ, съ какимъ я по крайней мѣрѣ раскаяніемъ умиралъ, живши порочно.

Къ тебѣ я паки обращаю рѣчь мою, къ тебѣ, объятіямъ котораго судьба моя не можетъ возвратитъ меня въ сей жизни! Первая моя повѣсть тебя уже предуготовила ожидать подъ видомъ добродѣтели величайшаго злодѣйства. —

Притворное *Царинино* великодушіе, ея преодолѣніе, неожиданное ея некорыстолюбіе служило только ей средствомъ тѣмъ лучше увѣрится въ своей побѣдѣ, и тѣмъ вѣрнѣе совершитъ конечное мое паденіе. Открытіе сея ужасная злобы было причиною совершенная моя погибели.

Я предложилъ *Царинѣ* принять нещасную росписку не безъ сопротивленія, не безъ грызенія совѣсти, не безъ чувствованія, не безъ обиды, которую я моему отцу сдѣлать вознамѣрился. Но по семъ великодушіи, съ которымъ она отвергнула предложеніе мое, исчезнули вдругъ всѣ сіи чувствованія. Я весь объятъ былъ чувствованіемъ, возбужденнымъ во мнѣ симъ притворнымъ великоду-

душіемъ. Я ей столь же много удивился, сколько ее любилъ. Я дѣлалъ себѣ најесточайшія укоризны, что я нѣкогда малѣйшимъ сомнѣніемъ могъ обидѣть ея добродѣтель. Я былъ намѣренъ пасть къ ея ногамъ и ее принудить принять сію бумагу. — Я поспѣшалъ въ двери, что бы ей слѣдовать: но двери были заперты, и я просилъ напрасно, дабы впустишь меня. Все, мною слышанное, видѣнное, увѣряло меня всегда больше и больше о превосходномъ ея сердцѣ; и умножило величину моего удивленія, и стремленіе неограниченныя моея любви. Сердце мое не могло успокоиться, я долженъ былъ наградить столь хорошо, сколь мнѣ возможно было, такую чрезвычайную добродѣтель: и Боже! что бы я не отдалъ, что бы доказать ей избыточествующую моего сердца благодарность? что бы мнѣ съ лишкомъ дорого стоило, дабы ее не допустить до пролитія единныя слезы? Если бы свѣтъ принадлежалъ мнѣ, то я бы и оной отдалъ ей, будучи доволенъ и шѣмъ, чтобъ быть невольникомъ въ помѣ свѣтѣ, которымъ она бы владела! Я видѣлъ, что стремленіе мое ничего не помогало; и хотя такое сильное движеніе, такое сраженіе страстей, въ которомъ я тогда находился, не есть по

состояніе , которое позволяетъ разсуждать и припворяться ; однако я себя принудилъ къ показанію умѣренности , которая весьма опдалена была отъ моего сердца . Я ее просилъ выслушать только нѣкоторыя крайней важности слова . Состояніе мое , говорилъ я , не столь несчастливо , какъ ты думаешь . Я еще въ состояніи не ощущая стѣсненія помогать особѣ , почитаемой мною превыше моего жизни ; *Царина* , проси мнѣ заботы , мною тебѣ причиненныя . Я больше буду служить тебѣ , нежели себѣ ; я сохраню собственную мою жизнь , единственно только если ты позволишь , для сохраненія тебя .

Всѣ сіи побудительныя причины не помогали ничего : и я вознамѣрился , — какъ бѣшеной ! — оставить описаніе на ея столѣ , и удалиться ; какъ другая дверь отворилась : *Царинина* служанка шла съ заплаканными глазами , которая она вошедши въ двери осушала , и просила меня именемъ *Царины* успокоиться и подождать еще нѣсколько минутъ . *Царина* , сказала она , которая можетъ быть причину имѣла почитать тебя непостояннымъ , не ожидала своего посѣщенія въ сію минушу , въ которую она увѣдомлена о наивеличайшемъ не-
ща-

щастіи, какое только могло ей приключиться. Кто знаетъ, какія приняла она намѣренія, примолвила она, съ которыми нечаянное свое присутствіе вдругъ ввергнуло ее въ бой? Она имѣетъ нужду въ успокоеніи; не мѣшай ей въ ономъ; она утѣшится, и потомъ будетъ говорить съ тобою.

Я ее просилъ успокоить по крайней мѣрѣ мое сердце, и увѣдомить меня хотя нѣсколько о печальной тайнѣ: но она плакала и удалилась. Мучимъ будучи тысящею воображеній, колеблемъ, отчаянъ, бросился я на стулъ, и ожидалъ въ наиужаснѣйшей нетерпѣливости важную минуту открытія. Спохватъ я вставалъ, и ходилъ по горницѣ взадъ и впередъ; ибо я никакъ не могъ успокоиться; спократъ повергался я паки на стулъ. Часъ прошелъ, каждая минута казалась мнѣ днемъ, какъ я услышалъ нѣкого пришедшаго. Я чаялъ быть Царинѣ, и вышелъ вдругъ изъ моей задумчивости, дабы побѣжать ей на встрѣчу. Но это была не Царина, это была ея наперстница. Она сказала мнѣ, сколь Царина желаетъ меня видѣть: но силы ея ей не позволяютъ. Извини ея слабость, примолвила она, а ввечеру она тебя будетъ ожидать.

Я хотя и просилъ, однако тщетно, сказать ей только одно слово еще прежде сего, или увидѣть ее только: доступъ мнѣ былъ возбраненъ подѣ върояшнѣйшими причинами. День мною теперь въ жесточайшихъ работахъ на поляхъ при солнечномъ зноѣ препровождаемый, и ужаснѣйшая еще ночь, въ которой каждая минута проходитъ со вздохами, едва суть столь долги, столь несносны, сколь мнѣ были сіи малые часы. Я искалъ упражненій для разсѣянiя моихъ мыслей, и для облегченiя сихъ малочисленныхъ часовъ, сего несознаго бремени. Я пошелъ больше для того, что бы сдѣлать себѣ упражненіе, нежели изъ желанiя исполнить приказаніе моего отца, къ купцу, дабы по роспискѣ принять сумму денегъ. Къ гибели моей я былъ теперь щастливѣе прежняго; я его нашелъ, и получилъ несчастныя деньги.

Купецъ занявъ будучи другими дѣлами задержалъ меня: вечеръ наступилъ какъ я отъ него пошелъ. Теперь колебался я мыслями: совѣсть моя дѣлала мнѣ нѣкоторыя важныя предостереженiя и напоминала мнѣ о моемъ отцѣ. Неперпѣливость моя видѣвъ *Царину*, и послушаніе, которымъ я былъ обязанъ моему отцу, вступили между собою въ борьбу. Сердце

це мое сдѣлалось вмѣстѣлицемъ жесточайшихъ борющихся страстей; однако я думаю, что дѣтская моя любовь побѣдила бы въ сей борьбѣ мою нѣжность. Я былъ въ самомъ дѣлѣ на пути къ моему опцовскому дому, какъ бездѣльникъ, котораго *Царина* называла своимъ племянникомъ, въ великой поропливости со мною встрѣтился. Онъ, казалось, въ превеликомъ разсѣяніи и въ предзнающей поропливости не видалъ меня, имѣлъ наиважнѣйшія дѣла. Но негодникъ! какими онъ былъ занятъ дѣлами, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ выдумалъ чтобъ обмануть меня!

Сердце мое напомнило мнѣ объ опчаяніи *Царины*. Я трепеталъ за нее, не зная о ея нещастіи. Я поспѣшалъ за нимъ. Что приключилось, говорилъ я, гдѣ *Царина*? — „Она уѣхала,“ отвѣчалъ онъ; мы погибли! — Прости!пусти меня, я не имѣю ни минуты свободной!“, Ударъ сей поразилъ меня. — Какое нещастіе принудило ее такъ скоро отъѣхать? — Можетъ быть предложеніе мое могло бы спасти ее. Она не хотѣла принять онаго: для чего она не хотѣла? — Она не довольно была корыстолюбива: она сълишкомъ любила меня; она не хотѣла меня разорить до основанія. Чтобъ от-

нятъ у меня всѣ случаи служить ей прошивъ ея воли, чтобъ избѣжать всѣхъ моихъ прозьбъ, и обезопасить себя отъ меня, отъ уговариваній и отъ прошенія о любви; чтобъ сіе великодушное дѣйствіе, ею предпринятое, исполнить безъ всякаго ограничиванія, отказываетъ она мнѣ въ разговорѣ, котораго она можетъ быть столь же сильно желаетъ какъ и я, и употребляетъ великодушную хитрость: преодолеваетъ собственную свою любовь, предается своей судьбѣ, убѣгаетъ моего присутствія, удаляется — Такъ я рассуждалъ о дѣйствіи, исполковавшемъ мнѣ несчастное открытіе самую безсознательною выдумкою, которую наихитрейшее коварство когда нибудь могло вымыслить.

Между тѣмъ сей обманщикъ ушелъ безъ всякаго медленія. Онъ зналъ, что онъ ввергнулъ меня въ ужаснѣйшее опчаяніе, и возбудилъ во мнѣ наивеличайшую неперпѣливость и любопытство. Сего довольно было для него; больше онъ не желалъ; ему больше не надобно было. Онъ зная безумную мою любовь, довольно могъ быть увѣренъ, что онъ мнѣ симъ мановеніемъ наикрѣпчайшія оковы наложилъ на шею, дабы влечи меня за собою въ торжествѣ.

Я никакъ не могъ пропивиться долѣе моеѣ неперпѣливости и спраху. Я поспѣшилъ за нимъ и настигъ его у двора *Царины*. Я бросился съ пылающею неперпѣливостію въ домъ; но вездѣ было пусто; *Царина* въ самомъ дѣлѣ скрылась. Все походило на скоропостижное бѣгство; все, что она принуждена была оставить, лежало въ наивеличайшемъ непорядкѣ. *Фатеръ*, мнимый ея племянникъ, сказалъ мнѣ, что онъ только въ томъ намѣреніи возвратился, что бы взять нѣкоторыя драгоценныя вещи, ея въ торопяхъ позабышыя. Мы искали въ сумерки подъ непорядочною кучею вещей, ничего нестоющихъ: *Фатеръ* опорожнилъ свои карманы, и выбросилъ многія бумаги, чтобъ то положить въ нихъ, что онъ хотѣлъ еще взять. Я нашелъ два письма, и извѣстный почеркъ, и подписанное имя *Царины*, которое я могъ прочитать и въ такой темнотѣ, были для меня довольными побудительными причинами къ сохраненію ихъ. Я надѣялся по крайней мѣрѣ узнать чрезъ сіи письма что нибудь о ея судьбинѣ; хотя бы *Фатеръ* столько же былъ неупросимъ, какъ и она.

Но онъ не былъ столь неупросимъ. Я его безпрестанно покорно просилъ не мучить больше моея невинности, и открыть

крышь мнѣ по крайней мѣрѣ хотя половину несчастныя сея пайны: но онѣ меня все питалѣ надеждами, пока мы вышли изъ дому. Я его паки заклиналѣ исполнить свое обѣщаніе. Наконецъ сказалѣ онѣ мнѣ: Царина просила меня никому не открывать своего несчастія, а особливо тебѣ: но я вижу, что не могу тебя успокоить другимъ образомъ. Теперь я не могу тебѣ всего сказать: знай только, что любовь, которую она имѣла къ тебѣ паче всего, есть причиною ея несчастія, и для сего самаго желаетѣ она чтобѣ ты объ этомъ не зналъ. Корыстолюбивый другъ отца твоего, припасывая ей посрамленіе за то, что ты не находишь сестру его столь хорошею, какъ ее, и желая можетѣ быть склонить сердце твое чрезъ ея отдаленіе къ своей сестрѣ, вознамѣрился безчестить Царину наужаснѣйшимъ образомъ. Они хотѣли ее сію ночь спастить съ постели въ самое несправедливое заточеніе. Она получила сего утра предувѣдомленіе отъ руки нѣкопорога любовника, копорымъ она жертвовала тебѣ, и копорому она ни чѣмъ не хочетѣ быть обязана, сколь онѣ ее ни просилѣ, что бы она положила на его покровительствѣ. Однако она не удалилась бы полагаясь на единое защищеніе своея невинности; есть.

если бы другое и въ сіе только время чувствительное несчастіе не привело ее въ несостояніе хранишь свою особу въ вольности поручительствомъ и вознаграждаться на рѣшеніе правосудія, не взирая на богатство своего соперника. —

Какое другое несчастіе! вскричалъ я; Увы! она бѣдна! я разумѣю тебя. Но если я причиною ея несчастія, то должность моя пребудетъ защищать ее. Я предлагалъ ей сіе защищеніе; для чего она отказывается его принять? Увы! *Фатеръ*, сохранимъ мы ее противъ ея желанія. Сумма мною ей предложенная находится еще въ моей власти: я не могу лучше ее употребить, какъ защищая честь мою, которая ради меня страдаетъ.

Фатеръ сказалъ мнѣ, что я ее никогда не уговорю къ принятію моихъ предложеній, когда она знаетъ обстоятельства мои — Нѣтъ, никогда — примолвилъ онъ — либо надлежитъ — однакожъ и сіе очень не извѣстно! — можетъ быть не удастся и тогда — Я не знаю, что тебѣ присовѣтовать! — Я долженъ между тѣмъ испытать еще единое средство: я получилъ еще нѣсколько денегъ за нѣкоторыя изъ проданныхъ вещей. Щастіе игры никогда мнѣ еще не измѣняло. Хотя правда не извѣ-

стно — Но на одно должны мы рѣшиться. Сумма, которую я имѣю, съ лишкомъ мала, чтобъ оставить Царину здѣсь, и такъ я не на многое отваживаю: но можетъ быть, если я щасливъ, выиграю столько, что намъ можно будетъ содержать себя. Онъ причворился, какъ будто бы хочетъ прощаться со мною. Но какъ могъ я отпустить его въ такой неизвѣстности? Я его просилъ проводить только меня къ Царинѣ; и онъ наконецъ согласился на то; однако онъ мнѣ совѣдовалъ не повторять ей моего предложенія, ниже малѣйшее открыть о его намѣреніи. Онъ повелъ меня на самой край города до двора, и остался назади.

Исполненъ будучи я неперпѣливостію, поспѣшалъ увидѣть мою Царину, и былъ провожденъ въ отдаленную горницу. Царина встрѣпилась со мною въ дорожномъ плащѣ. Я окаменѣлъ. Она схватила меня за руку. „ Кто меня измѣнилъ тебѣ? сказала она! Не могла ли я по крайней мѣрѣ избѣжать печали, чтобъ не видаться больше съ тобою предъ моимъ отъѣздомъ? — Такъ я обниму тебя еще разъ, и въ послѣднія слезы мои пролью на твоей груди. „ Она пала въ мои объятія. Слезы столько повиновались ей очамъ, сколько сердце

це мое и намѣренія мои повиновались одной изъ ея слезъ. Я предался силъ моихъ чувствованій, принялъ безъ всякаго сопротивленія такую смѣлость, которую мнѣ казалось позволила единственно неоспорожность ея разсѣянія, и любовь являющаяся во всей своей силѣ въ ту мину, въ которую она должна была со мною разлучиться.

Я ее просилъ открытъ мнѣ о нещастіи, для котораго она столь нечаянно хочетъ оставить сей городъ: она вздохнула., Развѣ твоя *Церимъ* уже не въ состояніи помогать тебѣ, и самому себѣ сохранять жизнь? Она пролила слезы., Я не могу, я не хочу тебя лишиться, продолжалъ я; не откажи мнѣ въ единой прозьбѣ, великодушная *Царина*, раздѣли со мною все мое имѣніе., Я вынулъ мой кошелекъ, и подалъ ей оной; одною рукою закрыла она свои глаза, а другою отвергнула мою руку. Я повергся къ ея ногамъ и повторялъ съ горячайшими выраженіями мою прозьбу: но тщетно. Обманщица сія вознамѣрилась то, что я принуждалъ ее съ умиленіемъ принять, похитить у меня другимъ образомъ, чтобъ не имѣть нужды благодарить. Я принужденъ былъ взять подарокъ мой опять назадъ.

Теперь не зналъ я, что мнѣ надлежало дѣлать. Всѣ мои бесполезныя покушенія умножили пылающее мое желаніе сохранить *Царину*. Я твердо былъ увѣренъ о ея великодушїи; и ея молчаніе казалось мнѣ сильнѣйшимъ доказательствомъ, нежели некорыстолюбивый образъ, съ которымъ она мнѣ отказала принять не малую сумму. — Къ чему недостатокъ и нужда не принуждаетъ часто самаго некорыстолюбиваго? Можно ли болѣе ожидать отъ человѣческаго великодушїя, какъ что бы оно пропавилось симъ обоимъ сильнымъ соперникамъ съ непоколебимымъ постоянствомъ и одолѣніемъ? Можно ли болѣе ожидать, какъ чтобы оно пренебрегало ради пользы другаго всѣ собственныя разсужденія, опасность и безпокойство и съ холоднымъ духомъ жертвовало собою великодушїю?

Такъ я размышлялъ; и сіе высокое понятіе, которое я теперь предпрїялъ о великодушїи *Царины*, сдѣлало, естли по возможно было, мою любовь чрезъ почтеніе мною къ ней ощущаемое, еще сильнѣе; и какъ сія сильная любовь иначе не могла излишья, то она превзошла въ смертельную къ тебѣ ненависть, любезный мой *Харитесь*. Я услышалъ, что ты былъ причиною ея несчастія,

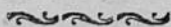
стія и моего опчаянія. Я тебя возненавидѣлъ, о искреннѣйшій и невиннѣйшій другъ! прости мнѣ и въ сей обидѣ, которая была ни мало не моя; да, я тебя возненавидѣлъ. Я началъ предпринимать ужаснѣйшія намѣренія опмщенія — Небо оказало ко мнѣ еще милость удержавъ меня отъ онаго — Какъ я препену еще теперъ, когда я подумаю о томъ, сколь я былъ близокъ къ злѣйшему злодѣйству сдѣлаться убійцею моего друга!

Въ такихъ я углубился мысляхъ, и сердце мое препенало исполнено будучи таковыми мстительными страстями, какъ застучали въ двери. Царина испугавшаяся вскочила. „ Намъ измѣнили, „ возопила она, я несчастна! Тебя ищутъ „ у меня! „ Я уразумѣлъ сіи слова, которыя случайно казалось открывали ту самую тайну, которую Фатеръ мнѣ открылъ. Обо мнѣ спрашиваютъ? я вышелъ изъ горницы не безъ смущенія и изумленія: но я имѣлъ только причину на первое. Фатеръ велѣлъ мнѣ сказать, естли я хочу ему помочь, то онъ теперъ имѣетъ нужду въ моей помощи. Я поспѣшилъ къ Царинѣ и сказалъ ей, что я принужденъ ее оставить на нѣсколько минутъ, и велѣлъ вѣстнику проводить себя къ Фатеру.

Фатеръ сидѣлъ съ другимъ игрокомъ за столомъ. Дикой видъ его лица, пылающіе его глаза, кляшвы, имъ произносимыя при вступленіи моемъ въ горницу возвѣщали мнѣ о его несчастіи. Онъ вскочилъ предо мною, и обнималъ меня. „ Я несчастливъ, сказалъ онъ; *Царина* ужё ничего болѣе не имѣетъ, кромѣ сего бѣднаго остатка, коему порой ты вонѣ шамъ видишь! „ Я подошелъ къ столу и увидѣлъ кучу денегъ, лежащую предъ другимъ игрокомъ. Сколь велика склонность моя къ игрѣ ни была, однако она на сей разъ обуздана была другими разсужденіями. Однако между тѣмъ я отважился съ оспороженностію на маленькую игру. *Фатеръ* проигрывалъ безпрестанно: каждая карта щаспливила мнѣ, куча моя умножалась, а съ нею и мой жаръ. Я отважился ставить больше, и щастіе мое меня прельщало. *Фатеръ* казалось ободрялъ меня, хотя онъ проигрался. Соперникъ нашъ передернулъ карту; я оное примѣтилъ, и *Фатеръ* далъ мнѣ знакъ пронувъ меня ногою. Я не хотѣлъ пропустить столь щасливый минушый рѣшить вдругъ все щастіе игры. Я держалъ цѣлой банкъ на передернутую карту. Соперникъ мой казался быть въ изумленіи, онъ блѣднѣлъ, онъ заикался:

про-

проклятыя искусства обманщика! — Онъ кидалъ карты дрожащею рукою, глаза мои были устремлены на столъ, сердце мое препешало: однако я ожидалъ отъ етой карты вѣрнаго выигрыша; ибо знакъ, данной мнѣ *Фатеромъ*, казалось увѣрилъ меня въ ономъ, что я и самъ точно видѣлъ.

Для чего я останавливаю любопытство твое! обманъ прельщалъ глаза мои: безопасность моя обманула меня, карты пали равно, и я сдѣлался бѣденъ. Позволь мнѣ лучше описать тебѣ, сколько мнѣ возможно, состояніе моего сердца; сколь бы языкъ ни былъ недоступенъ въ словахъ выразить отчаяніе мое. Я окаменѣлъ отъ ужаса: сердце мое уже не билось; кровь во мнѣ остановилась; я лишился языка и слуха; все померкло предъ моими глазами. Но оцѣпенѣніе сіе, сомнительное сіе существованіе между жизнію и смертію, не долго продолжалось. Тѣмъ разныхъ движеній, покоившихся до сего времени, ужасъ, угрызенія совѣсти, раскаяніе, стыдъ, мученіе, отвращеніе къ самому себѣ, пылающее болѣзнованіе о моемъ оцѣвѣ, опасеніе срама и бѣдности, мучительное безпокойствіе о *Царинѣ* возбудились и вдругъ взволновались въ моемъ сердцѣ. Я ходилъ въ крайнемъ движеніи съ поропливостію въ

несчастной комнатѣ взадъ и впередъ; тысячи мыслей родились и исчезали попеременно. Я размышлялъ, вознамѣрялся и отвергалъ. То проклиналъ я игру, то самого себя, то *Фатера*, меня къ тому привлекавшаго, то тебя, невиннаго, котораго почиталъ я первою причиною всего моего несчастія. То вспоминалъ я о моемъ опцѣ; и какъ я могу тебѣ описать мученія, сопряженныя съ симъ воспоминаніемъ? Я былъ безъ чувствъ, я опчаявался, я бѣсился, я проклиналъ себя, жизнь, свѣтъ, судьбу. Спохватно вознамѣрялся я бѣдной моей, тогда всей надежды лишенной, жизни сдѣлать конецъ. Но вспомня о участи *Цюриинной*, и желая ее видѣть еще разъ, остановлялъ я лютыя свои вознамѣренія.

Я хочу ее видѣть, говорилъ я самъ къ себѣ: я расскажу ей мое несчастіе. Она удаляется, а я? — Я съ нею удаюсь: но не безъ мщенія. Сей несчастный вечеръ сдѣлалъ трехъ несчастныхъ бѣдными, несчастными, злополучными, ее, моего опца, меня: есть ли ужаснѣйшая судьба не довольна еще тѣмъ, что она увидитъ пролитую кровь; кровь, учинившаго всѣхъ насъ несчастными!

Въ семъ кровожаждущемъ вознамѣреніи оставилъ я комнату, не примѣняя,

тя, что *Фатеръ* и другой игрокъ удалились. Теперь лишъ только я увидѣлъ, что я остался одинъ: однако мнѣ не пришло ни мало на умъ, что они были обманщики. Я думалъ, что *Фатеръ* также былъ разсѣянъ, и что онъ столь же мало зналъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, какъ и я; и поспѣшалъ увидѣть *Царину*.

Я пришелъ ко двору, и нашелъ дорожную коляску предъ дверями. Я утрашился, но безъ подозрѣнія. Все мое безпокойствіе состояло въ ея потерѣ. Я думалъ, что она дожидалась меня только для того, что бы въ послѣдней разъ со мною проститься, и поспѣшалъ въ домъ. Но, о небо! какое изумленіе! она встрѣчается со мною, какъ я приближался къ ея комнатѣ, держась за руку игрока, набогатившагося моими деньгами. Я окаменѣлъ, и заикался говоря ей; она съ стороны кинула на меня ругательный взоръ, отвратила лице свое съ презрительною улыбкою къ своему спутнику, и прошла мимо не сказавъ мнѣ ни слова. Сей неожиданный взоръ не допустилъ меня въ скорости предпріять намѣренія. Между тѣмъ они сѣли въ коляску, и уѣхали съ поспѣшностію.

Вся моя надежда была увидѣть еще *Фатера*: я его искалъ; но тщетно. Тогда началъ

я подозрѣвать ужаснѣйшій обманъ : однако мнѣ не возможно было привести въ связь все происшедшее. Если бы *Царина*, размышляя я, хотѣла обмануть меня, то къ чему предпринимать такія околичности? деньги мои были въ ея рукѣ. Оппустила ли бы она меня съ ними? *Фатеръ* встрѣпился со мною нечаянно, онѣ меня не видалъ, онѣ не зналъ, что я имѣлъ деньги. Если бы я самъ не вступилъ съ нимъ въ разговоръ, то бы мы ужё больше другъ друга и не увидѣли. Вотъ приключенія, и сіи приключенія не позволяюиъ предпринимать никакихъ намѣреній. — Но для чего игрокъ споль благопріятно принятъ былъ въ ихъ обществѣ? — меня вдругъ пренебрегли, и презрили! — Можетъ быть она не узнала меня въ крайнѣйшемъ своемъ разсѣянніи; можетъ быть *Фатеръ* ввелъ его къ ней; можетъ быть она въ крайнѣйшей нуждѣ, въ которой всѣ другія прибѣжища для нея были пресѣчены, должна была оказать ему учтивость, дабы не лишиться хотя его помощи. — Я не могъ никоимъ образомъ сообразить ни сихъ противныхъ обстоятельствовъ, ниже открыть тайну. Однако подозрѣніе мое было сильнѣе всѣхъ доводовъ, которыми я могъ ее извинить.

ВЪ сей мучительной неизвѣстности и безпокойствѣи вспомнилъ я о бумагахъ, выкинутыхъ *Фатеромъ* по неосторожности; я вынулъ ихъ съ поспѣшно-стію, и читалъ обнаруженіе наихитрѣй-шія и отвратительнѣйшія злобы. Увы! другъ, если бы я ихъ прочиталъ ча-сами двумя ранѣе! то бы я не низвергнулся въ крайнѣйшее несчастіе, имѣя вѣрнѣй-шее предостереженіе въ рукахъ! Сколько часто зависитъ бѣдность, и самая жизнь несчастныхъ людей отъ наима-лѣйшей бездѣлицы, ими пренебрега-емой! — Вотъ тебѣ списокъ писемъ.

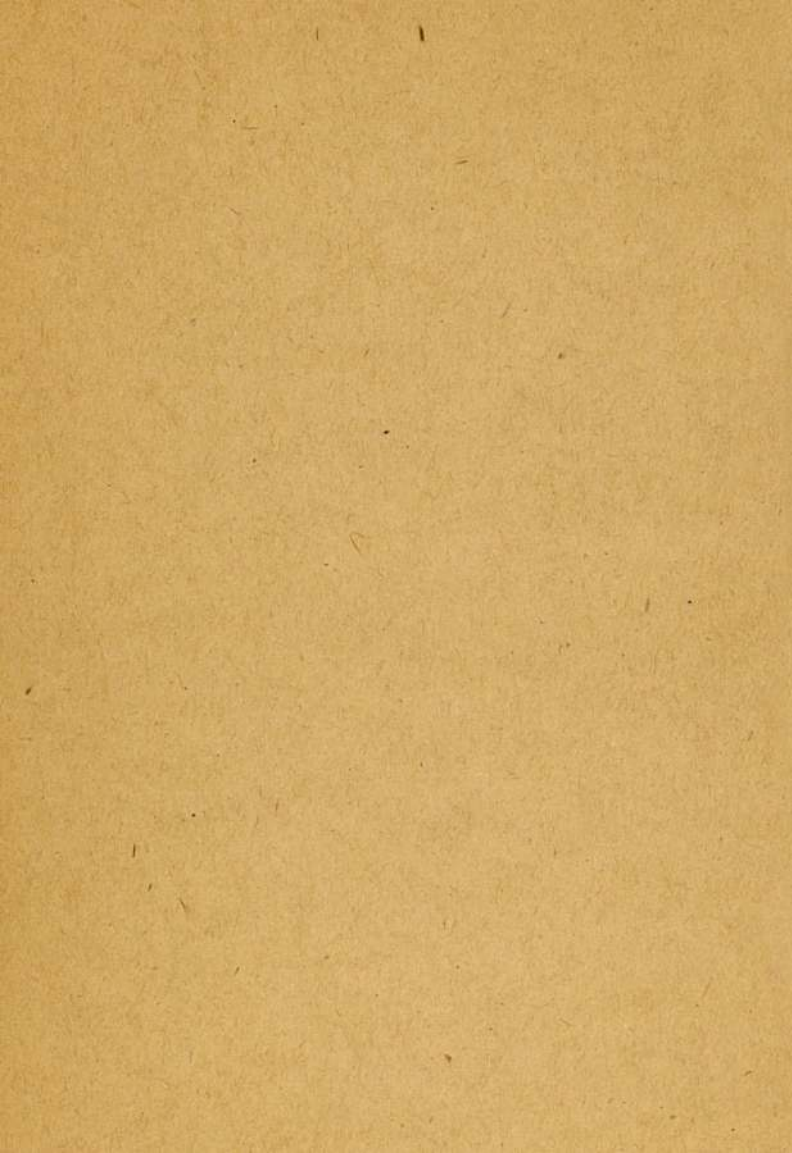
Перепель съ Нѣмецкаго Алексѣй Жилинъ.

КОНЕЦЪ Ш. ЧАСТИ.

И. П. Ф. - 324

54 7.3

1/90

сент. - дек.